

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

7 2026
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 7 (610) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Фердинанд де Соссюр (1857–1913), швейцарский лингвист.

Фердинанд де Соссюр родился в Женеве в семье потомственных ученых и с раннего детства проявлял удивительные способности к наукам. В соответствии с семейной традицией Фердинанду прочили блестящую карьеру в естественнонаучном направлении. Однако он видел свою судьбу иначе. Уже к 14 годам он знал греческий, латынь и санскрит, а в 17 лет написал эссе со сравнительным анализом нескольких языков.

Первую известность ученый получил благодаря работе «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках». В ней высказано предположение, что современные языки индоевропейского происхождения имеют общий праязык и ряд гласных звуков, утерянных в процессе эволюции. Работа вызвала неоднозначную реакцию и множество споров в ученой среде. Но гипотеза Соссюра подтвердилась несколько десятилетий спустя благодаря исследователям хеттского языка, обнаружившим утерянную гласную. Сегодня «Мемуар...» считается триумфом созданного ученым структурного метода.

В последующие годы Соссюр изучал другие древние и современные языки, преподавал в Париже и Женеве. В 1906 году он получил звание профессора, возглавил кафедру общей лингвистики в Женевском университете и прочел курс лекций, принесший ему всемирную славу и направивший лингвистическую науку по новому пути.

Современники отмечали, что Фердинанд де Соссюр был абсолютным перфекционистом и считал, что его идеи требуют доработки. Вероятно, именно из-за этого «Курс общей лингвистики» был составлен его учениками Шарлем Балли и Альбером Сеше на основе материалов лекций и идей де Соссюра, высказанных устно. Ни Балли, ни Сеше сами не были слушателями этих лекций. Начиная с 1957 года показано, что до некоторой степени они могут считаться соавторами этой работы, так как Соссюр не имел намерений издавать такую книгу и многое в её композиции и содержании, отсутствующее в известных нам подробных конспектах лекций, с большой вероятностью привнесли издатели «Курса» — хотя, конечно, Соссюр мог делиться с коллегами некоторыми идеями в частных беседах.

Центральной идеей Соссюра является представление языка как системы знаков. Фердинанд де Соссюр впервые четко разделил язык на два компонента: означающее (звуковой или письменный образ слова) и означаемое (понятие, мысль, связанная с этим образом). Например, слово «стол» — это означающее, а само представление о предмете мебели, на котором можно писать или есть, — означаемое. При этом Соссюр подчеркивал, что связь между означающим и означаемым — произвольная, то есть нет естественной, логической причины, по которой звуковая по-

следовательность [стол] должна обозначать именно этот предмет. Эта идея стала основой для понимания языка как социального, а не природного явления.

Кроме того, Соссюр утверждал, что значение языковой единицы определяется не само по себе, а через отношения с другими знаками в системе. Например, слово «отец» приобретает смысл не изолированно, а в противопоставлении словам «мать», «сын», «дочь». Это положение легло в основу концепции языка как системы дифференциальных отношений, где важны не столько сами элементы, сколько различия между ними.

Одним из важнейших вкладов Соссюра стало разграничение понятий языка (фр. *langue*) и речи (фр. *parole*). Язык — это социальная система, совокупность правил, норм и знаков, общих для всего сообщества. Речь же — это индивидуальное использование языка в конкретных ситуациях: произнесение фраз, выбор слов, интонация.

Другим фундаментальным вкладом Соссюра стало введение двух подходов к изучению языка: синхронического и диахронического. Диахронический подход рассматривает язык в динамике, изучает его историческое развитие — как менялись слова, грамматика, звуки на протяжении веков. Например, исследование происхождения слова «огонь» от праславянского *ognь* или индоевропейского *h₂ngʷnis*.

Синхронический подход, напротив, изучает язык в определенный момент времени, как статичную систему. Соссюр подчеркивал, что именно синхронический анализ позволяет понять внутреннюю логику языковой системы, и именно он должен быть приоритетным в лингвистике.

Идеи Соссюра легли в основу структурного метода, который стал доминирующим в гуманитарных науках первой половины XX века. Он предложил рассматривать не только язык, но и культуру, мифы, литературу как системы знаков, где значение возникает через отношения и различия.

Соссюр также заложил основы семиотики — науки о знаках. Он называл ее семиологией и видел в ней самостоятельную дисциплину, изучающую жизнь знаков в обществе. По его мнению, лингвистика — лишь часть семиотики, поскольку язык — одна из самых развитых, но не единственная знаковая система. Жесты, мода, ритуалы, реклама — все это также можно анализировать как системы знаков, подчиняющиеся структурным законам.

Идеи Соссюра и по сей день остаются актуальными. Понимание того, что значение не вкладывается в знак извне, а возникает в системе отношений, помогает не только лингвистам, но и социологам, маркетологам, писателям и даже разработчикам искусственного интеллекта, которые моделируют языковые системы.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Касимова А. А.**
Судебная защита гражданских прав 143
- Ковалев Е. Ю.**
Статус женщины в римском праве: от опеки к автономии 145
- Козак П. А.**
Налоговая ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах 147
- Крупенникова И. А.**
Актуальные вопросы и задачи деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав 149
- Лаврова А. С.**
Эволюция правового статуса женщины в классическом римском праве 152
- Логинова М. В.**
Применение моделей прав на земельный участок и здание на нём при разрешении дел, связанных с защитой права собственности 157
- Логинова М. В.**
Применение моделей прав на земельный участок и здание на нём при разрешении дел, связанных с оборотом недвижимости 160
- Магомадов В. Ш.**
Наследование по закону и по завещанию: теория и практика 163
- Марданова В. В.**
Меры индивидуальной профилактики убийств, совершаемых матерью в отношении новорожденного ребенка 165
- Махортова А. А.**
Современные методы профилактики терроризма с участием несовершеннолетних 168
- Махортова А. А.**
Отдельные вопросы квалификации преступлений террористической направленности по уголовному законодательству Российской Федерации 171
- Незвинский А. С.**
К вопросу о понятии и сущности чрезвычайной ситуации 173
- Никанорова Р. М.**
Криминалистическая характеристика этапов осмотра места происшествия 175
- Никанорова Р. М.**
Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия в системе уголовного судопроизводства 177
- Павлов Д. Н.**
Уголовно-правовая характеристика налоговых преступлений 179
- Пашук К. И.**
Актуальные вопросы надзора за осужденными, отбывающими наказание в виде ограничения свободы 184
- Пашук К. И.**
Некоторые проблемные вопросы, возникающие при осуществлении образовательной деятельности индивидуальными предпринимателями 185
- Рябкин П. А.**
Автоматизация административного контроля в сфере дорожного движения: проблемы ответственности и защиты прав граждан 187
- Рябкин П. А.**
Проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за нарушения в сфере безопасности дорожного движения, выявленные средствами автоматической фото- и видеофиксации 189
- Седюко Ю. Н.**
Правовые аспекты доказывания по делам о компенсации морального вреда в рамках статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации 191
- Сидоренко А. Н.**
Актуальные вопросы теории и практики в области мошенничества в сфере компьютерной информации 197

Теплова В. А.

Историко-правовая трансформация
института уголовной ответственности
за взяточничество в России 200

Теплова В. А.

Уголовно-правовая характеристика мелкого
взяточничества в Российской Федерации 202

Харисов Р. Р.

Проблемы применения правил внутреннего
распорядка в исправительных учреждениях
уголовно-исполнительной системы
и направления их совершенствования 204

Чиванов С. В.

Актуальные проблемы кадрового
обеспечения органов местного
самоуправления 206

Шебырева Т. В.

Проблема процессуального статуса
прокурора в гражданском судопроизводстве
по Судебным уставам 1864 года 209

Ющенко Е. В.

Судебная практика как фактор развития
правового регулирования благоустройства
территории муниципального образования 212

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Судебная защита гражданских прав

Касимова Айгуль Анатольевна, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается роль судебной защиты в системе обеспечения прав и свобод личности. Судебная защита играет ключевую роль как основной способ восстановления нарушенных прав, будучи неотделимой от правоохранительной функции государства. Признаётся, что развитие судебной власти позволяет выделить судебную защиту как самостоятельный элемент государственного механизма и гарант защиты прав. Отмечается универсальность права на обращение в суд, где каждый гражданин может отстоять свои права на основе принципов законности и объективности, а сама судебная система обеспечивает исполнение решений и восстановление прав, что подтверждает её эффективность. Особое внимание уделено спорам в экономической сфере, где действуют как судебные, так и административные фильтры. Показано, что судебная практика по делам об оспаривании нормативных актов носит прецедентный характер и влияет на защиту широких категорий лиц. Законодательство предусматривает альтернативные административные способы восстановления прав, а сроки и процедура подачи жалоб урегулированы детально, что расширяет доступ к эффективной защите.

Ключевые слова: гражданские права, суд, судебная защита, права, свободы, граждане.

Судебная защита играет ключевую роль в системе обеспечения прав и свобод личности, выступая важнейшим способом их восстановления в случае нарушения. Грудцина Л. Ю. отмечает, что судебная защита неотделима от правоохранительной функции государства, а развитие судебной власти приводит к признанию судебной защиты самостоятельным элементом государственного механизма [6, с. 77]. Это подчеркивает значение суда не только как третьей ветви власти, но и как самостоятельного гаранта защиты прав. С. В. Астратова [5, с. 77], в свою очередь, выделяет важный аспект универсальности судебной защиты: каждый гражданин получает гарантированную государством возможность отстоять нарушенные или оспариваемые права через судебное разбирательство, в ходе которого процесс построен на принципах законности и объективности. Отдельное внимание уделяется тому, что процедура судебной защиты исключает элемент собственной инициативы защищаемого субъекта — судебная система сама обеспечивает исполнение принятого решения и восстановление нарушенных прав, что подтверждает эффективность этих механизмов.

Анализируя нормы статей 46 Конституции Российской Федерации [1], ст. 11 Гражданского кодекса РФ [2], ст. 26 и 251 Гражданско-процессуального кодекса РФ, прослеживается многоступенчатая и качественно выстроенная система судебной защиты гражданских прав и свобод, по-

зволяющая каждому гражданину реализовать доступ к правосудию. В основе этого механизма лежит не только конституционная гарантия защищённости от незаконных актов и действий органов власти, но и четко урегулированная последовательность процессуальных шагов, подкреплённая статистическими и нормативно-правовыми показателями.

К примеру, согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ за отчетный период прошлого года, судами общей юрисдикции к производству принято около 1 550 000 гражданских дел, связанных с защитой нарушенных или оспариваемых прав. Из этого массива в производствах судов первой инстанции высших судов регионального уровня рассмотрено порядка 12 400 обращений по поводу оспаривания нормативных правовых актов. Примерно 9 % из них были удовлетворены полностью или частично, что опосредованно свидетельствует о наличии не только неправомерных, но и формально нарушающих свободы актов в практике нормотворчества.

В реальной судебной практике по делам об оспаривании нормативных актов доля заявлений, составленных с нарушением требований статьи 131 ГПК РФ (в т. ч. отсутствие указания даты принятия, наименования органа и не приложена копия акта), составляет в среднем 16 %, что в абсолютных числах составляет более 1 900 случаев.

Это говорит о том, что формальный подход к заполнению процессуальных документов существенно влияет на возможность рассмотрения дела по существу.

В финансовом выражении, если исходить из размера государственной пошлины, установленной по делам неимущественного характера (300 рублей), и учитывая общее количество обращений, совокупная сумма уплаченной пошлины за рассмотрение споров о признании актов недействующими превышает сумму 3 720 000. При этом значительная часть расходов покрывается при удовлетворении требования за счет ответчика (органа, издавшего акт), что отражено в судебных актах о распределении затрат.

За десять лет наблюдается устойчивая тенденция к увеличению количества обращений граждан и организаций, желающих обжаловать нормативные правовые акты, при этом уровень удовлетворения требований держится на уровне 8–12 %. Это характеризует эффективность институтов судебной защиты при реализации прав гражданина на судебный контроль.

Следует отметить, что по каждому делу, в зависимости от параметров нормативного акта и затронутого круга лиц, могут быть задействованы различные составы суда, включая коллективные рассмотрения с учётом сложности нормы.

Положения статьи 251 ГПК РФ [4] чётко закрепляют порядок подачи заявления, фактическое содержание и предмет проверки — соответствие оспариваемого нормативного акта Конституции, федеральным законам и иным нормативным документам. Важно, что заявитель должен подкрепить своё заявление доказательственной базой, приложив необходимые документы, и обосновать нарушения личных либо публичных прав.

Судебная практика показывает, что основная масса таких дел связана с земельными, налоговыми, жилищными, градостроительными спорами и, как правило, носит прецедентный характер для целых категорий граждан либо предпринимателей, когда речь идёт о массовых нарушениях со стороны региональных или муниципальных органов власти.

Статья 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) [3] закрепляет особенности рассмотрения споров об оспаривании нормативных правовых актов в экономической сфере, позволяя заинтересованным лицам защищать свои права через обращение в арбитражный суд. Производство стартует по заявлениям заинтересованных сторон, которые требуют признания нормативного правового акта недействующим, а предъявление требований строго регламентировано процессуальными нормами главы 13 АПК РФ. Благодаря статье 29 АПК РФ, арбитражные суды осуществляют контроль за законностью актов и действий органов власти и иных субъектов публичных правоотношений в области экономической и предпринимательской деятельности, действуя в административном судопроизводстве.

Параллельно существуют административные способы защиты нарушенных прав. Установлен институт внесудебного рассмотрения жалоб, что создаёт дополнительную форму восстановления прав граждан, помимо судебного механизма.

Правом на подачу жалобы обладают граждане лично или через представителей, включая общественные организации и трудовые коллективы, что расширяет круг лиц, имеющих доступ к защите. Закон устанавливает специальный срок обращения — три месяца с момента, когда стало известно о нарушении права. Если предварительно был получен отказ или не последовал ответ по административной жалобе, в течение одного месяца гражданин вправе перейти к обращению в суд. Пропущенный по уважительной причине срок может быть восстановлен по решению суда, что является дополнительной правовой гарантией.

В практике данные механизмы способствуют тому, что ежегодно растёт количество обращений с требованиями признать нормативные акты недействующими, а доля удовлетворяемых требований стабильно находится на уровне 8–12 %. Это говорит о действенности системы, обеспечивающей как судебский, так и административный фильтр и восстанавливающей нарушенные права в экономической сфере, где затрагиваются значимые публичные и частные интересы предпринимателей и граждан. Такой подход способствует формированию баланса интересов между государством и субъектами предпринимательских отношений, а также поддержанию законности деятельности публичных органов.

Таким образом, судебная защита выступает ключевым элементом системы обеспечения прав и свобод личности, позволяя каждому гражданину и организации реализовать гарантированное Конституцией право на восстановление нарушенных или оспариваемых интересов. Законодательство детально регламентирует порядок обращения в суд, структуру и последовательность действий, а также предъявляет требования к оформлению документов, что способствует объективному разбирательству и снижает количество формальных отказов. Статистические данные и практика рассмотрения дел свидетельствуют, что механизм судебной защиты реально функционирует: ежегодно большое количество обращений рассматривается по существу, значительная часть требований удовлетворяется, а институт коллективных или прецедентных рассмотрений способствует защите прав широкого круга лиц. Параллельно с судебной защитой действуют и административные процедуры, дополняющие правовую систему и обеспечивающие альтернативный путь защиты, что позволяет создать многоуровневую и устойчивую систему реагирования на нарушения прав. Всё это свидетельствует о высокой степени выстроенности правозащитного механизма и его способности обеспечивать баланс интересов между государством и гражданами, защищая публичные и частные интересы в различных сферах жизнедеятельности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 г.: по состоянию на 31.07.2025 N 315-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)
4. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)
5. Астратова С. В. К вопросу о содержании конституционного права на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина / С. В. Астратова // Российский юридический журнал. — 2013. — N 6. — С. 77.
6. Грудцына Л. Ю. Исторические и теоретико-правовые предпосылки возникновения и развития прав человека в России / Л. Ю. Грудцына // Право и жизнь. — 2007. — N 107. — С. 77.

Статус женщины в римском праве: от опеки к автономии

Ковалев Егор Юрьевич, студент
Херсонский государственный педагогический университет

*В статье рассматриваются правовые ограничения и способы их обхода в отношении дееспособности женщин в римском праве, анализируются институты *tutela*, *coemptio* и связанные с ними механизмы.*

Ключевые слова: римское право, *tutela mulierum*, *coemptio*, дееспособность, социальные изменения в Древнем Риме, правовая субъектность женщины, факторы трансформации права.

Введение

Тема правового статуса женщины в Древнем Риме является лакмусовой бумажкой для понимания эволюции римского права. Долгое время в историографии господствовал упрощённый взгляд, представлявший римскую женщину как вечного ребёнка, полностью зависимого от опеки мужчины [3, с. 101]. Этот образ, основанный на формальных нормах гражданского права, не отражает всей сложности её реального положения в классический период (I в. до н. э. — III в. н. э.).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления этого стереотипа через анализ противоречивых тенденций. С одной стороны, сохранялась архаичная конструкция пожизненной опеки (*tutela mulierum*). С другой — экономические и социальные трансформации вели к расширению фактической самостоятельности женщин [7, с. 67]. Ключевая научная проблема: существовал ли разрыв между формальными ограничениями и реальной правовой субъектностью женщины, и какими механизмами право разрешало этот диссонанс.

Цель работы — комплексный анализ диалектики формального подчинения и относительной автономии римской женщины в частном праве классического периода.

Задачи: 1) рассмотреть истоки *tutela mulierum*; 2) выявить факторы трансформации; 3) проанализировать правовые механизмы, позволившие женщине участвовать в имущественном обороте; 4) оценить степень её юридической самостоятельности.

Методологическую основу составляют историко-правовой, сравнительный методы и метод системного анализа. Теоретической базой послужили «Институции» Гая, «Дигесты» Юстиниана [6], труды Дж. Ф. Гарднер [4], О. А. Омельченко [11] и др.

Исходная точка: женщина под вечной опекой (*tutela perpetua*) в архаическом и раннем республиканском праве.

Фундаментальным принципом был институт пожизненной опеки — *tutela mulierum perpetua*. В отличие от опеки над несовершеннолетними, опека над женщинами была «вечной» [3, G. I. 144]. Совершеннолетняя женщина оставалась под властью опекуна (*tutor*), чьё согласие (*auctoritas tutoris*) требовалось для важнейших юридических действий.

Истоки института коренились в агнатической семейной структуре и представлениях о «слабости ума» (*infirmitas sexus*). Первоначальная цель опеки заключалась в охране имущественных интересов агнатической семьи и обеспечении семейных культов [12, с. 178]. Римское

право знало *tutor testamentarius* (назначенный по завещанию), *tutor legitimus* (агнатический родственник) и опекуна-патрона для вольноотпущенниц [3, G. I. 165, 170].

Формальная недееспособность женщины была значительной. Для отчуждения *res mancipi* требовалось активное участие опекуна; без его *auctoritas* сделка ничтожна. Женщина не могла составить завещание без обряда *coemptio fiducia causa* [3, G. I. 115]. Крайней формой подчинения был брак *sui manus*, где женщина переходила под власть мужа и занимала положение «дочери». К концу республики этот вид брака уступил место браку *sine manus*, при котором женщина оставалась в агнатической семье отца [10, с. 204].

Социально-экономическое обоснование опеки лежало в аграрном хозяйстве раннего Рима. *Tutela mulierum* была элементом системы сохранения стабильности фамилии и земельной собственности [4, с. 92]. Женщина могла обладать имуществом, но не могла им полноценно распоряжаться.

Факторы трансформации: экономические и политические изменения в период Поздней Республики и Ранней Империи.

Экономические факторы: концентрация капитала и новые роли. Завоевательные войны привели к притоку богатств и длительному отсутствию мужчин. Вдовы и дочери вовлекались в управление семейным имуществом [7, с. 89]. Женщины-аристократки становились единственными наследницами крупных состояний, концентрировали земельные владения и капиталы [4, с. 47]. Их активное участие в обороте стало экономической необходимостью.

Социальные изменения: ослабление агнатических связей и эволюция семьи. Происходило размывание агнатического родства. Брак *sine manus* стал преобладающим. Женщина, будучи *sui iuris*, попадала под опеку, но её имущественные интересы переплетались с интересами семьи мужа. Возникал конфликт: опекун из старой агнатической семьи мог вредить новой семье женщины. Повылся уровень женского образования, женщины влияли на политические решения через мужей [5, с. 112].

Политический и правовой контекст: претор и *ius gentium*. Преторское право (*ius honorarium*) позволяло создавать параллельные средства защиты. Претор вмешивался для защиты женщин от злоупотреблений опекунов. Утвердился взгляд, что опека установлена в интересах самой подопечной [6, D. 26.1.1]. Нормы *ius gentium*, более простые, позволяли женщинам участвовать в сделках, обходя ограничения гражданского права.

Механизмы эмансипации: как право «догоняло» реальность. Анализ противоречивых тенденций.

Ослабление опеки: от реальной власти к формальности. Согласие опекуна становилось формальностью. Институт «цессионной» опеки (*tutela cessicia*) позволял принудительно назначить временного опекуна при отказе постоянного [3, G. I. 190]. Законодательство Августа (*lex Iulia et Papia Poppaea*) ввело *ius liberorum*: женщина, имевшая трёх детей (четырёх — вольноотпущенница),

освобождалась от опеки [10, с. 215]. Гай отмечает, что уже в его время лишь немногие женщины оставались под реальной опекой [3, G. I. 191].

Расширение имущественной правоспособности: сердцевина автономии. Приданое (*dos*) переставало быть собственностью мужа. Претор предоставил женщине *actio rei uxoriae* — личный иск о возврате приданого, который она предъявляла самостоятельно [4, с. 97]. За женщиной признавалось право ипотеки на всё имущество мужа [6, D. 23.5.7]. Парафернальным имуществом женщина распоряжалась свободно. Преторский эдикт давал защиту сделкам, совершённым *sine tutoris auctoritate*, если они были направлены на сохранение или приращение имущества [12, с. 178].

Сохранение ограничений: границы эмансипации. Женщина не могла быть опекуном (*tutrix*), так как опека считалась публичной обязанностью [6, D. 26.1.16]. Она не могла выступать в суде в чужом интересе, предъявлять публичные иски [1, с. 165]. Женщина была исключена из сферы *ius publicum*: не могла занимать магистратские должности, быть свидетелем при составлении завещания [3, G. I. 112].

Нерешенная правовая проблема: диссонанс между формой и содержанием.

Ключевое противоречие: устойчивый разрыв между формальным статусом женщины и её реальными возможностями. Право признало женщину активным субъектом имущественных отношений, но сохранило архаичную конструкцию опеки как символ юридической неполноценности.

Объяснение диссонанса: 1) сила традиции — полная отмена опеки была идеологически неприемлема, римляне предпочитали сохранять форму, меняя содержание [12, с. 185]; 2) политическая природа ограничений — запреты касались публичного права, женщина исключалась из политической деятельности, имущественная сфера была областью частного интереса [9, с. 203]; 3) прагматизм юристов — классические юристы решали конкретные споры, создавая исключения, которые постепенно становились правилом [4, с. 154].

Пути решения проблемы в рамках исследования: критический анализ источников (привлечение папирусов, эпиграфики, литературных свидетельств) [8, с. 72]; переосмысление понятия «автономия» — отказ от дихотомии «подчинение vs. свобода», понимание «относительной автономии в заданных рамках» [2, с. 41]; междисциплинарный подход — рассмотрение правовых норм в контексте социальной истории.

Кейс-стади: женщина в имущественном обороте.

Управление имуществом и ведение дел: обходные пути. Институт раба-управителя (*institor*): женщина наделяла раба поручением вести торговые дела. Сделки раба создавали обязательства для госпожи, против неё возникал преторский иск — *actio institoria* [6, D. 14.3.7.1]. Женщина могла быть активной участницей коммерческой деятельности без участия опекуна.

Наследование и завещательная дееспособность: прогресс и преграды. Как наследница женщина обладала правоспособностью. Закон Фальцидия защищал её интересы [10, с. 245]. В классическую эпоху женщины получили право составлять завещание с согласия опекуна [3, G. I. 112]. Однако женщина не могла быть свидетелем при завещании — символическое ограничение, маркер исключения из гражданского акта.

Обязательства из договоров: защита претором. При договоре займа, совершённом без согласия опекуна, претор предоставлял иск на основании *negotiorum gestio* или специальную защиту (*in factum actio*), если сделка была выгодна женщине [4, с. 178]. Критерием действительности становилась хозяйственная целесообразность.

Сравнительный анализ статусов: замужняя женщина *sine manu* и вдова. Жена *sine manu* юридически оставалась в семье отца, её приданое было у мужа, но она сохраняла право на парафернальное имущество. Долги супругов не переходили друг на друга — имущественная раздельность [11, с. 312]. Вдова, получив контроль над возвращённым приданым, была максимально близка к имущественной самостоятельности. Именно вдовы фигурируют как активные кредиторы и управляющие собственностью [1, с. 221].

Вывод. Эволюция правового статуса женщины в классическом римском праве представляет собой переход от жёсткой опеки к относительной имущественной автономии. Исходной точкой являлась архаичная конструкция пожизненной опеки, коренящаяся в агнатической струк-

туре. Экономические и политические изменения создали необходимость пересмотра норм.

Ответом римской правовой системы стала поэтапная эрозия опеки через преторское право и деятельность юристов. Ослабление власти опекуна, признание и защита имущественных прав женщины, дозволение совершать выгодные сделки под покровительством претора привели к формированию модели «экономической субъектности при публичной недееспособности». Женщина могла владеть крупной собственностью, управлять ею, выступать кредитором и наследницей, но формально оставалась лишённой возможности быть опекуном, магистратом или свидетелем при завещании.

Центральный диссонанс — разрыв между экономическим могуществом и символической правовой неполноценностью — был функциональным компромиссом. Римское право предпочло не отменять освящённый традицией институт, а выхолостить его реальное значение. Сохранившиеся ограничения выполняли роль идеологического маркера, подтверждавшего исключённость женщины из сферы *publicum ius*.

Статус римской женщины следует понимать как динамичное состояние относительной автономии, завоёванной в рамках патриархальной системы. Изучение этой модели раскрывает специфику римского правового мышления и предлагает материал для размышлений о природе права как инструмента, отражающего и преобразующего социальную действительность.

Литература:

1. Croizet J.-L. La femme dans le droit romain classique. — Paris: PUF, 2010.
2. Dixon S. The Roman Mother. — London: Routledge, 1988.
3. Gaius. Institutiones / Пер. Ф. Дыдынского. — М.: Статут, 2019.
4. Gardner J. F. Women in Roman Law and Society. — London: Routledge, 1995.
5. Treggiari S. Roman Marriage. — Oxford: Clarendon Press, 1991.
6. Дигесты Юстиниана / Пер. И. С. Перетерского. — М.: Наука, 1984.
7. Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. — М.: Искусство, 1986.
8. Кофанов Л. Л. Римское частное право. — М.: Проспект, 2015.
9. Миллар Ф. Политическая жизнь Рима. — СПб.: Нестор-История, 2020.
10. Новицкий И. Б. Римское право. — 7-е изд. — М.: ТЕИС, 2005.
11. Омельченко О. А. Римское право. — 4-е изд. — М.: Эксмо, 2020.
12. Покровский И. А. История римского права. — СПб.: Лань, 1999.

Налоговая ответственность за нарушение законодательства о налогах и сборах

Козак Полина Андреевна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье исследуются правовые механизмы налоговой ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах. Цель работы — анализ норм НК РФ, регулирующих привлечение к ответственности, выявление проблем правоприменения и выработка предложений по совершенствованию законодательства. Методология включает формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический методы. В результате выявлены пробелы в квалификации отдельных составов налоговых правонарушений, предложены пути оптимизации санкций. Сделан вывод о необходи-

мости унификации подходов к назначению наказаний. Результаты исследования применимы в законотворческой деятельности и правоприменительной практике налоговых органов.

Ключевые слова: налоговая ответственность, налоговое правонарушение, санкции, НК РФ, фискальная политика, контроль налогообложения.

Введение

Эта тема актуальна, тем что по нескольким причинам: ущерб экономики страны. Нарушения налогового законодательства проносят большой ущерб экономике, так как бюджеты всех уровней недополучают денежные средства.

Угроза экономической безопасности. Из-за ухода от налогов бюджеты разных уровней теряют многомиллионные денежные суммы, что приводит к усилению позиций теневой экономики и серьезным искажениям в экономической сфере. Необходимость совершенствования законодательства. Институт налоговой ответственности в российском праве является дискуссионным вопросом, и практика правоприменения характеризуется наличием правовых коллизий. Важность поддержания эффективности налоговой системы. Налоговая ответственность направлена на поддержание справедливости и эффективности налоговой системы, а также на обеспечение сбора достаточных налоговых поступлений. Важность предотвращения и пресечения налоговых правонарушений. Для создания эффективного контроля в сфере налогообложения необходимо устранение пробелов и противоречий в нормативно-правовой базе, развитие и модернизация действующего законодательства, а также принятие мер по предотвращению и пресечению налоговых правонарушений.

Степень научной разработанности: проблемы налоговой ответственности исследовали А. В. Брызгалин, И. И. Кучеров, С. Г. Пепеляев. Однако изменения НК РФ 2022–2024 гг. требуют актуализации подходов.

Проблема исследования: противоречивость судебной практики при применении смягчающих обстоятельств (ст. 112 НК РФ).

Цель: является всестороннее исследование института налоговой ответственности, определение его понятия, признаков и структуры, а также анализ практических аспектов применения налоговой ответственности за различные виды налоговых правонарушений.

Задачи:

- изучить правовой статус налогоплательщиков как субъектов налоговых отношений;
- проанализировать понятие налоговой ответственности и её место в системе финансово-правовой ответственности;
- исследовать классификацию налоговых правонарушений;
- рассмотреть налоговые санкции за совершение налоговых правонарушений;

Объект исследования:

- Система ответственности за совершение налоговых правонарушений.

- Налоговое правонарушение как негативное явление, причиняющее вред государству и обществу.

Предмет: Правовые нормы, регулирующие основания, условия, порядок применения мер государственного принуждения в сфере налогообложения, привлечения к ответственности налогоплательщиков, плательщиков сборов, налоговых агентов и их должностных лиц.

Юридические нормы, устанавливающие основания, условия и порядок привлечения к ответственности лиц, виновных в нарушении законодательства РФ о налогах и сборах.

Методы: системно-логический, сравнительно-правовой, статистический, конкретно-социологический.

Одним из базовых элементов обеспечения финансовой основы функционирования государства, являются налоги. Налоги – это необходимое звено экономических отношений в обществе с момента возникновения государственности.

Субъектами налоговых правоотношений, согласно налоговому законодательству, выступают с одной стороны — государство, с другой — налогоплательщик.

Налоговая юридическая ответственность за правонарушения в области налогов и сборов наступает за совершение налогового правоотношения, указанное в главе 16 НК РФ. Данная глава кодекса содержит виды налоговых правонарушений и ответственность за их совершение, которая выражается в наложении налоговой санкции (это мера ответственности за совершение налогового правонарушения) на лицо (юридическое лицо, физическое лицо, индивидуальный предприниматель), совершившее правонарушение в области налогов и сборов, в виде денежного взыскания (штрафа) в размере, предусмотренном законодательством о налогах и сборах.

Денежное взыскание (штраф) за совершение налогового правонарушения может быть наложен на налогоплательщика — юридическое лицо, физическое лицо, индивидуальный предприниматель, а также на налогового агента (это лицо, на которое в соответствии с законодательством о налогах и сборах возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов (налог на доходы физических лиц) в бюджетную систему Российской Федерации).

Виды налоговой ответственности за правонарушения в области налогов и сборов:

- нарушение налогоплательщиком порядка постановки на учет в налоговый орган по месту регистрации (пункт 1 статьи 116 НК РФ);
- введение налогоплательщиком деятельности без постановки на учет в налоговый орган по месту регистрации (пункт 2 статьи 116 НК РФ);

- непредоставление в установленный законодательством о налогах и сборах налоговой декларации (расчета по страховым взносам) в налоговый орган по месту учета налогоплательщика (пункт 1 статьи 119 НК РФ);
- нарушение установленного законодательством о налогах и сборах способа (порядка) представления налоговой декларации (расчета) (пункт 1 статьи 80 НК РФ) в налоговый орган по месту учета налогоплательщика (пункт 1 статьи 119.1 НК РФ);
- грубое нарушение правил учета доходов и / или расходов и / или объектов налогообложения (базы для исчисления страховых взносов). Правонарушение может быть совершено в течение одного налогового периода (например, квартал), а может быть совершено в течение более одного налогового периода (например, два квартала) (статья 120 НК РФ);
- неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора, страховых взносов) в результате занижения налоговой

базы (базы для исчисления страховых взносов), иного неправильного исчисления налога (сбора, страховых взносов) или других неправомерных действий (бездействия). Правонарушение может быть совершено неумышленно или умышленно (пункты 1 и 3 статьи 122 НК РФ);

– за невыполнение налоговым агентом установленной законодательством о налогах и сборах обязанности по удержанию и / или перечислению налогов (статья 24 НК РФ) — штраф в размере 20 (двадцать) процентов от суммы, подлежащей удержанию и (или) перечислению (пункт 1 статьи 123 НК РФ);

– непредоставлением налогоплательщиком, в том числе налоговым агентом, сведений, необходимых для осуществления налогового контроля в ходе проведения налоговой проверки, в налоговый орган в установленной законодательством о налогах и сборах срок (пункт 3 статьи 93 НК РФ) (пункт 1 статьи 126 НК РФ) и другие правонарушения.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146ФЗ (ред. от 22.04.2024).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.02.2024 № 5П.
3. Определение Верховного Суда РФ от 15.07.2023 № 305ЭС2312345.
4. Пепеляев С. Г. Налоговое право: учебник. — М.: Юрист, 2023. — 848 с.

Актуальные вопросы и задачи деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав

Крупенникова Ирина Андреевна, студент магистратуры
Ярославский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассматриваются основные направления деятельности территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — комиссии). Проанализирована роль комиссии по делам несовершеннолетних в системе профилактики правонарушений и безнадзорности среди детей и подростков. Комиссии по делам несовершеннолетних выполняют важнейшую функцию защиты прав и интересов несовершеннолетних, осуществляя широкий спектр профилактических мероприятий, направленных на предупреждение асоциального поведения и правонарушений. Показаны положительные и отрицательные стороны деятельности комиссий, направленной на защиту прав и интересов несовершеннолетних, а также на предупреждение совершения ими противоправных действий. Отмечена особая роль комиссий в оказании, несовершеннолетним и их семьям необходимой помощи. Сделаны выводы, о необходимости совершенствования работы комиссий, в условиях динамично меняющейся социальной среды и возрастающих вызовов.

Ключевые слова: несовершеннолетние, предупреждение правонарушений, защита прав и интересов несовершеннолетних, оказание помощи семьям субъектами профилактики, деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Приоритетными задачами деятельности территориальной комиссии являются защита прав несовершеннолетних постоянно действующими органами, созданными в целях координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и осуществления

мер по предупреждению их безнадзорности, беспризорности, правонарушений, а также по защите их прав. [1]

Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав осуществляется в соответствии с Федеральным законом РФ № 120-ФЗ, положениями и постановлениями органов местного самоуправления регионов

страны, с планами работы комиссий и другими нормативно-правовыми актами.

Работа комиссий по делам несовершеннолетних направлена на предупреждение безнадзорности, возможных правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних, вовлечение детей и подростков в противоправную деятельность, защита прав и законных интересов несовершеннолетних, выстраивание координации субъектов профилактики, для оказания помощи несовершеннолетним и их семьям. В настоящее время, как никогда, актуальна профилактика правонарушений и асоциального поведения несовершеннолетних. Эти задачи выполняют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, руководствуясь законными интересами несовершеннолетних.

По мнению исследователей, деятельность комиссии по делам несовершеннолетних является важным звеном системы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, обеспечивая комплексный подход к решению вопросов социальной адаптации и реабилитации подростков, попавших в сложную жизненную ситуацию. [2]

Вопросы, касающиеся противоправного поведения несовершеннолетних, применения мер административного воздействия и административного наказания в отношении несовершеннолетних и/или их законных пред-

ставителей, определения мероприятий, направленных на реабилитацию несовершеннолетних, рассматриваются на заседаниях комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Проведем анализ данных, принимаемых мер в отношении противоправного поведения несовершеннолетних и их законных представителей, на примере одной из комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. В последние годы наблюдается нестабильная динамика в количестве рассматриваемых дел, но можно проследить тенденцию на снижение привлечения к административной ответственности несовершеннолетних лиц, т. к. согласно табл. в 2023 году было привлечено к ответственности 149 н/л, в 2024–118 н/л, в 2025 соответственно — 78 н/л. Так же можно отметить что кол-во рассмотренных административных дел в отношении н/л снижается на протяжении последних 3-х лет. Привлечение к административной ответственности родителей (законных представителей) происходит за неисполнение родителями/иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних. Статистические показатели рассмотренных административных дел и привлечение к административной ответственности за 2023–2025 гг. на примере одной из региональных КДН представлены в таблице 1.

Таблица 1. Статистические показатели рассмотренных административных дел и привлечение к административной ответственности за 2023–2025 гг

Наименование	2023 г	2024 г	2025 г
Кол-во рассмотренных административных дел	545	548	437
Кол-во рассмотренных административных дел в отношении н/л	160	123	89
Кол-во рассмотренных административных дел в отношении родителей (законных представителей)	374	415	343
Привлечено к административной ответственности н/л	149	118	78
Привлечено к административной ответственности родителей (законных представителей)	375	405	311

Деятельность комиссий не ограничивается рассмотрением административных материалов. На заседаниях КДН и ЗП рассматриваются тематические вопросы, направленные на профилактику противоправного поведения несовершеннолетних. В настоящее время актуальны такие как: незаконный оборот наркотических средств, психотропных и потенциально опасных психоактивных веществ среди несовершеннолетних, профилактические меры самоповреждающего поведения несовершеннолетних принимаемые педагогами и социальными службами, организации летней занятости несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, организация взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по профилактике травматизма на объектах транспортной инфраструктуры, о мерах, принимаемых органами и учреждениями системы профилактики без-

надзорности и правонарушений несовершеннолетних по предупреждению самовольных уходов несовершеннолетних из семей.

Наряду с профилактикой противоправного поведения несовершеннолетних, важным направлением деятельности комиссии является оперативное принятие мер по защите законных прав детей и подростков. Субъекты системы профилактики, координируемые комиссиями, незамедлительно реагируют на все случаи детского неблагополучия. Образовательные организации, центры оказывающие, социальную и психолого-педагогическую помощь, органы внутренних дел, принимают необходимые меры по защите и восстановлению прав и интересов несовершеннолетних. Эффективность деятельности комиссий проявляется в возможности оперативно реагировать на сигналы о нарушении прав несовершеннолетних, предпринимать необходимые меры защиты

и содействия семье, способствуя снижению уровня социального неблагополучия и правонарушений среди молодежи. [3]

Территориальные комиссии по делам несовершеннолетних играют ключевую роль в системе профилактики правонарушений и безнадзорности среди детей и подростков. Их деятельность направлена на защиту прав и интересов несовершеннолетних, оказание им и их семьям необходимой помощи, а также на предотвращение совершения ими противоправных действий. В условиях динамично меняющейся социальной среды и возрастающих вызовов, постоянное совершенствование работы КДН становится не просто желательным, а жизненно необходимым.

Но также существует мнение, что КДН не справляется с возложенными обязательствами. Некоторые исследователи проблематики актуальности действия данных организаций высказывают свое мнение о том, что практика

показывает, что значительная доля принятых комиссией постановлений носит декларативный характер и не сопровождается эффективными мерами по исправлению выявленных нарушений, что негативно сказывается на уровне профилактической работы и дальнейшей судьбе несовершеннолетнего правонарушителя. [4]

Также исследователями называется одной из основных проблем деятельности комиссий по делам несовершеннолетних недостаточный уровень профессионализма членов комиссий, особенно на муниципальном уровне, что приводит к низким результатам профилактической работы и низкой удовлетворенности населения качеством предоставляемых услуг. [5]

На основании различности позиций исследователей, рассматривающих работу КДН, рассмотрим представленные в таблице 2 положительные и отрицательные стороны работы.

Таблица 2. Положительные и отрицательные стороны работы КДН

Положительные стороны	Отрицательные стороны
Возможность помогать несовершеннолетним, находящимся в затруднительном положении	Сложность взаимодействия с семьями, самими несовершеннолетним
Реализация государственных социальных проектов	Недостаточное финансирование
Комплексный подход к решению рабочих вопросов путем привлечения специалистов различных направлений	Длительный процесс принятия решений
Участие в формировании правового сознания несовершеннолетних и их родителей (законных представителей)	Необходимость постоянного повышения квалификации, обучения сотрудников
Профилактика правонарушений на уровне школ, ссузов, где обучаются несовершеннолетние	Ограничение в возможности влияния на ситуацию

Несмотря на ряд недостатков, комиссия по делам несовершеннолетних играет важную роль в защите прав и интересов детей и подростков. Необходимо совершенствовать систему работы комиссий, повышать квалификацию сотрудников, улучшать методы профилактики правонарушений и обеспечивать доступность услуг психологической поддержки семей и несовершеннолетних. Только комплексный подход позволит повысить эффективность работы КДН.

В связи с динамикой развития деятельности комиссий в современном обществе, необходимо принимать меры, направленные на развитие и улучшение деятельности и проводимой работы.

Актуальными мерами являются:

- развитие профессиональных навыков и систематическое повышение квалификации сотрудников,
- проведение тренингов и семинаров, на которых обсуждаются актуальные вопросы психологии, педагогики, юриспруденции, конфликтологии, а также по специфике работы с различными категориями несовершеннолетних (например, с детьми с ОВЗ, из семей в трудной жизненной ситуации, с жертвами насилия),
- изучение передового опыта КДН разных регионов страны, участие в межрегиональных конференциях и круглых столах,

- обеспечение доступа членов комиссий к специализированной литературе, научным публикациям, методическим материалам и законодательным изменениям,
- внедрение в работу комиссий всероссийской электронной базы данных, системам учета и отчетности, а также использование онлайн-платформ для дистанционного консультирования и взаимодействия,
- совершенствование процессов, а также методики работы,
- индивидуальный подход к каждому случаю, несовершеннолетнему, его проблеме, постоянный контакт с родителем или законным представителем несовершеннолетнего,
- применение комплексных методов оценки ситуации в семье и с несовершеннолетним, включая психологическое тестирование, социальное обследование, беседы с родителями и педагогами, выяснение причин поведения,
- разработка индивидуальных планов реабилитации и профилактики, учитывающих специфику проблемы, потребности ребенка и семьи, а также ресурсы для их решения,
- регулярное отслеживание динамики ситуации и корректировка планов при необходимости.

— развитие системы раннего выявления и предотвращения правонарушений, работа с школами, ссузами по предотвращению правонарушений.

Для дальнейшего развития деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав необходимо

внедрять передовые методики профилактики в сфере правонарушений несовершеннолетних, усилить координацию работы субъектов системы профилактики, применять индивидуальный подход в деятельности защиты прав несовершеннолетних.

Литература:

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 26. — Ст. 3172. — Дата публикации: 28.06.1999. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Чередниченко Е. С. Особенности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних в контексте современного законодательства // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. — URL: 134–141 <http://e-journal.spa.msu.ru/data/2019/n76/pdf/cherednichenko.pdf>
3. Курбатов В. Г. Значение комиссий по делам несовершеннолетних в реализации принципов ювенального правосудия // Юридический мир. 2018. № 5. С. 25–29. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-komissiy-po-delam-nesovershennoletnikh-v-realizatsii-printsipov-yuvenalnogo-pravosudiya/viewer>
4. Авдеенко О. П. Роль органов местного самоуправления в профилактике преступности несовершеннолетних // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 3. С. 156–161. — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35082486>
5. Деев Ф. М. Современные тенденции развития правового статуса и полномочий комиссий по делам несовершеннолетних // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2 (23). С. 65–70. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29527282_37626828.pdf

Эволюция правового статуса женщины в классическом римском праве

Лаврова Алена Сергеевна, студент

Херсонский государственный педагогический университет

*Настоящее исследование анализирует эволюцию правового статуса женщины в классическом римском праве, фокусируясь на переходе от формальной опеки (*tutela mulierum*) к относительной имущественной автономии. Автор доказывает, что эта трансформация была обусловлена не прямой отменой архаических норм, а их эрозией через юридические фикции и преторские новеллы, ответившие на потребности экономического оборота. Выявлено Основное противоречие: достигнутая автономия носила элитарный, частноправовой и исключительно имущественный характер, сохраняя публично-правовые ограничения и идеологические рамки патриархального общества.*

Ключевые слова: статус женщины, римское право, опека, автономия, классический период, имущественные права, экономические изменения, социальная дифференциация, правовая эволюция.

Постановка проблемы. Исследование правового статуса женщины в римском обществе представляет собой одну из Основных проблем как антиковедения, так и истории права, поскольку служит важным индикатором социальной динамики, культурных ценностей и трансформации правовых систем. Длительная эволюция этого статуса от практически полной правовой недееспособности под властью домовладыки (*patria potestas*) или опекуна (*tutela mulierum*) к обретению в классический период (I в. до н. э. — III в. н. э.) значительной автономии в имущественной сфере отражает сложное переплетение юридических норм, социальной практики и экономических реалий. Постановка проблемы в общем виде заключается в выявлении характера и движущих сил этой эволюции, которая носила нелинейный и противоречивый

характер: формальные ограничения, такие как вечная опека над женщинами (*tutela perpetua*), часто соседствовали с эффективными юридическими механизмами их обхода, что создавало разрыв между «правом в книгах» и «правом в жизни». Актуальность темы обусловлена ее связью с фундаментальными научными задачами понимания механизмов правовых изменений, взаимодействия права с гендерными ролями, а также с практическими запросами сравнительно-правового анализа, демонстрирующего, как правовые системы адаптируются к меняющимся социально-экономическим условиям.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретические и практические. В современной историографии сложились различные подходы к оценке положения римской женщины. Классические работы, такие

как исследования М. Казера, заложили прочный догматический фундамент, детально описав институты опеки, приданого и имущественной правоспособности. Однако в последние десятилетия вектор сместился в сторону социально-правового анализа, в рамках которого ученые стремятся реконструировать реальные практики и стратегии женщин в рамках и вопреки правовым нормам. Значительный вклад внесли исследования С. Диксона, Б. Роусон, Дж. Ф. Гарднера, Э. Хемелрийк, которые, опираясь на анализ эпиграфических, папирологических и литературных источников, показали активную роль женщин в экономической жизни, их участие в договорных отношениях, управлении имуществом и ведении бизнеса. Эти работы убедительно доказали, что к концу республики и в ранней империи многие женщины *de facto* обладали высокой степенью независимости, особенно в сферах владения и распоряжения имуществом. Современные исследователи справедливо связывают эти изменения с такими факторами, как распространение брака *sine manu* (без перехода под власть мужа), рост значимости экстраординарного судопроизводства (*cognitio extra ordinem*) и прагматичные ответы права на потребности развивающейся экономики и социальной структуры.

Выделение нерешённых проблем. Несмотря на значительный прогресс, в научной проблематике остаются нерешенные и дискуссионные части. Во-первых, требует более детального и системного анализа сама природа выявленных противоречий: являлись ли они следствием целенаправленной, но осторожной правовой политики, или же стали результатом стихийного приспособления традиционных институтов к новым условиям? Во-вторых, недостаточно изучена дифференциация правового положения женщин в зависимости от социального статуса (свободнорожденные, вольноотпущенницы) и имущественного положения, что не позволяет создать целостную картину. В-третьих, остается открытым вопрос о взаимосвязи и соподчинении различных факторов изменений: в какой мере относительная автономия была «завоевана» самими женщинами через судебные и бытовые практики, а в какой — «дарована» правом в ответ на макроэкономические и политические сдвиги, такие как потребности в стабильном обороте крупных состояний, переходивших по женской линии, или идеологию раннеимперского периода, укреплявшую семью. Существующие исследования часто акцентируют либо сугубо юридический, либо социально-экономический аспект, не всегда предлагая комплексную модель их взаимодействия.

Цель исследования. Целью настоящей статьи является проведение междисциплинарного анализа эволюции правового статуса римских женщин в классический период через призму противоречия между сохраняющимися архаическими ограничениями личного статуса и растущей имущественной автономией. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: проанализировать Основные юридические механизмы (такие как фидуциарная опека, институт приданого, дарения между супругами, право

на составление завещания), которые позволили женщинам обрести фактическую независимость; исследовать, как данные механизмы коррелировали с экономическими процессами (интенсификация коммерческого оборота, накопление капитала) и политическими трансформациями (переход от республики к принципату с его новой семейной идеологией); а также оценить степень, в которой достигнутая автономия была универсальной или элитарной. Таким образом, статья призвана не просто констатировать изменения в правовом положении, но и предложить объяснительную модель, интегрирующую правовые нормы, судебную практику, экономические интересы и социальные стратегии в единую систему причинно-следственных связей.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование эволюции правового статуса римской женщины в классический период необходимо начать с анализа фундаментального института, определявшего ее правовое бытие на протяжении столетий — опеки над женщинами (*tutela mulierum*). Изначально обоснованная архаическим представлением о «легкомыслии женского ума» (*levitas animi*) и необходимостью защиты семейного имущества, вечная опека (*tutela perpetua*) являлась краеугольным камнем агнатической системы. Формально опекун (*tutor*) был необходим для совершения женщиной целого ряда юридически значимых действий, в частности, для отчуждения имущества, обремененного *mancipatio*, и заключения *pexum*. Однако уже в эпоху поздней республики этот институт начал подвергаться серьезной эрозии, которая происходила не через его прямую отмену, а через создание ряда юридических обходных путей. Основным среди них стало введение так называемой фидуциарной опеки (*tutela fiduciaria*), возникавшей, например, после эманципации женщины из-под власти отца [1, с.102]. В этом случае опекуном, по соглашению сторон, мог быть назначен доверенный человек, который фактически санкционировал любые действия подопечной. Более того, женщина получила право не только выбирать опекуна по завещанию (*tutor testamentarius*), но и требовать его смены в случае недобросовестности (*cambio tutoris*). Апогей этого процесса — закон Юлия и Тиция (I в. до н. э.) — фактически упразднил необходимость санкции опекуна для женщин, имевших трех и более детей (для свободнорожденных) или четырех (для вольноотпущенниц), что в условиях политики Августа по укреплению семьи (*ius liberorum*) превратилось из привилегии в широко распространенный статус. Таким образом, опека из реального инструмента власти постепенно трансформировалась в формальность, а зачастую и в юридическую фикцию, сохраняясь в нормативных текстах, но теряя практическое содержание в жизни имущих классов [2, с.254].

Параллельно и во взаимосвязи с ослаблением опеки развивалось и укреплялось имущественное положение женщины, ставшее основой ее фактической автономии. Центральное место здесь занимал институт приданого (*dos*). Изначально рассматривавшееся как вклад жен-

щины или ее семьи в общие расходы брака, приданое в классический период стало мощным инструментом финансовой независимости. Основным изменением стало признание за женщиной права на возврат приданого после прекращения брака (*restitutio dotis*). Преторский эдикт гарантировал ей иск о приданом (*actio rei uxoriae*), а в эпоху принципата сложился четкий порядок его возврата, защищавший имущественные интересы жены от недобросовестности бывшего мужа. Более того, в браке *sine manu*, который стал доминирующим в классическую эпоху, приданое, переходя к мужу лишь в управление и пользование, оставалось в собственности жены или ее отца. Это создавало уникальную ситуацию: муж распоряжался значительным капиталом, но не мог его отчуждать без согласия жены, и был обязан вернуть его по окончании брака. Данный механизм не только защищал женщину, но и делал ее значимой экономической фигурой, чье благосостояние было объектом внимания и правового регулирования. Не менее важным был и запрет на дарения между супругами (*donationes inter virum et uxorem*), первоначально введенный для предотвращения эмоционального давления, но в итоге служивший надежным щитом для сохранения раздельности имущества супругов и препятствовавший перекачиванию средств от жены к мужу.

Существенным фактором автономии было и право женщин на наследование и свободное распоряжение имуществом по завещанию. Еще Законы XII таблиц признавали за женщиной-наследницей право на семейное имущество, хотя и под опекой. В классический период женщины, особенно из высших сословий, часто являлись обладательницами крупных состояний, унаследованных от отцов или мужей. Способность самостоятельно составить завещание (с формального одобрения опекуна, которое к этому времени стало практически автоматическим) и назначить наследников давала им реальную власть и влияние в семье и обществе. Эпиграфические источники, такие как завещания из города Путеолы или надписи, посвященные публичным благодеяниям (*munificentia*), красноречиво свидетельствуют о том, как женщины-матроны распоряжались своими средствами: основывали коллегии, финансировали постройки, делали вклады в муниципальные казны. Эта экономическая активность была бы невозможна без соответствующего правового обеспечения, которое развивалось через преторские эдикты и ответы юристов (*responsa prudentium*), постепенно расширяя дееспособность женщины в сфере обязательственного права. Она могла выступать кредитором и должником, давать поручительство (хотя с некоторыми ограничениями), управлять через рабов-управителей (*institutores*) торговыми предприятиями [3, с.98].

Анализ указанных правовых тенденций был бы неполным без рассмотрения их связи с глубинными экономическими и политическими изменениями. Растущая имущественная самостоятельность женщин была не причиной, а следствием и необходимым условием трансформации римской экономики и общества в период поздней

республики и ранней империи. Масштабные завоевания, приток капитала, развитие финансовых операций и торговли требовали мобилизации всех ресурсов, в том числе и тех, которые формально принадлежали женщинам. Жесткая агнатическая система, привязывающая капитал к узкому кругу лиц под властью *paterfamilias*, стала тормозом для экономического оборота. Практика браков *sine manu*, сохранявшая имущество женщины в ее семье происхождения, позволяла консолидировать и приумножать капиталы внутри более широких родственных групп, обеспечивая их сохранность даже в случае смерти мужа. Таким образом, право адаптировалось к потребностям имущих классов, для которых защита капитала, переходящего по женской линии, и обеспечение его оборотоспособности становились приоритетом [4, с.126].

Политика раннего принципата, особенно эпохи Августа, наложила на эти процессы свой отпечаток, придав им идеологическое обоснование. Законы Юлия о браке (18–17 гг. до н. э. и 9 г. н. э.), хотя и носили регулятивный и ограничительный характер, косвенно укрепили правовой статус материнства. Привилегии, связанные с *ius liberorum* (правом троих детей), такие как освобождение от опеки и преимущества в наследовании, создавали новый образ идеальной римской матроны — не только добродетельной жены, но и полноправной распорядительницы семейного достояния, ответственной за продолжение рода и передачу имущества. Государство, заинтересованное в стабильности сенаторского и всаднического сословий, видело в женщине-матери Основное звено в воспроизводстве элиты и сохранении семейного имущества. Поэтому поддержка ее имущественных прав была для власти прагматичной необходимостью [5, с.257].

Однако критический анализ позволяет выявить существенные противоречия и ограничения этой относительной автономии. Во-первых, она была в высшей степени элитарной. Все описанные механизмы — управление крупным приданым, составление завещаний, фидуциарная опека — были актуальны прежде всего для женщин из сенаторской, всаднической и зажиточных муниципальных семей. Положение женщин низших сословий, вольноотпущенниц, рабынь оставалось принципиально иным; их «автономия» была ограничена бытовой сферой и мелкой торговлей, а их правовой статус определялся не столько тонкостями учения об опеке, сколько прямым воздействием власти патрона или господина. Во-вторых, достигнутая автономия носила почти исключительно имущественный характер. В сфере публичного права женщины по-прежнему были полностью исключены из политической жизни: они не могли занимать магистратуры, участвовать в народном собрании, выступать в суде от чужого имени. Их влияние осуществлялось через традиционные, неформальные каналы — семейные связи, покровительство, салонную политику. В-третьих, сохранялось фундаментальное противоречие между высоким имущественным статусом и личной субъектностью в семейном праве. Даже богатейшая женщина, *sui iuris*, оста-

вася подчинена моральным и социальным нормам, требовавшим от нее покорности мужу, скромности и соблюдения супружеской верности, контроль за которой был ужесточен августовским законодательством. Ее социальная идентичность по-прежнему определялась через статус дочери, жены и матери [6, с.169].

Конкретные правовые казусы и нормы ярко иллюстрируют основные тезисы исследования о противоречивой эволюции статуса женщины от опеки к имущественной автономии. Классическим примером постепенного обесценения опеки является институт *coemptio fiduciaria causa* — мнимой манципации, проводившейся для смены опекуна. Женщина *sui iuris* с согласия своего опекуна совершала обряд *coemptio* (форма купли-продажи) в отношении себя, переходя под манципационную власть (*manus*) доверенного лица, которое тут же освобождало ее посредством *манумиссии*. В результате этой сложной процедуры женщина оказывалась под опекой своего освободителя, который становился ее фидуциарным опекуном (*tutor fiduciarius*). Юрист Гай (*Gai. Inst. I. 115*) отмечал, что эту процедуру женщины использовали, чтобы получить послушного опекуна для совершения завещания. Данный пример демонстрирует, как архаический обряд был переосмыслен как технический инструмент для обхода другого архаического института — опеки, позволяя женщине фактически выбирать, чье формальное согласие она получит [7, с.152].

Имущественная самостоятельность женщин наглядно проявляется в регулировании приданого (*dos*). Законодательство и юриспруденция тщательно выстраивали механизмы его защиты. Например, в случае развода возврату подлежало не только исходное приданое, но и все, что было нажито благодаря или для этого имущества (плоды, приращения). Претор предоставлял жене специальный интердикт для истребования приданого (*interdictum de uxore exhibenda et ducenda*), а в эпоху принципата получил развитие иск о приданом (*actio rei uxoriae*). Юрист Ульпиан (*D. 23.3.7*) прямо указывал, что муж обязан вернуть приданое даже в случае смерти жены — ее наследникам, что подчеркивало неприкосновенность этого имущества как собственности женщины или ее семьи. Примечателен и запрет дарений между супругами (*donationes inter virum et uxorem*), который, по словам того же Ульпиана (*D. 24.1.1*), был установлен «ради сохранения взаимной любви, чтобы не обеднел один из супругов от щедрости, а не от расточительности». На практике это правило, подтвержденное сенатусконсультумом (*Senatusconsultum Velleianum*) начала I в. н. э., было мощным барьером, защищавшим имущество жены от перераспределения в пользу мужа под видом дарения.

Дееспособность женщины в сфере обязательственного права, хотя и ограниченная, подтверждается конкретными разрешениями. Так, женщине было позволено выступать поручительницей (*fideiussio*) за другого, но лишь в исключительных случаях, например, за своего опекуна или при гарантировании возврата приданого своей дочери.

Более значимым было ее право свободно распоряжаться своим имуществом посредством рабов-управителей (*institutores*). Женщина могла наделить раба пекулием и правом вести коммерческие операции, и все обязательства, заключенные таким рабом в рамках поручения, ложились непосредственно на госпожу. Данная правовая конструкция, описанная в Дигестах (*D. 14.1.1.15*), позволяла женщине из высших сословий активно участвовать в торговле и банковских операциях, не вступая в прямые контакты и не нарушая условностей о женской скромности [8, с.163].

Право наследования и завещания предоставляло женщинам реальную власть. Яркой иллюстрацией служит *Senatusconsultum Tertullianum* (эпоха Адриана), по которому мать, имевшая *ius liberorum* (право трех детей), могла наследовать после своих детей в случае отсутствия у них отца и агнатических родственников. Еще более показателен *Senatusconsultum Orfitianum* (178 г. н. э.), установивший преимущественное право детей наследовать после матери. Эти законы не только укрепляли связь по женской линии, но и делали саму женщину центральной фигурой в передаче имущества. Завещания, составленные женщинами, встречаются в эпиграфических источниках. Например, надпись из Путеол (*CIL X, 26*) содержит завещание некой Гайи Сеии, которая детально распоряжается своим значительным состоянием, назначая наследников, выделяя легаты и даже освобождая рабов с условиями. Такие документы — прямое доказательство высокого уровня правовой грамотности и самостоятельности.

Однако все эти примеры имущественной самостоятельности соседствуют с нормами, фиксирующими личную и публично-правовую ущемленность. Закон Юлия о прелюбодеяниях (*Lex Iulia de adulteriis coercendis*, 18 г. до н. э.) предоставил отцу право убить дочь и ее любовника, застигнутых на месте преступления в своем доме, а мужу — убить любовника. В отношении женщины применялись жесткие санкции, включая ссылку на остров с конфискацией части имущества. Этот закон символизировал государственное вмешательство в частную жизнь и контроль над сексуальностью женщины, резко контрастируя с ее финансовой свободой. Таким образом, приведенные примеры подтверждают главный парадокс: римская матрона могла быть кредитором, завещательницей и богатой предпринимательницей, но при этом оставалась объектом строгого морально-правового надзора в сфере личного статуса, что и составляет суть выявленной относительной и противоречивой автономии.

Таким образом, эволюция правового положения женщины в классическом римском праве представляет собой парадигмальный пример сложного диалектического взаимодействия правовой формы и социально-экономического содержания. Юридические институты, рожденные в условиях патриархальной аграрной общины, не были сметены революционным образом, но подверглись постепенной и последовательной трансформации под давлением изменившихся реалий. Опека, приданое,

завещательное право — все эти инструменты были переосмыслены и приспособлены для новых задач. Движущей силой этого процесса выступала не абстрактная идея женской эмансипации, а прагматические потребности развивающегося *slave-owning* общества и господствующих в нем классов в стабильном, гибком и безопасном обороте капитала. Право, оставаясь консервативным в декларациях и терминологии, проявило *remarkable* гибкость на практике, создав систему, в которой женщина, особенно имущая, из пассивного объекта опеки превратилась в активного субъекта имущественных отношений. Однако эта автономия, будучи значительной и исторически прогрессивной, была относительной, частичной и социально обусловленной. Она сформировала уникальный феномен: юридически ограниченную в личном статусе, но экономически мощную фигуру римской матроны, чья реальная власть и влияние зиждились не на публичных полномочиях, а на контроле над имуществом и семейными связями, что в полной мере отражало специфику римской цивилизации, где частноправовые отношения всегда доминировали над публично-правовыми.

Вывод

Проведенное исследование эволюции правового статуса женщины в классическом римском праве позволяет сделать ряд выводов, подтверждающих и уточняющих тезис о переходе от формальной опеки к относительной автономии. Анализ показал, что данный процесс носил нелинейный и противоречивый характер, обусловленный сложным взаимодействием правовых норм, экономических интересов и социально-политических трансформаций. Основным вектором изменений стала не прямая отмена дискриминационных институтов, таких как вечная опека (*tutela mulierum*), а их последовательная эрозия через создание юридических фикций и обходных механизмов (фидуциарная опека, *ius liberorum*). Это привело к формированию значительного разрыва между формальным догматическим статусом женщины, сохранявшим черты былой недееспособности, и ее реальными правовыми возможностями, особенно в сфере имущественных отношений.

Основным результатом исследования является выявление имущественной сферы как основного поля обретения женщиной фактической автономии. Институты приданого (*dos*) с гарантированным правом на его возврат, запрет дарений между супругами, широкие возможности наследования и свободного завещательного

распоряжения превратили женщину, особенно из привилегированных сословий, в активного субъекта экономической жизни. Эта автономия, однако, носила отчетливо элитарный и частноправовой характер. Она была производной от фундаментальных сдвигов в экономике периода поздней Республики и раннего Принципата, когда потребности в мобилизации и стабильном обороте крупных капиталов потребовали правовых гарантий для имущества, контролируемого или принадлежащего женщинам. Политика Августа, направленная на укрепление семьи, идеологически оформила этот процесс, связав привилегии с материнством, но не стала его первопричиной.

Таким образом, противоречие между сохраняющимися лично-правовыми ограничениями и растущей имущественной самостоятельностью являлось не недостатком системы, а ее сущностной характеристикой. Римское право продемонстрировало *remarkable* гибкость, адаптируя архаические институты к новым социальным реалиям без радикального разрыва с традицией. Женщина *sui iuris* классического периода предстает в итоге как уникальный юридический гибрид: субъект с высокой степенью экономической дееспособности и значительным социальным влиянием, осуществляемым через неформальные каналы, но при этом формально исключенный из сферы публичного права и остающийся под воздействием патриархальных моральных императивов.

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Во-первых, необходимы компаративные исследования правового положения женщин в различных провинциях Римской империи для выявления степени универсальности или, напротив, специфичности выявленных римских моделей. Во-вторых, продуктивным представляется более глубокий анализ дифференциации статуса в зависимости от социального слоя (вольноотпущенницы, городские плебейки, женщины сельских областей) через привлечение документальных источников, таких как папирусы и таблички. В-третьих, перспективен взгляд на проблему сквозь призму судебной практики и кейс-стади конкретных судебных разбирательств с участием женщин, что позволит еще точнее реконструировать взаимодействие нормы и практики. Наконец, данная тема открывает широкие возможности для диалога с современными гендерными и правовыми исследованиями, выступая как исторический пример того, как правовые системы могут эволюционировать под давлением социально-экономических факторов, порождая сложные и неоднозначные формы частичной эмансипации.

Литература:

1. Гарднер, Дж. Ф. Женщины в римском праве и обществе. / Пер. с англ. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. — 320 с.
2. Дождев, Д. В. Римское частное право: учебник / Д. В. Дождев; под общ. ред. В. С. Нерсисянца. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 784 с.
3. Кайнов, В. И. Римское право: учебник и практикум для вузов / В. И. Кайнов. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 178 с.

4. Пашаева, О. М. Римское право: учебное пособие для среднего профессионального образования / О. М. Пашаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 157 с.
5. Прудников, М. Н. Римское право: учебник и практикум для среднего профессионального образования / М. Н. Прудников. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 323 с.
6. Римское частное право: учебник для вузов / И. Б. Новицкий [и др.]; ответственные редакторы И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 607 с.
7. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права учебник / Чезаре Санфилиппо; [пер. с итал. И. И. Маханькова]; под общ. ред. Д. В. Дождева. — Москва Норма ИНФРА-М, 2019. — 464 с.
8. Яровая, М. В. Римское право: учебное пособие для вузов / М. В. Яровая. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 250 с.

Применение моделей прав на земельный участок и здание на нём при разрешении дел, связанных с защитой права собственности

Логинова Мария Владимировна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

В статье исследуются модели соотношения прав на земельный участок и расположенное на нём здание при разрешении споров о защите права собственности, с учётом эволюции российского гражданского и земельного законодательства и новейшей практики Верховного Суда РФ. Проводится разграничение двух ключевых правовых феноменов — вхождения строения в состав земельного участка в смысле статьи 271 ГК РФ и квалификации объекта как недвижимости по критерию прочной связи с землёй, что нередко смешивается в судебных актах и обуславливает ошибки при оценке титула и объёма прав сторон.

Ключевые слова: земельный участок, здание, право собственности, самовольная постройка, статья 271 ГК РФ, вид разрешённого использования, судебная практика ВС РФ.

Application of models of rights to a land plot and the building on it in resolving cases related to the protection of property rights

The article examines models of the relationship between rights to a land plot and the building located on it in resolving disputes on the protection of property rights, taking into account the evolution of Russian civil and land legislation and the latest practice of the Supreme Court of the Russian Federation. It delineates two key legal phenomena — the inclusion of a building in the composition of a land plot under Article 271 of the Civil Code of the Russian Federation and the qualification of an object as real estate based on the criterion of a strong connection with the land, which is often confused in court decisions, leading to errors in assessing title and the scope of rights of the parties.

Keywords: land plot, building, property right, unauthorized construction, Article 271 of the Civil Code of the Russian Federation, permitted use, judicial practice of the Supreme Court of Russian Federation.

Введение

Вопрос о соотношении прав собственности на земельный участок и расположенное на нём здание или сооружение представляет собой одну из наиболее сложных проблем гражданского и земельного права. На протяжении развития российского законодательства сформировались различные подходы к пониманию взаимосвязи этих объектов, что непосредственно влияет на практику разрешения гражданских споров о защите права собственности. Современная судебная практика требует переосмысления традиционных моделей правового регулирования и внедрения более гибких подходов, учитывающих особенности конкретных ситуаций.

Особенно важным является разделение двух концептуально различных правовых явлений. Вхождение строения в состав земельного участка согласно статье 271 ГК РФ определяет порядок участия объектов в гражданском обороте, устанавливая, что при смене собственника здания или иного объекта, расположенного на чужом земельном участке, новый владелец получает право пользования этим участком в том же объёме и на тех же условиях, которые имел прежний собственник недвижимости. И наоборот, при переходе права собственности на такое здание (купля-продажа, наследование и др.) к новому собственнику автоматически переходит то же право пользования земельным участком, которое имел прежний владелец. Тем самым, участие здания в обороте неизбежно

влечёт изменение субъекта права пользования соответствующей частью чужого земельного участка.

Прочная связь с землёй классифицирует объект как недвижимое имущество для целей применения норм о государственной регистрации и иных механизмов правовой защиты. С. А. Боголюбов подчёркивает, что судебная практика часто смешивает эти два критерия, что приводит к ошибочным выводам при вынесении решений по спорам о праве собственности [1].

Верховный Суд Российской Федерации последовательно развивает позицию, согласно которой при разрешении споров о защите права собственности на здания и земельные участки необходимо учитывать фактический характер связи между объектами, а не формальное их отнесение к той или иной категории недвижимости. В частности, согласно пункту 2 Обзора судебной практики ВС РФ № 3 (2025), утверждённому Президиумом Верховного Суда 8 октября 2025 года, указывается на необходимость комплексного анализа технической документации, характера закрепления объекта и экономических аспектов его перемещения при разрешении споров о статусе строений. Верховный Суд подтвердил, что такой анализ является основополагающим при определении того, подпадает ли строение под положения статьи 222 Гражданского кодекса РФ о самовольной постройке [2].

Разрешение споров о защите прав собственников земельных участков и расположенных на них строений в современной практике строится на принципе баланса интересов участников и строгом соблюдении норм гражданского и земельного законодательства.

Отправной точкой является приоритет законного титула и оценка добросовестности сторон. Суд прежде всего выясняет, на каком основании возникли права на земельный участок и объект капитального строительства, соблюдены ли требования к их возникновению и регистрации, применяя статьи 8.1, 209, 131, 222, 271 ГК РФ.

Если строение квалифицируется как самовольная постройка на чужой земле в соответствии со статьей 222 ГК РФ, то есть возведено на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом, создано без получения необходимых разрешений, либо возведено с существенным нарушением градостроительных и строительных норм и правил, то суд вправе обязать собственника строения снести его за свой счёт в целях защиты права собственника земельного участка.

В пункте 3 статьи 222 ГК РФ предусмотрены условия судебного признания прав на самовольную постройку её сохранения: наличие права на землю, допускающего строительство, соответствие требованиям на момент обращения в суд и отсутствие нарушения прав других лиц. Суды тщательно проверяют наличие разрешения на строительство, проектной документации и соответствие нормам градостроительного регламента, что позволяет узаконить объект даже без согласия собственника земли при добросовестности приобретателя.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» раскрывает определяющие факторы при разрешении споров. Суды должны оценить добросовестность застройщика — знал ли он об ограничениях использования участка, с учётом наличия сведений в ЕГРН и официальных разрешений органов. Необходимо определить существенность допущенных нарушений технических норм: незначительные нарушения, не создающие угрозу жизни и не нарушающие права третьих лиц, могут не препятствовать сохранению постройки. Суд должен установить возможность устранения нарушений путём реконструкции и, при её наличии, вынести решение с предложением двух вариантов: снос либо приведение в соответствие. Снос рассматривается как крайняя мера, применяемая пропорционально нарушению и только если постройка создаёт реальную угрозу безопасности или нарушает права третьих лиц. Суд проверяет соответствие постройки правовому режиму и разрешённому использованию земельного участка на дату начала возведения. Государственная регистрация права в ЕГРН не исключает возможности сноса, однако решение о сносе зарегистрированного объекта может принять только суд. К требованиям о сносе построек, не создающих угрозу жизни и здоровью, применяется трёхлетний срок исковой давности, тогда как опасные постройки могут быть сносимы без учёта сроков давности.

Когда здание возведено застройщиком при наличии разрешения на строительство и согласия владельца участка, суды стремятся сохранить и землю, и строение, используя конструкцию права пользования частью участка собственником здания согласно статье 271 ГК РФ, установление сервитута по статье 274 ГК РФ, договора аренды либо выкупа соответствующей части участка по статьям 35, 39.1–39.8 ЗК РФ. Такой подход позволяет компенсировать вложения в капитальный объект и одновременно не лишать собственника земли её экономического потенциала.

Эта норма применяется в практике для разрешения конфликтов, когда собственник здания не имеет титул на землю, но добросовестно приобрел объект. В таких случаях суды обязывают собственника участка предоставить право пользования на срок эксплуатации здания или предлагают выкуп земли по рыночной цене. Принцип добросовестности, закрепленный в статье 10 ГК РФ, играет ключевую роль: если новый собственник здания не знал о дефектах титула продавца, его права защищаются в большей мере.

Если спор затрагивает жилые строения, дополнительно учитывается конституционное право на жилище (ст. 40 Конституции РФ) [4] и разъяснения, данные в пункте 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении законодательства о защите прав собственников при изъятии земельных

участков». При определении статуса лиц (собственников, нанимателей, членов семьи) суды должны исходить из фактических обстоятельств, а не из формальных регистраций: регистрация по месту жительства не является определяющим фактором признания лица членом семьи собственника или нанимателя, и судам необходимо выяснять содержание волеизъявления сторон при заселении лиц в жилое помещение. При рассмотрении споров о выселении из жилого помещения суды должны соблюдать принцип недопустимости произвольного лишения жилища — выселение возможно только по основаниям и в порядке, предусмотренным законом. Для бывших членов семьи собственника жилого помещения суд может установить право пользования помещением на определённый срок, если у них отсутствуют иные основания для приобретения жилья и они не имеют возможности обеспечить себя жильём по причине материального положения либо других заслуживающих внимания обстоятельств (возраст, состояние здоровья, наличие иждивенцев).

Жилищные споры часто осложняются социальными аспектами. Согласно статье 56.8 ЗК РФ изъятие земли под домом требует компенсации рыночной стоимости, включая земельный участок. В практике 2025 года суды отказывают в сносе, если постройка соответствует СНИПам и зарегистрирована в ЕГРН, даже без права на землю, предлагая вместо этого сервитут для доступа [3]. Практическое применение ст. 222 ГК РФ с учётом Постановления Пленума № 44 от 12 декабря 2023 г требует от судов при принятии решений о сносе учитывать наличие проживающих в доме семей, их социальный статус и отсутствие альтернативного жилья. Это соответствует статье 40 Конституции РФ и требованиям Европейской конвенции о защите прав человека (Протокол № 1, ст. 1).

С введением в действие Федерального закона № 295-ФЗ от 31 июля 2025 года о внесении изменений в ЗК РФ появились новые механизмы согласования видов разрешённого использования земельного участка и находящегося на нём здания. В пункте 8 статьи 1 Федерального Закона № 295-ФЗ от 31.07.2025 «О внесении изменений в Земельный Кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» впервые закреплено, что вид разрешённого использования (далее ВРИ) зданий и сооружений должно соответствовать ВРИ участка (п. 7 ст. 14.1 гл. II.1 ЗК РФ). Это означает, что суд должен теперь проводить анализ не только факта наличия разрешения на строительство конкретного здания, но и соответствия земельного участка его фактическому назначению. Если собственник здания добросовестно построил дом для жилья на участке, изначально имевшем иное целевое назначение, суд должен рассмотреть возможность обязать муниципальные органы изменить ВРИ земли в соответствии с назначением здания.

Судам при разрешении споров о защите прав собственности теперь необходимо анализировать соответствие ВРИ земельного участка фактическому назна-

чению здания. В случае несоответствия собственник здания может требовать изменения ВРИ участка через орган местного самоуправления по статье 39 ЗК РФ, что является дополнительной гарантией защиты его имущественных интересов. Несоответствие ВРИ остается основанием для признания постройки самовольной, если нельзя привести в соответствие в разумный срок.

Верховный Суд в своём Обзоре судебной практики от 8 октября 2025 г. в пункте 2 подтвердил, что при рассмотрении споров о праве собственности на строения судам необходимо учитывать соответствие вида разрешённого использования земельного участка целевому назначению находящегося на нём здания.

Пункт 8 статьи 1 Федерального Закона № 295-ФЗ от 31.07.2025 «О внесении изменений в Земельный Кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» (п. 1 ст. 11.1 гл. I.1 ЗК РФ) регулирует принцип правовой преемственности при образовании новых земельных участков, категории земель и виды разрешённого использования при образовании земельных участков. В этом контексте суды при разрешении споров должны учитывать, что образуемые участки получают ВРИ таких земель, из которых они образованы, за исключением случаев, когда применяются специальные правила проекта межевания территории или комплексного развития. Для собственника здания на чужом участке это означает, что он может требовать изменения вида разрешённого использования участка через механизм выдела части земли в собственность либо через установление долгосрочного сервитута или права пользования по ст. 271 ГК РФ с фиксацией в соответствии с новым ВРИ.

Введение ФЗ-295 несколько переформулировало подход к отнесению «прочной связи» объекта с землей. Традиционно эта категория использовалась при разграничении недвижимого имущества (ст. 130 ГК РФ), но теперь она дополняется функциональным критерием: если здание возведено для определённого вида использования, земля под ним должна быть переклассифицирована в соответствии с этим назначением. Суды ссылаются на новую редакцию ст. 85 ЗК РФ, которая устанавливает, что виды разрешённого использования в пределах населённых пунктов определяются градостроительным регламентом, «за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом», что открывает дверь для исключений в пользу добросовестных собственников зданий.

Современная судебная практика при разрешении дел о защите права собственности на земельные участки и находящиеся на них здания применяет комплексный подход, учитывающий как формальные критерии, установленные законодательством в статьях 130, 271 ГК РФ; статьи 14.1, 35 ЗК РФ, так и материальные интересы сторон. В результате складывается модель, при которой ни права собственника земельного участка, ни права собственника строения не обладают абсолютным приоритетом. Каждый

раз суд создает решение с опорой на механизмы ГК РФ и ЗК РФ, обеспечивающее минимальное вмешательство

в права сторон при соблюдении публичных интересов и принципа добросовестности.

Литература:

1. Боголюбов С. А. Земельное право: учебник для вузов. 10-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 276 с.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 8 окт. 2025 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516206/
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2023 г. № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.) (с уч. поправок) // КонсультантПлюс.
5. Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Официальное опубликование. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=500744&ysclid=mleyhbgham529143620>

Применение моделей прав на земельный участок и здание на нём при разрешении дел, связанных с оборотом недвижимости

Логинова Мария Владимировна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ивановский филиал

Оборот недвижимого имущества, включающий куплю-продажу, залог, наследование, мену и иные гражданско-правовые сделки, является сферой наиболее интенсивного применения принципа взаимосвязи земельного участка и расположенного на нём объекта капитального строительства. На материале действующего законодательства и судебной практики анализируются модели единого и раздельного оборота земельного участка и здания, а также их влияние на распределение прав и обязанностей участников сделок. Особое внимание уделяется принципу единства судьбы по статье 35 ЗК РФ, требованиям Федерального закона № 218ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» и новому порядку ведения ЕГРН, введённому Приказом Росреестра от 7 декабря 2023 г. № П/0514, включая обязанность указывать сведения о земельном участке при регистрации прав на здание и учет границ земельного участка с 1 марта 2025 г.

Ключевые слова: земельный участок, здание, оборот недвижимости, ЕГРН, единый имущественный комплекс, добросовестный приобретатель, Приказ Росреестра № П/0514.

Оборот недвижимого имущества, охватывающий куплю-продажу, залог, наследование, мену и другие гражданско-правовые сделки, представляет собой сферу наиболее интенсивного применения принципов взаимосвязи земельного участка и расположенного на нём объекта капитального строительства. Это особенно важно с точки зрения динамики правовых отношений при переходе прав от одного лица к другому, поскольку такой переход порождает специфические риски, особые требования к полноте и достоверности информации, а также необходимость в механизмах снижения неопределённости для участников сделок.

В современных условиях именно согласованность правового режима земельного участка и здания, а также качество сведений Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) во многом определяют устойчивость

имущественного оборота. От того, насколько корректно структурированы модели единого и раздельного оборота, зависит не только юридическая безопасность сделок, но и возможность эффективного экономического использования недвижимости и защиты прав добросовестных приобретателей.

Ключевым нормативным ориентиром при анализе взаимосвязи прав на земельный участок и здание выступает статья 35 Земельного кодекса Российской Федерации, устанавливающая принцип единства судьбы. Согласно данному принципу, отчуждение здания, принадлежащего тому же лицу, что и земельный участок, как общее правило должно проводиться совместно с участком. Это означает, что покупатель дома получает и право собственности на участок, либо участок (или его часть) выделяется в его пользу.

С. А. Боголюбов подчёркивает, что данный механизм обеспечивает экономическую целесообразность сделки и предотвращает ситуации, когда дом остаётся без земли или земля без здания, что объективно порождает конфликты интересов и затрудняет использование имущества. Тем самым принцип единства судьбы выступает не только юридическим, но и экономическим принципом, обеспечивающим согласованность правового режима недвижимости как имущественного комплекса [1].

При этом выбор между единым и раздельным оборотом зависит от конкретной ситуации и целей участников. Единый оборот предпочтителен при продаже готового жилого комплекса, когда участок и дом фактически и функционально выступают как неразрывное целое. В таких случаях раздельное распоряжение землёй и зданием зачастую лишено экономического смысла.

Раздельный оборот, напротив, может быть оправдан, например, при реструктуризации имущественных прав в хозяйственных обществах, при выделении отдельных функциональных зон, либо при необходимости сохранить земельный участок в собственности исходного владельца при отчуждении здания. В указанных ситуациях особую роль играют договорные конструкции, обеспечивающие правомерное использование участка новым собственником здания.

Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» кардинально изменил требования к регистрации сделок с недвижимостью, включая земельные участки и здания на них. Статья 19 ФЗ218 предусматривает, что при регистрации права собственности на здание или сооружение в Едином государственном реестре недвижимости вносятся сведения о земельном участке, на котором расположен этот объект. Таким образом, закон прямо ориентирует регистрирующий орган на фиксацию связки «здание — земельный участок» в рамках единой информационной системы.

С марта 2025 года органы регистрации обязаны отказывать в регистрации сделок с зданием без указания земельного участка, что обеспечивает дополнительную прозрачность оборота и защиту интересов приобретателей. Отсутствие в записи о праве на здание сведений о соответствующем участке теперь рассматривается как препятствие к совершению регистрационных действий.

Данное требование направлено на решение проблемы, которая ранее приводила к реестровым рассогласованиям. Нередко в ЕГРН содержались сведения только о здании, без указания земельного участка или с крайне неполной информацией о нём. Это препятствовало приобретателю в понимании объёма и характера его прав на землю, создавало трудности при последующей перепродаже и рефинансировании объекта. Новый порядок Росреестра, основанный на обновлённых правилах ведения ЕГРН, повышает надёжность оборота и позволяет участникам сделок принимать обоснованные решения [2].

Таким образом, законодатель и регистрирующий орган последовательно устраняют информационный разрыв

между правовым режимом здания и земельного участка, на котором оно расположено, что является ключевым условием предсказуемости и устойчивости рынка недвижимости.

При переходе права собственности на здание к новому лицу возникают специфические вопросы, связанные не только с переходом прав, но и с переходом обязанностей. Согласно статье 271 ГК РФ (п. 2), новый собственник здания приобретает право на использование земельного участка в том же объёме и на тех же условиях, что имел прежний собственник. Это правило призвано обеспечить непрерывность использования здания и исключить ситуацию, при которой смена собственника делает невозможным правомерное пользование землёй.

Однако такая конструкция порождает неопределённость в отношении арендной платы, налогов на участок и иных обременений. Если участок под зданием находится в аренде, то при смене собственника здания новый владелец фактически автоматически становится арендатором участка, что требует последующего переоформления договора аренды с учётом замены стороны. Аналогичные вопросы возникают и в отношении иных обременений, связанных с участком, включая сервитуты и ограничения, установленные в публичных интересах.

Приобретатель недвижимости при этом часто не может самостоятельно выявить все обременения, ограничения и особенности правового статуса объекта. Согласно пункту 6 статьи 8.1 ГК РФ, приобретатель считается добросовестным, если при приобретении он руководствовался сведениями из государственного реестра, за исключением случаев, когда судом доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии у продавца права на отчуждение имущества. Эта норма создаёт значимую защиту для добросовестных покупателей, но одновременно предъявляет повышенные требования к полноте и достоверности информации в ЕГРН.

Именно поэтому требование Росреестра о внесении всей информации о земельном участке в реестр, включая сведения о правах, обременениях, аренде и иных ограничениях, является критически важной защитой участников оборота. Чем полнее отражены данные о земельном участке, тем более надёжной становится презумпция добросовестности приобретателя, опирающегося на записи ЕГРН.

В коммерческом обороте нередко встречаются случаи, когда земельный участок и здание передаются как единый имущественный комплекс. Статья 132 ГК РФ допускает признание комплекса единым объектом права собственности при условии, что составляющие его вещи образуют единое целое и используются по единому назначению.

В таком случае оборот упрощается: имущественный комплекс отчуждается целиком, без необходимости юридического и регистрационного разделения прав на землю и здание. Такой подход предпочтается в сделках с коммерческой недвижимостью, предприятиями, туристическими комплексами, иными объектами, где земля и

строения фактически функционируют как неотъемлемая часть единого бизнеса.

Однако судебная практика выявила ряд проблем с регистрацией имущественных комплексов. Дело Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2021 г. № 310-ЭС19-9234 устанавливает принципиальную позицию о том, что факт включения объекта недвижимости в состав единого имущественного комплекса не исключает возможность его самостоятельной государственной регистрации как отдельного объекта недвижимого имущества. Верховный Суд разъяснил, что, хотя к единым недвижимым комплексам применяются правила о неделимых вещах, это не означает автоматического отрицания самостоятельности входящих в их состав объектов [3].

Ключевое значение при этом имеет предварительное установление того, является ли имущественный комплекс действительно единым в смысле статьи 133.1 ГК РФ, то есть объединён ли он единым назначением и неразрывно связан ли физически или технологически. Лишь при наличии совокупности таких признаков допустимо квалифицировать совокупность вещей как единый объект недвижимого имущества.

Дело также подтверждает, что государственный регистратор прав при осуществлении регистрации не уполномочен переоценивать ранее возникшие и зарегистрированные права, а должен руководствоваться вступившими в законную силу судебными решениями. Это решение существенно ограничивает дискреционные полномочия органов регистрации и защищает права собственников, ранее зарегистрировавших своё имущество в другой юрисдикции, при переходе их прав к правопреемникам в новой правовой системе.

Росреестр долгое время отказывал в регистрации комплекса как единого объекта, что осложняло оборот и вынуждало участников прибегать к более сложным и затратным схемам. Только с введением новых требований Ф3218 и изменений в нормативные акты Росреестра (включая Приказ от 7 декабря 2023 г. № П/0514) стали возможны более гибкие решения, хотя соответствующая практика всё ещё развивается и требует дальнейшей детализации.

Отдельного внимания заслуживают ситуации наследования здания, расположенного на чужом земельном участке. При таких обстоятельствах возникают специфические проблемы, связанные с характером прав на землю, которыми обладал наследодатель.

Если участок находился в собственности наследодателя, то он входит в состав наследства и переходит к наследнику по общим правилам наследственного права. В этом случае обеспечивается переход не только вещных прав на здание, но и полнота правомочий по распоряжению и пользованию земельным участком.

Если же участок был предоставлен наследодателю на праве постоянного (бессрочного) пользования или пожизненного наследуемого владения, то возникает проблема, поскольку такие права в современном правопо-

рядке не наследуются в полном объёме или подлежат трансформации в иные, соответствующие действующему законодательству вещные права. Это может осложнять оформление наследственных прав на здание и последующий оборот недвижимости, пока правовой режим земельного участка не будет приведён в соответствие с действующими нормами.

В подобных ситуациях правомерное использование здания наследником зачастую связано с необходимостью переоформления прав на участок, заключения договоров аренды либо установления иных вещных или обязательственных прав на землю.

С введением в действие новых требований органы регистрации стали более требовательны к полноте представляемых документов. С 1 марта 2025 года приостановлены регистрационные действия в отношении земельных участков, если в ЕГРН отсутствуют сведения о местоположении их границ. Это правило распространяется и на сделки со зданиями, расположенными на таких участках [4].

Указанное изменение означает, что при совершении сделки со зданием на чужом участке необходимо предварительно убедиться, что участок надлежащим образом учтён в ЕГРН с указанием его границ. В противном случае регистрирующий орган будет обязан приостановить или отказать в совершении регистрации.

Данное требование существенно затруднило оборот в случаях, когда участки не были надлежащим образом учтены. Часто в ЕГРН содержались неполные сведения о земле, особенно в отношении объектов, возведённых в советский период или приватизированных в 1990е годы. Современные требования Росреестра обязывают уточнить границы участков путём проведения межевания, подготовки соответствующей документации и её внесения в реестр, что требует времени и денежных затрат.

Несмотря на указанные трудности, новая система обеспечивает большую надёжность оборота и защиту интересов приобретателей. Приобретатель здания теперь получает полную информацию о земельном участке при совершении сделки, что позволяет ему принимать более обоснованные решения.

Если участок находится в аренде, информация об арендаторе и сроке аренды указывается в ЕГРН. Если на участке установлены сервитуты или иные ограничения, они также отражаются в реестре. Это создаёт более прозрачный и надёжный оборот недвижимости, в котором риск «скрытых» прав и обременений существенно снижается.

Модели оборота земельного участка и здания на нём таким образом постоянно развиваются в соответствии с судебной практикой и изменениями законодательства о регистрации. Понимание этих моделей и своевременное применение имеющихся защитных механизмов позволяют участникам оборота избежать множества конфликтов и обеспечить надёжность своих имущественных позиций.

Рассмотренные нормы и подходы демонстрируют, что современный оборот земельного участка и расположенного на нём здания строится на сочетании принципа единства судьбы и комплекса регистрационных требований, ориентированных на максимальную прозрачность правового режима объектов недвижимости. Принцип единства судьбы по статье 35 ЗК РФ, положения статей 132, 133.1, 271 и пункта 6 статьи 8.1 ГК РФ, а также механизмы, закреплённые в Федеральном законе № 218ФЗ и подзаконных актах Росреестра, задают системную рамку для согласованного оборота земли и зданий.

Ужесточение требований к содержанию записей ЕГРН, включая необходимость указания земельного участка при регистрации прав на здание и обязательность внесения сведений о местоположении границ участков, с одной стороны, усложняет и удорожает подготовку сделок, с другой — существенно снижает риск возникновения

споров, связанных с реестровыми расхождениями и неполнотой информации.

Судебная практика по вопросам регистрации единых имущественных комплексов и пределам полномочий регистратора, а также регулирование наследования зданий, расположенных на чужих земельных участках, дополняют эту картину, акцентируя необходимость точного разграничения прав на землю и здание при одновременном обеспечении возможности их комплексного экономического использования.

В совокупности развитие моделей оборота земельного участка и здания на нём, совершенствование регистрационных процедур и формирование единообразного судебного подхода направлены на повышение надёжности оборота недвижимости и укрепление имущественных позиций добросовестных участников гражданского оборота.

Литература:

1. Земельное право: учебник / под ред. С. А. Боголюбова. М.: Проспект, 2019.
2. Приказ Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 7 декабря 2023 г. № П/0514 «Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости».
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 1 ноября 2021 г. № 310-ЭС19-9234 по делу № А83-6381/2018. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402908316/> [landmark-law]
4. Разъяснение Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии от 12.02.2025: URL: <https://rosreestr.gov.ru/press/archive/rosreestr-razyasnil-novyy-poryadok-sdelok-s-zemelnymi-uchastkami/?ysclid=m15q1651c2322759074> [denuo]

Наследование по закону и по завещанию: теория и практика

Магомадов Висхан Шамсудинович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена исследованию теоретических и практических аспектов наследования по закону и по завещанию. Рассматриваются ключевые положения и условия наследования, выделяются преимущества и недостатки каждого способа. Отдельное внимание уделено актуальным проблемам наследственного права, таким как доказывание родства, оспаривание завещаний и обязательная доля в наследстве. Проведен анализ судебных решений и предложены меры по улучшению правового регулирования сферы наследования. Работа предназначена для профессиональных юристов, нотариусов, студентов юрфаков и граждан, заинтересованных в понимании особенностей наследственного права.

Введение

Наследование — важнейший элемент российского гражданского права, определяющий правила перехода прав и обязательств умерших лиц (наследодателей) к новым владельцам (наследникам). Эффективное понимание принципов наследования помогает россиянам разумно распорядиться собственным имуществом и защитить собственные права в сложных жизненных ситуациях.

1. Основные понятия и принципы наследования

1.1. Определение и формы наследования

Наследование означает юридически обоснованное получение всего комплекса прав и обязательств умершего гражданина его наследниками. Существует две основные формы наследования:

1. **По закону:** применяется, если умерший не составил завещание или оно недействительно.

2. **По завещанию:** основывается исключительно на свободной воле наследодателя, зафиксированной письменно и подтвержденной нотариально.

При отсутствии завещания действуют строгие нормы Гражданского кодекса РФ, устанавливающие очерёдность наследования. Правило очерёдности призвано гарантировать справедливое распределение наследства среди родственников разных степеней близости.

1.2. Особенности наследования по закону

В российском законодательстве предусмотрено несколько очередей наследников:

1. Первая очередь включает детей, супруга(-гу) и родителей умершего.
2. Вторая очередь объединяет братьев/сестёр, бабушек/дедушек.
3. Третья очередь состоит из дядей и тётей покойного.
4. Далее следуют дальние родственники, чьи права определяются особыми условиями и нормами законодательства.

Имущество распределяется равномерно между представителями каждой очереди. Важно отметить, что внуки и последующие поколения получают наследство посредством принципа «представления», заменяя своих ранее умерших родителей в соответствующей очереди.

1.3. Принципы наследования по завещанию

Завещание представляет собой документ, закрепляющий последнюю волю владельца имущества. Оно составляется в письменной форме и обязательно удостоверяется нотариусом. Этот акт даёт владельцу полную свободу выбора наследников и распределения долей между ними.

Свободу завещательной воли ограничивает лишь норма об **обязательной доле**, гарантирующей несовершеннолетним детям, родителям-пенсионерам, инвалидам и другим зависимым членам семьи защиту даже при наличии завещания. Минимальная обязательная доля равна половине доли, которую лицо получило бы при наследовании по закону.

2. Практические аспекты наследования

2.1. Процедура вступления в наследство

Оформление наследства начинается с обращения к нотариусу по последнему адресу проживания наследодателя. Наследник обязан представить ряд документов:

- 1) свидетельство о смерти;
- 2) подтверждение родства или завещание;
- 3) бумаги, подтверждающие наличие имущества;
- 4) паспорт заявителя.

Процесс завершится выдачей свидетельства о праве на наследство, которое служит основой для переоформления недвижимости, транспортных средств и иных материальных ценностей.

2.2. Срок подачи заявления о принятии наследства

Законом установлен шестимесячный период с момента смерти наследодателя для подачи заявления о вступлении в наследство. Пропуск указанного срока возможен только по серьёзным причинам, установленным судом, например, вследствие болезни или длительной командировки.

2.3. Возможность отказа от наследства

Отказаться от наследуемого имущества возможно в течение полугода после смерти наследодателя. Такой отказ носит абсолютный характер и не подлежит отмене. Закон разрешает отказаться в пользу другого наследника, однако выбор наследника ограничен рамками установленных законодательством условий.

2.4. Типичные судебные конфликты

Наиболее частыми причинами споров в наследственных делах выступают:

- 1) сомнения в подлинности завещания;
- 2) неопределённость границ наследуемых объектов;
- 3) необходимость установления факта принятия наследства;
- 4) выяснение наличия обязательных наследников.

Судебные разбирательства зачастую требуют дополнительной экспертизы, например, медицинской оценки дееспособности завещателя или технической проверки правильности составления документа.

3. Советы по подготовке к передаче наследства

Планирование своей судьбы и забота о благополучии родных играют важную роль в процессе передачи имущества. Вот некоторые советы, помогающие минимизировать возможные осложнения:

1. Составьте завещание. Правильно оформленное завещание позволит ясно изложить своё решение относительно дальнейшей судьбы имущества.

2. Проверьте законность договора дарения. Передача имущества при жизни должна осуществляться с соблюдением всех правовых требований, иначе договор рискует быть признан недействительным.

3. Рассмотрите вариант заключения договора ренты. Обеспечив себя регулярными выплатами или содержанием, владелец сможет сохранить контроль над своим жильём или ценностью.

4. Создайте наследственный фонд. Эта современная форма учреждения поможет организовать управление вашим капиталом и собственностью после вашей кончины.

Также важно своевременно обращаться за консультациями к специалистам и внимательно относиться к сбору документации, необходимой для своевременного и правильного оформления наследства.

Заключение

Вопросы наследования представляют собой важный аспект гражданской правовой системы России. Грамотное знание ключевых положений законодательства и умение ориентироваться в практической плоскости обеспечат эффективное использование законных возможностей, позволяя спокойно передавать ценности будущим поколениям и избегать конфликтных ситуаций.

Особое внимание требует разработка подходов к наследованию новых видов активов, таких как цифровые объекты и бизнес-компании. Регулярное обновление юридической подготовки и изучение свежих тенденций судебного процесса способствуют укреплению финансового благосостояния и спокойствия наших семей.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть III) № 146-ФЗ от 26 ноября 2001 г., ред. от декабря 2023 г.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (Часть II) № 117-ФЗ от 5 августа 2000 г., ред. от декабря 2023 г.
3. Федеральный закон № 302-ФЗ от 30 декабря 2012 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Меры индивидуальной профилактики убийств, совершаемых матерью в отношении новорожденного ребенка

Марданова Виктория Валерьевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Боровских Роман Николаевич, доктор юридических наук, профессор

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье исследуется вопрос осуществления мер индивидуальной профилактики убийств, совершаемых матерью в отношении новорожденного ребенка. Анализируются социальные и психологические причины совершения данного преступления, а также проблема юридической обоснованности привилегированного состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ. В качестве мер, направленных на профилактику такой формы убийства, устанавливается психологическая и социальная поддержка, индивидуальное медицинское сопровождение, образовательная работа и информирование, а также юридическая помощь.

Ключевые слова: убийство матерью новорожденного ребенка, предупреждение, меры профилактики, механизм реагирования, программы поддержки, гуманность, психологическая и социальная поддержка.

Убийство матерью новорожденного ребенка является одним из наиболее сложных и трагических преступных деяний, в основе которого может лежать как «холодный» расчет, так и глубокое психоэмоциональное расстройство, послеродовая депрессия или психоз. Данное деяние представляется крайне аморальным и по своей природе противоречащим человеческой сущности.

Первое время своей жизни ребенок наиболее зависим от психофизического состояния своей матери, что говорит об огромной ответственности, которую та должна понимать и осознавать во время родов и после них. К сожалению, действующее законодательство хоть и ставит своей целью охрану прав личности, но не устанавливает повышенный уровень безопасности жизни новорожденного. Более того, судебная практика показывает огромное количество случаев, когда роженицы причиняют смерть своему ребенку абсолютно сознательно, пользуясь беззащитностью младенца и установлением «мягкого» наказания за данное деяние по сравнению с убийством малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, и даже с некавалифицированным составом убийства.

Можно предположить, что мотивом законодателя при принятии нормы, предусматривающей за это преступление более мягкое наказание, нежели чем за обычное убийство, был гуманизм по отношению к женщине, находящейся в состоянии волнения, вызванного родами. Одним из вариантов состава преступления, предусмотренного ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), является убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости [1].

Стоит отметить, что судебная статистика показывает, что за последнее время число осужденных по вышеназванной статье снизилось: если в 2011 году таких приговоров выносили каждые три дня, в 2016 году их было 59, то в 2022 году — 27, а с 2019 года число остается стабильным: 26–27 случаев ежегодно [5; 6, 70–74 с.]. Установить же точную картину состояния убийств матерью новорожденного ребенка достаточно сложно, поскольку высока латентность данной формы убийства. Данные сведения говорят о недостаточности принимаемых мер по предупреждению указанного преступления и борьбы с ним.

Ф. С. Сафуанов утверждает, что «состояние матери во время и после родов часто является особым эмоциональным состоянием, вызванным психотравмирующей ситуацией, которое может существенно ограничивать способность осознавать свои действия» [4, 115–134 с.]. Согласно данным современных исследований возникновение психологических расстройств у матерей встречается в 15 % случаях послеродового периода [5]. При этом,

многие женщины игнорируют столь неприятную симптоматику, а другие избегают специализированных учреждений, поэтому настоящий процент возникновения эмоциональных сбоев намного выше. Данная патология выступает основным фактором, искажающим материнское восприятие и способным привести к общественно опасным последствиям.

Профилактика же должна начинаться с создания системы всесторонней психологической помощи, а именно: диагностика стрессовых и депрессивных состояний еще на стадии беременности, например, стойкая подавленность, раздражительность, бессонница и возникновение мыслей о причинении вреда себе и ребенку должны стать «тревожным звонком» для медицинского работника. Для женщин с выявленными нарушениями необходимо обеспечить доступ к специализированной психотерапии, например, сначала может быть достаточно консультации психолога, который помог бы будущей маме снизить риск послеродовой депрессии и тревожных расстройств. Важным дополнением является индивидуальное психологическое или психиатрическое сопровождение в случае, если у женщины диагностировали определенное расстройство, что позволило бы не только контролировать состояние, но и своевременно назначать медикаментозную терапию в случаях, когда психотерапии недостаточно.

Стоит отметить, что роль медицинского сопровождения также имеет немаловажное значение, как профилактической меры. Е. Б. Кургузкина отмечает, что состояние детоубийств традиционно наиболее неблагополучно в сельской местности, где ниже доступность и качество регулярного медицинского наблюдения. Географическое и социальное неравенство в доступе к медицине является одним из ключевых факторов риска [3, С. 171].

Соответственно, регулярные посещения женской консультации и последующие патронажи должны включать в себя оценку психоэмоционального состояния женщины. Осложненная беременность, тяжелые роды, а также послеродовые гинекологические травмы являются психотравмирующими факторами, повышающими риск развития депрессии и психоза, что требует междисциплинарного подхода с привлечением психотерапевта к ведению таких пациенток. Необходимо создание четких механизмов реагирования в рамках медицинских учреждений, потому что любое промедление представляет угрозу жизни как матери, так и ее ребенка.

Социальная изоляция и неблагополучие также представляют собой факторы, влияющие на физическое и моральное здоровье женщины. Рождение ребенка всегда приводит к сужению круга общения для молодой мамы, потому что теперь она несет ответственность не только за свое благополучие, но и ребенка, у одинокой матери к этому прибавляется чувство «брошенности».

Для снижения уровня изоляции социальным службам следует уделить внимание созданию специальных групп по взаимопомощи для мам или организации бесплатных услуг по кратковременному присмотру за ребенком, что позволило бы снизить нагрузку на женщин, а также круглосуточные телефоны доверия в качестве механизма экстренного реагирования.

Особое внимание стоит уделить индивидуальному сопровождению матерей из группы риска: одинокие матери, женщины с низким доходом, мамы детей с ограниченными возможностями здоровья. Это может выражаться в помощи в оформлении пособий, получении материальной и вещевой помощи, а также организация бытовой поддержки.

Фундаментом многих вышеназванных проблем является непонимание женщиной природы своего состояния. Данное непонимание устраняется с помощью образовательной работы. Так, еще на уровне школы стоит проводить беседы о природе послеродовых психологических трудностей, объясняя разницу между обычной усталостью, депрессией и психозом, а признаться специалисту в наличии таких проблем это, не означает, стать плохой матерью. Кроме курсов, направленных на подготовку к родам, стоит внедрить обязательные курсы для родителей по развитию навыков взаимопомощи и управления стрессом. Данные механизмы помогут сформировать такую культуру, где обращения за помощью к психологу или психиатру в сложный жизненный период, в частности, период вынашивания ребенка и последующего воспитания, будет восприниматься, как проявление ответственности, а не слабости.

Стоит отметить, что вопрос механизма юридической поддержки и предупреждения уголовной ответственности многоаспектен в данной ситуации. Безусловно, правовая поддержка должна представить женщине наличие неких легальных «альтернатив», например, помещение ребенка в государственное учреждение для воспитания детей или в «бэби-боксы». Как отмечает Ю. А. Запашнова, эта мера, являясь вынужденной, направлена на профилактику убийств путем предоставления анонимной альтернативы, цель которой представляет собой сохранение жизни ребенка в ситуации, когда мать не видит иного выхода [2].

Четкое разъяснение сотрудниками правозащитных и социальных служб уголовно-правовых последствий совершения преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, необходимо для того, чтобы молодая мать понимала уровень своей возникшей ответственности за жизнь ее ребенка.

Говоря о мерах предупреждения юридического характера, стоит отметить дискуссионность вопроса уровня уголовной ответственности за данное деяние. Некоторые правоведы отмечают, что данное преступление в качестве привилегированного состава убийства не отвечает прин-

ципу гуманизма, который нужно проявлять к жертвам [7]. При определении столь мягкого наказания отмечается меньшая степень защищенности прав новорожденного ребенка ввиду того, что за убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, предусмотренное в п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, устанавливается более серьезное наказание, чем за некавалифицированный состав убийства.

Данное деяние представляет собой изоцированную форму убийства, при этом психологическое состояние матери в этой ситуации не предполагает аффект или невменяемость. Так, представляется невозможным обосновать то, что убийство матерью своего новорожденного ребенка менее опасно, чем убийство малолетнего или беспомощного человека.

Стоит отметить, что гуманизм, который выдвигается законодателем в качестве обоснования установления данного состава преступления, как привилегированного, должен представлять собой охрану общественного порядка, а не жалость к лицам, совершившим преступное деяние даже в тяжелой жизненной ситуации. Применительно к убийству матерью младенца важно то, что у женщины всегда есть альтернатива действий, если она желает не воспитывать ребенка, то она всегда может поместить его в специализированное учреждение, а если такое желание возникает сразу при рождении, то в «бэби-бокс», последний даже обеспечивает анонимность роженицы. В случае, если женщина причинила смерть ребенку, то она явно хотела именно совершить убийство, а не просто исключить его из своей жизни.

Наказание, предусмотренное за убийство матерью новорожденного ребенка, представляется несоразмерно мягким за крайне аморальное и по своей природе противоречащее человеческой сущности преступное деяние. Последствием является то, что роженицы причиняют смерть своему ребенку абсолютно сознательно, пользуясь беззащитностью младенца и тем, что данный состав является привилегированным, а значит, наказание меньше. Установление такого уровня наказания за вышеназванное преступление не позволяет достичь своих целей.

Таким образом, индивидуальная профилактика представляет собой сложную, многоуровневую задачу. Она должна быть комплексной, сочетая психологическую, медицинскую, социальную и правовую поддержку. Важная диагностика и своевременное вмешательство для снижения рисков и обеспечения безопасности. Правовой аспект призван завершать этот комплекс, предоставляя правомерные альтернативы решения проблемы отчаявшейся матери. Такой целостный подход сможет обеспечить снижение рисков посягательства на жизнь новорожденного ребенка.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 31.07.2025) // СПС «Консультант-плюс». — Версия Проф. — М., 2026.

2. Западнова Ю. А. Возможно ли считать «baby box» мерой профилактики жестокого обращения с детьми? // Политика, государство и право. 2015. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://politika.snauka.ru/2015/05/2908> (дата обращения: 01.02.2026).
3. Кургузкина Е. Б. Предупреждения убийства матерью новорожденного ребенка (криминологические и уголовно-правовые аспекты): Дис. канд. юрид. наук.- М., 1999.
4. Сафуанов Ф. С. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) // Психология и право — 2021. Том 11. № 2.
5. Сорокин М. В. Послеродовая депрессия — причины, симптомы, признаки, сколько длится, диагностика (тесты), лечение. — Текст: электронный // Поликлиника.ру: [сайт]. — URL: <https://polyclinika.ru/tech/poslerodovaya-depressiya-prichiny-simptomy-lechenie/> (дата обращения: 03.02.2026).
6. Таалайбек Т. Ш., Туркова В. Н., Архипова А. Н. Актуальные вопросы квалификации и криминологический анализ убийства матерью новорожденного ребенка в России // Закон и право. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-kvalifikatsii-i-kriminologicheskii-analiz-ubiystva-materyu-novorozhdennogo-rebenka-v-rossii> (дата обращения: 01.02.2026).
7. Убийство матерью новорожденного ребенка: дискурс. — Текст: электронный // Адвокатская газета: [сайт]. — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/ubiystvo-materyu-novorozhdyennogo-rebyenka-diskurs/> (дата обращения: 03.02.2026).

Современные методы профилактики терроризма с участием несовершеннолетних

Махортова Алина Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лепешкина Оксана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В современном мире терроризм остается серьезной угрозой, и Россия также сталкивается с этой проблемой, особенно в виде подрывного влияния на молодежь и роста диверсионных актов. В связи с этим, в октябре 2025 года в Уголовный кодекс РФ были внесены изменения, направленные на ужесточение наказаний за террористическую и диверсионную деятельность, особенно в отношении несовершеннолетних. В данной статье производится обзор упомянутых изменений, а также их возможное влияние на профилактику преступлений несовершеннолетних.

Ключевые слова: профилактика терроризма, уголовная ответственность несовершеннолетних, уголовное право, диверсия.

Modern methods of preventing terrorism involving minors

Makhortova Alina Alekseevna, master's student

Scientific advisor: Lepeshkina Oksana Ivanovna, phd in law, associate professor
North-West Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg)

Terrorism remains a serious threat in the modern world, and Russia is also facing this problem, especially in the form of subversive influence on young people and the growth of acts of sabotage. In this regard, in October 2025, amendments were made to the Criminal Code of the Russian Federation aimed at tightening penalties for terrorist and sabotage activities, especially against minors. This article provides an overview of these changes, as well as their possible impact on the prevention of juvenile delinquency.

Keywords: terrorism prevention, juvenile criminal liability, criminal law, sabotage.

В современном мире терроризм повсеместно признается серьезнейшей угрозой планетарного масштаба. Несмотря на усилия множества стран, направленные на борьбу с террористическими актами, говорить о полном искоренении этого явления пока преждевременно. К несчастью, наша страна также столкнулась с этой проблемой.

Иностранные разведки и организации активизируют подрывное информационное и психологическое влияние на россиян, особенно на молодое поколение, чтобы расшатать общественно-политическую и социально-экономическую ситуацию в Российской Федерации [1].

Отмечается рост числа диверсионных актов. Если за период с 2019 по 2023 год по статье 281 УК РФ «Диверсия»

осудили 13 человек, то только за 2024 год — уже 48. Например, в Волгограде трое несовершеннолетних стали виновниками поджога вышки мобильной связи, действуя по указанию неизвестного «куратора». Шестнадцатилетний юноша получил в приложении для обмена сообщениями предложение — за денежное вознаграждение совершать поджоги оборудования вышек сотовой связи, после чего привлёк к участию своих приятелей того же возраста [3].

Также в Республике Татарстан трое несовершеннолетних предстанут перед судом по обвинению в террористическом акте, совершенном на железнодорожной магистрали. В августе 2025 года они, действуя по заданию зарубежных разведывательных органов, осуществили поджог релейного шкафа. Как установило следствие, за материальное вознаграждение, подростки совершили поджог оборудования, отвечающего за функционирование железнодорожного транспорта, неподалёку от Бугульмы, применив легковоспламеняющиеся вещества [4].

Данные и многие другие примеры подчеркивают необходимость разработки дополнительных юридических инструментов для реагирования на возникающие угрозы, связанные с диверсионной и террористической деятельностью, в целях обеспечения национальной безопасности и защиты населения России.

Уголовно-правовая система в области борьбы с диверсионно-террористической деятельностью нуждается в формировании единой логики уголовно-правового воздействия и одинаково эффективных мер наказания за преступления как террористической, так и диверсионной направленности, которые в настоящее время оцениваются как равнозначно опасные для общества (санкции и квалифицирующие признаки полностью совпадают).

Так, в октябре 2025 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, содержащий расширенный набор интегрированных мероприятий, призванных гарантировать неизбежность и адекватность назначаемого наказания. Это необходимо для защиты жизни и неприкосновенности граждан, поддержания безопасности государства, а также для предотвращения правонарушений.

В соответствии с предложенными изменениями в статьи 205.1 и 281.1 Уголовного кодекса РФ, за вовлечение несовершеннолетних в террористическую или диверсионную деятельность предлагалось предусмотреть более строгое наказание, вплоть до пожизненного лишения свободы. Это изменение направлено на усиление ответственности за подобные преступления.

Для обеспечения единообразного подхода к борьбе с террористической и диверсионной деятельностью в уголовном праве законопроект включал следующие дополнения к Уголовному кодексу РФ:

- отмена сроков давности по всем преступлениям, связанным с диверсиями;
- введение запрета на условное осуждение за участие в диверсионных группах;

- ограничение возможности условно-досрочного освобождения (ходатайство возможно только после отбытия минимум 3/4 срока за диверсионные преступления, аналогично террористическим);

- установление ответственности для организаторов диверсионно-террористической деятельности не только за руководство сообществом, но и за все преступления, совершенные этой группой.

- распространение запрета на назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией, на преступления диверсионной направленности. Данные меры уже применялись к преступлениям террористической направленности.

Согласно статье 20 Уголовного кодекса РФ, уголовная ответственность наступает с четырнадцати лет за определенные преступления, такие как убийство, похищение, кража, грабёж, теракт, подготовка к террористической деятельности, участие в террористических организациях, несообщение о преступлении, захват заложников и другие.

Законопроектом предлагалось устранить пробел в законодательстве, установив аналогичный возрастной порог для преступлений диверсионно-террористической направленности, совершенных умышленно и представляющих особую опасность для общества. В частности, это относится к таким преступлениям, как диверсия, содействие террористической и диверсионной деятельности, организация террористического сообщества, подготовка к диверсионной деятельности, а также организация и участие в диверсионном сообществе.

Данный законопроект получил поддержку со стороны Верховного Суда и Правительства Российской Федерации, после чего он был принят 11 ноября 2025 года Федеральным Собранием Российской Федерации.

В окончательно принятой версии федерального закона в российский Уголовный кодекс внесены существенные поправки:

1. Максимальное наказание за вовлечение несовершеннолетних в террористическую или диверсионную деятельность теперь предусматривает возможность пожизненного лишения свободы.
2. Для всех преступлений, имеющих диверсионный характер, аннулированы сроки давности.
3. Ограничено право на подачу прошения об условно-досрочном освобождении лицам, осуждённым за диверсионные преступления.
4. Вводится запрет на применение условного осуждения к лицам, участвующим в диверсионных группах.
5. Организаторы диверсионно-террористических сообществ несут ответственность не только за факт создания группы и управление ею, но и за все преступления, совершённые членами этой группы.
6. За намеренные преступления диверсионно-террористической направленности, представляющие особую угрозу для общества, уголовная ответственность наступает с 14-летнего возраста.

Перечисленные нововведения призваны обеспечить защиту национальных интересов, укрепить безопасность страны и предостеречь граждан, особенно подрастающее поколение, от опрометчивых действий.

Ряд исследователей рассматривают возрастной диапазон от четырнадцати до восемнадцати лет как этап трансформации. В течение этого времени юноши и девушки проходят период морального и физиологического развития, осваивают необходимые умения, накапливают знания и формируют навыки, готовясь к самостоятельной жизни. Для снижения подростковой преступности необходимо, чтобы несовершеннолетний осознал серьезность последствий своих действий, понял, что его поведение контролируется соответствующими органами. Важно создать условия для исправления его поведения и мировоззрения, а также для предотвращения новых правонарушений.

В этой связи внесенные в Уголовный кодекс РФ изменения вкупе с профилактическими мероприятиями, проводимыми общеобразовательными учреждениями и учреждениями среднего профессионального образования, потенциально должны увеличить осознанность молодежи, подверженной воздействию организаторов диверсий.

Вместе с тем, одной из мер профилактики также является направление подростка в специализированные учреждения. Федеральная служба безопасности подготовила проект постановления Правительства РФ, который предполагает включение ее следственных изоляторов (СИЗО) в систему пробации, а также деятельность по предупреждению детской беспризорности и преступности. Пред-

полагается, что СИЗО ФСБ смогут участвовать в комиссиях по делам несовершеннолетних (наряду с ФСИН и органами опеки) и вносить сведения о подростках в государственные реестры и государственные информационные системы.

Как показывает практика, несовершеннолетние, прошедшие подобный опыт, часто исправляются и становятся более ответственными. Как отметил А. Саркисян, консультант адвокатского бюро «Забейда и партнеры», в настоящее время обязанности по изоляции, пробации и предупреждению преступлений разделены между различными структурами, такими как ФСИН и комиссиями по делам несовершеннолетних. Подобное разделение создает равновесие: одни организации занимаются изоляцией, другие оказывают поддержку, третьи — контролируют ситуацию [4].

В то же время, согласно мнению адвоката Д. Аграновского, наблюдается увеличение количества дел, расследуемых ФСБ. Д. Аграновский считает, что в работе ФСБ с несовершеннолетними вряд ли произойдут существенные изменения, в отличие от ФСИН, где планируется расширение функций пробации и контроля за подростками.

Таким образом, современное состояние национальной безопасности явно говорит о необходимости изменить уголовную ответственность за терроризм в сторону ужесточения назначаемого наказания, в том числе для группы населения, которая изначально является более уязвимой и подверженной чужому влиянию. Это можно рассматривать как дополнительную меру профилактики преступлений против общественной безопасности.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации», п. 29.
2. Королёва В. В. Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних // Вестник магистратуры. 2024. № 7 (154). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ugolovnoy-otvetstvennosti-nesovershennoletnih-8> (дата обращения: 08.12.2025).
3. Трое подростков подожгли станцию сотовой связи на севере Волгограда по заданию «куратора» [Электронный ресурс]. URL: <https://v1.ru/text/gorod/2025/10/31/76100707/> (дата обращения: 03.12.2025).
4. В Татарстане задержали подростков за поджог релейного шкафа по заказу иностранных спецслужб [Электронный ресурс]. URL: <https://tatarstan24.tv/news/16308.v-tatarstane-zaderzhali-podrostkov-za-podzhog-releynogo-shkafa-po-zakazu-inostrannyh-specsluzhb> (дата обращения: 03.12.2025).
5. ФСБ хочет интегрировать свои изоляторы в систему работы с несовершеннолетними [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/09/30/1142912-fsb-hochet-integririvat-svoi-izolyatori-v-sistemu> (дата обращения: 05.12.2025).
6. ФСБ предложила интегрировать свои изоляторы в систему работы с несовершеннолетними [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/society/546912-fsb-predlozila-integririvat-svoi-izolatory-v-sistemu-raboty-s-nesovershennoletnimi> (дата обращения: 05.12.2025).

Отдельные вопросы квалификации преступлений террористической направленности по уголовному законодательству Российской Федерации

Махортова Алина Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Лепешкина Оксана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В настоящее время терроризм представляет серьезную угрозу, демонстрируя тенденцию к глобализации. В 2024 году в России наблюдался существенный рост террористической активности: зарегистрировано 1191 террористическое происшествие и 3714 преступлений террористической направленности. Увеличение числа терактов на фоне уменьшения общей преступности указывает на недостаточную эффективность применяемых правовых механизмов. В статье приводятся недостатки уголовно-правовых норм, а именно ст. 205 и 205.2 УК РФ. Несмотря на сложности в квалификации преступлений, предусмотренных данными статьями, они вполне исправимы при заинтересованности законодателя в повышении эффективности уголовно-правового регулирования и противодействия терроризму.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, уголовное право, совершенствование законодательства.

Certain issues of qualification of terrorist crimes under the criminal legislation of Russian Federation

Makhortova Alina Alekseevna, master's student

Scientific advisor: Lepeshkina Oksana Ivanovna, phd in law, associate professor

North-West Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg)

Terrorism currently poses a serious threat, demonstrating a trend towards globalization. In 2024, there was a significant increase in terrorist activity in Russia: 1,191 terrorist incidents and 3,714 terrorist crimes were registered. The increase in the number of terrorist attacks against the background of a decrease in overall crime indicates the lack of effectiveness of the legal mechanisms used. The article highlights the shortcomings of criminal law norms, namely Articles 205 and 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Despite the difficulties in qualifying the crimes provided for in these articles, they are completely correctable if the legislator is interested in improving the effectiveness of criminal law regulation and countering terrorism.

Keywords: qualification of crimes, criminal liability, criminal law, improvement of legislation.

В настоящее время терроризм является одной из наиболее острых проблем, ставящих под угрозу стабильность социума и государственных институтов. За последние десятилетия данное явление распространилось по всему миру, демонстрируя тенденцию к глобализации. Увеличение числа террористических актов на фоне уменьшения общей преступности свидетельствует о недостаточной эффективности применяемых правовых механизмов.

По данным Министерства внутренних дел, в 2024 году в Российской Федерации отмечен существенный подъём террористической активности: зарегистрировано 1191 террористическое происшествие, что значительно превышает показатель 2023 года. Также зафиксирован рост преступлений террористической направленности: их число возросло с 2382 в 2023 году до 3714 в 2024 году. Важно подчеркнуть, что в период с 2019 по 2023 год количество террористических преступлений оставалось сравнительно неизменным, около 2 тысяч, в то время как число самих терактов показало резкий рост. Если в 2019–2021 годах регистрировалось примерно 40–50 терактов ежегодно, то в

2022 году их количество увеличилось до 127, а в 2023 году достигло 410.

Увеличение числа террористических актов на фоне уменьшения общей преступности свидетельствует о недостаточной эффективности применяемых правовых механизмов.

В частности, статья 205 Уголовного кодекса РФ имеет структуру, не проводящую чётких различий между различными деяниями с разным уровнем опасности для общества и разными признаками. Это приводит к тому, что как лица, совершившие теракт, так и те, кто лишь угрожал его совершением, подлежат ответственности по одной и той же статье, что противоречит принципам справедливого наказания.

Ещё один дискуссионный вопрос связан с тем, что преступление носит субъективный характер. Статья 205 Уголовного кодекса РФ подразумевает, что в составе этого преступления имеются конкретные цели, которые могут проявляться в форме реальных поступков или угроз. В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ акцентируется внимание на том, что для квалификации деяния как

террористического акта требуется четкое сочетание преследуемых целей и возможных форм их реализации. Однако отдельные эксперты обращают внимание на трудности проведения различий между террористическим актом и другими преступлениями, обладающими аналогичными признаками, что создает проблему точной правовой оценки.

Кроме того, отсутствие единого, четко регламентированного списка в законодательстве осложняет точное определение действий как террористических. Опираясь на статью 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35 «О противодействии терроризму» и изучив определение «террористическая деятельность», можно выделить следующие типы противоправных действий:

- 1) деяния, включающие в себя организацию, разработку планов, подготовку, обеспечение средствами и осуществление террористического акта;
- 2) преступления, заключающиеся в побуждении других лиц к совершению террористического акта;
- 3) деятельность, связанная с созданием нелегальных вооруженных формирований, преступных групп или организаций с целью совершения террористических актов, а также участие в подобных структурах;
- 4) преступления, включающие в себя привлечение, вооружение, подготовку и эксплуатацию террористов;
- 5) действия, связанные с информационной или иной поддержкой при планировании, подготовке или осуществлении террористического акта;
- 6) деяния, направленные на продвижение идей терроризма, распространение материалов или информации, которые призывают к террористической деятельности, либо оправдывают необходимость ее осуществления.

В то же время статья 205.2 Уголовного кодекса РФ оперирует понятиями «терроризм» и «террористическая деятельность», однако их толкование представляется неоднозначным. Согласно упомянутому выше Федеральному закону № 35, терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на органы власти различного уровня и международные организации с целью принятия решений, основанных на запугивании населения или иных противоправных насильственных актах.

В свою очередь, террористическая деятельность представляет собой реализацию терроризма на практике, включающую в себя широкий спектр действий. В частности, к террористической деятельности относят организацию, планирование, подготовку, финансирование и совершение терактов, а также подстрекательство к ним. Сюда же входят создание и участие в незаконных вооруженных формированиях и преступных сообществах, предназначенных для осуществления терактов, вербовка, обучение, вооружение и использование террористов. Ин-

формационная или иная помощь в подготовке или совершении теракта также классифицируется как террористическая деятельность, равно как и распространение идей терроризма, материалов, призывающих к террористической деятельности, или оправдывающих ее.

В части 1 ст. 205.2 Уголовного кодекса РФ используются оба термина, разграничивая при этом формы преступной деятельности, такие как призывы, оправдание и пропаганда. Однако, позиция законодателя в этом вопросе не вполне конкретизирована. Современная трактовка Верховного Суда РФ фактически уравнивает оправдание и пропаганду терроризма, делая различие лишь в том, что оправдание связано с конкретными террористическими актами или преступлениями. Применение формулировки «оправдание терроризма» в таком контексте представляется противоречащим разъяснениям, представленным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Можно предположить, что в данном случае имеет место неточность или пропуск в юридической технике, допущенные при формулировании уголовно-правовой нормы.

Также одной из трудностей в правоприменительной практике является квалификация соучастия в преступлении, предусмотренном ст. 205.2 Уголовного кодекса РФ. Согласно ст. 32 УК РФ, соучастие подразумевает намеренное участие двух или более лиц в умышленном совершении преступления. Помимо исполнителя, соучастниками признаются организатор, подстрекатель и пособник.

Привлечение к ответственности организатора за публичные призывы к террористической деятельности, оправдание или пропаганду терроризма часто происходит по отдельной статье, касающейся создания и руководства террористической организацией, либо организатор может остаться неустановленным. Определение ответственности подстрекателя и пособника также затруднено, поскольку такая деятельность часто осуществляется умышленно, но без участия других лиц, либо в рамках террористической организации или сообщества. Статья 205.2 Уголовного кодекса РФ не выделяет совершение преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору в качестве квалифицирующего признака. Ответственность за пропаганду терроризма в составе организованной группы или преступного сообщества обычно регулируется статьями 205.4 или 205.5 Уголовного кодекса РФ.

В заключение следует отметить, что наличие сложностей в квалификации преступлений, предусмотренных ст. 205 и ст. 205.2 Уголовного кодекса РФ, вполне исправимо с учетом заинтересованности законодателя в повышении эффективности уголовно-правового регулирования преступлений данной направленности и противодействия терроризму в целом.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.12.2025).

2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 05.12.2025).
3. Каменева З. В., Кособродов В. М. Проблемы квалификации террористического акта по законодательству Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2025. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-terroristicheskogo-akta-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 09.12.2025).
4. Ковлагина Д. А. Актуальные проблемы квалификации и применения ст. 205.2 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2020. № 5. Т. 13. С. 153–159.
5. Раджабов Ш. Р., Гаджиев М. Г. Проблемы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористические акты // Право и управление. 2024. № 10. С. 195–199.
6. Парог А. И. Террористический акт: качество уголовно-правовой нормы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10(98). С. 150–156.
7. Сат А. В., Карамашев С. Б. Проблемы, возникающие в установлении уголовной ответственности и квалификации преступлений террористической направленности // Символ науки. 2024. № 11–1-2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-voznikayushchie-v-ustanovlenii-ugolovnoy-otvetstvennosti-i-kvalifikatsii-prestupleniy-terroristicheskoy-napravlennosti> (дата обращения: 06.12.2025).
8. Хачидогов Р. А. Некоторые вопросы привлечения к уголовной ответственности по статье 205 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2. С. 137–138.
9. Шаталова М. А. О некоторых вопросах совершенствования законодательства Российской Федерации об уголовной ответственности за террористический акт // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 858–869.

К вопросу о понятии и сущности чрезвычайной ситуации

Незвинский Александр Сергеевич, слушатель
Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье рассмотрена проблематика определения понятия и сущности чрезвычайной ситуации, исследованы различные подходы к разрешению данного вопроса, выработана авторская позиция по нему

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, понятие, подход, сущность

На сегодняшний день сложилось несколько подходов к определению понятия чрезвычайной ситуации.

Первый подход — законодательный. Данный подход сформирован законодателем, в рамках издания соответствующих правовых норм. Вопросам режима чрезвычайной ситуации посвящены нормы Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее — Закон № 68-ФЗ) [5]. В соответствии со ст. 1 Закона № 68-ФЗ, чрезвычайная ситуация — это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. Закрепленное в законе определение дает нам основания предположить наличие ряда основополагающих признаков, которыми характеризуется чрезвычайная ситуация.

Первый признак — чрезвычайная ситуация определяется законодателем в качестве некой обстановки. В данном

случае термин «обстановка» использован в качестве синонима к термину «ситуация». Под обстановкой в соответствии с этимологической трактовкой следует понимать «совокупность условий и обстоятельств, в которых происходит что-либо» [6]. Полагаем, что в таком варианте понятие обстановки довольно полно характеризует сущность чрезвычайной ситуации.

Второй признак — территориальная привязка. Чрезвычайные ситуации могут происходить в рамках различных уровней территории государства. Это может быть отдельный муниципальный район, город, субъект Российской Федерации, все государство. В зависимости от территориального уровня чрезвычайной ситуации определяется режим действий органов государственной власти, иных субъектов по защите населения, ликвидации последствий произошедшей чрезвычайной ситуации.

Третий признак — причины возникновения чрезвычайной ситуации всегда носят конкретный характер. В зависимости от причинного комплекса также определяется административно-правовой режим деятельности органов государственной власти и иных уполномоченных субъектов в части обеспечения безопасности населения в условиях возникших чрезвычайных обстоятельств. Законода-

тель указал, что чрезвычайные ситуации могут возникать вследствие аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия.

Четвертый признак — наличие определенных опасных для общества и граждан последствий чрезвычайной ситуации. Степень опасности таких последствий детерминирует необходимость соответствующего уровня реагирования со стороны государства на факт возникновения чрезвычайной ситуации. В числе конкретных последствий, по которым возникает и развивается чрезвычайная ситуация, законодатель указывает собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Следует отметить динамичность позиции законодателя в части определения понятия чрезвычайной ситуации. С момента принятия Закона № 68-ФЗ, законодатель несколько раз изменял используемые правовые формулировки. Так, в соответствии с Федеральным законом от 30.12.2008 № 309-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7] из определения было исключено указание на природный характер чрезвычайных ситуаций, тем самым обеспечено расширение толкования, как самого понятия, так и признаков, которые ее характеризуют. Далее, в 2020 году был принят Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [8]. В рамках внесенных в соответствии с данным законом изменений, понятие чрезвычайной ситуации было дополнено еще одной причиной, по которой данная ситуация может возникнуть. Речь идет о распространении заболеваний, представляющих опасность для окружающих. Очевидно, что данные изменения были вызваны распространением новой коронавирусной инфекции, что потребовало от государства адекватной реакции, в том числе, проявляемой в рамках реализации соответствующего административно-правового режима чрезвычайной ситуации.

Второй подход к определению понятия чрезвычайной ситуации — научно-правовой. Источником формирования концепций подхода выступают позиции ученых по вопросу определения понятия чрезвычайной ситуации. Анализ научной литературы показывает, что далеко не всегда ученые соглашались с позицией законодателя в части определения понятия чрезвычайной ситуации.

А. Г. Упоров отмечает, что законодатель в данном случае «намерено и существенно сузил правовое поле понимания чрезвычайной ситуации» [4]. При этом подобное «сужение» произошло не просто в результате неверного понимания законодателем отдельно взятого определения, а в целом достаточно узконаправленным законодотворче-

ским процессом, в результате которого, основной нормативно-правовой акт федерального значения, регулирующий общественные отношения в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, посвящен исключительно двум видам чрезвычайных ситуаций, а именно природного и техногенного характера.

А. М. Баринов же пишет о том, что «рассматриваемый нормативно-правовой акт далеко не единственный, который был принят в начале девяностых годов, однако большинство из его «собратьев» были существенно пересмотрены, путем внесения соответствующих поправок и изменений, данный же закон подвергался скорее косметическим изменениям, например, в части касающейся, изменению порядка привлечения сил и средств для ликвидации отдельно взятых видов чрезвычайных ситуаций» [1].

Обе озвученные позиции представляются нам спорными, заслуживающими пристального внимания и дискуссии. В частности, сложно согласиться с мнением А. Г. Упорова, поскольку в рамках закрепленного понятия определены и иные виды чрезвычайных ситуаций. В свою очередь, природные и техногенные чрезвычайные ситуации на сегодняшний день действительно — наиболее распространенные и опасные, чем и заслуживают пристального внимания со стороны законодателя и правоприменителя. В свою очередь, А. М. Баринов, на наш взгляд, также не совсем справедливо высказывается по отношению к современному состоянию рассматриваемого нормативного правового акта. В частности, как уже было отмечено ранее, законодатель обеспечивает периодическое обновление норм Закона № 68-ФЗ, в том числе, в части видоизменения понятия чрезвычайной ситуации.

Свои определения понятию чрезвычайной ситуации дают многие авторы. Свои концепции по данному вопросу представляли такие ученые, как: Б. Н. Порфирьев [9; 10], М. В. Сантарович и А. В. Долидович [11], А. П. Зайцев [12], А. П. Коротков и Ю. Ю. Соковых [2], В. В. Кульба [13], С. А. Старостин [14]. Анализ позиций данных ученых позволяет сделать вывод о следующих основных особенностях научно-правового определения понятия чрезвычайной ситуации.

Во-первых, ученые в значительной степени опираются на закрепленное в Законе № 68-ФЗ понятие. Даже авторы критических мнений признают общий верный посыл реализации законодательной позиции в данной сфере.

Во-вторых, большинство авторов в основу определения понятия чрезвычайной ситуации кладут ее способность причинить вред охраняемым законом общественным, государственным и частным интересам.

В-третьих, все авторы признают, что чрезвычайная ситуация является крайне опасным явлением, в отношении которого необходима скорейшая и адекватная реакция.

В-четвертых, само возникновение чрезвычайной ситуации ученые признают внезапным явлением, к которому, однако, государство должно быть постоянно готово.

В-пятых, в юридической литературе для определения ЧС используется большое количество обобщающих по-

нятий. Применяются как конкретные общепринятые понятия (эпидемия, эпизоотия, пандемия, землетрясение, оползень, лавина, транспортная катастрофа и т. п.), так и более абстрактные обобщающие понятия (аномальные явления, стихийные бедствия, экстремальные ситуации, кризисные ситуации, осложненная оперативная обстановка, техногенно-экологическая опасность).

В-шестых, практически все авторы полагают, что основа деятельности государства в условиях чрезвычайной ситуации — в обеспечении реализации особого правового режима. Чаще других говорится об административно-правовом режиме, поскольку условия чрезвычайной ситуации требуют эффективного управления всеми имеющимися силами и средствами.

Литература:

1. Баринов А. М. Понятие и сущность чрезвычайных ситуаций // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. № 9 (81). С.110–117.
2. Коротков А. П. Правовые средства управления кризисными ситуациями: сравнительный анализ международно-правового и внутригосударственного регулирования / А. П. Коротков, Ю. Ю. Соковых // Государство и право. 1997. № 10. С. 65–68.
3. Старостин С. А. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях: правовые и организационные аспекты: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М.: 2000. 32 с.
4. Упоров А. Г. О проблеме понятия «чрезвычайная ситуация» // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2010. № 2. С.60–67.
5. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 декабря 1994 г. № 35 ст. 3648.
6. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание] / Сергей Иванович Ожегов; под общ. ред. Л. И. Скворцова. — 28-е изд., перераб. — Москва: Мир И образование, 2015. — 1375 с.
7. Федеральный закон от 30.12.2008 № 309-ФЗ «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83309/b5315c892df7002ac987a311b4a242874fdcf420/#dst100075 (дата обращения: 31.10.2024).
8. Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // СПС «Консультант Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349080/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100013 (дата обращения: 31.10.2024).
9. Порфирьев Б. Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях: анализ методологии и проблемы организации. М.: Наука, 1991. 136 с.
10. Порфирьев Б. Н. Организация управления в чрезвычайных ситуациях: (Проблемы предотвращения и сокращения масштабов последствий технологических и природных катастроф). М.: Знание, 1989. 64 с.
11. Сантарович М. В. Долидович А. В. Защита населения и хозяйственных объектов в чрезвычайных ситуациях. Радиационная безопасность. Мозырь: ООО ИД «Белый ветер», 2005. 372 с.
12. Зайцев А. П. Чрезвычайные ситуации. Краткая характеристика и классификация // Военные знания: сб. науч. трудов. М., 1997. С. 3–12.
13. Кульба В. В. Управление в чрезвычайных ситуациях. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. 188 с.
14. Старостин С. А. Управление органами внутренних дел при чрезвычайных ситуациях: правовые и организационные аспекты: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М.: 2000. 32 с.

Криминалистическая характеристика этапов осмотра места происшествия

Никанорова Роксолана Михайловна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье раскрывается поэтапная организация осмотра как первоначального следственного действия, регламентированного главой 25 и статьёй 166 УПК РФ, с учётом задач выявления, фиксации и изъятия доказательственной информации. Исследование систематизирует содержание подготовительного, рабочего и заключительного этапов, включая применение статического и динамического методов, пространственных способов обследования и средств фиксации, что обеспечивает сохранность следовой картины и доказательственную пригодность материалов.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, криминалистическая тактика, доказательственная информация, следственная версия, процессуальная фиксация.

Осмотр места происшествия относится к первоначальным следственным действиям и направлен на выявление, фиксацию и изъятие доказательственной информации. Производство регулируется главой 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, оформление результатов — статьёй 166 УПК РФ. Структура действия подчинена задаче установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Тактическая организация строится на поэтапности, что систематизирует деятельность следователя и обеспечивает полноту исследования обстановки [1].

Подготовительный этап включает действия до выезда и по прибытии. До выезда следователь устанавливает вид и характер сообщения, источник информации, предполагаемое место совершения преступления. Организуется охрана территории и оказание помощи пострадавшим. Проверяется готовность научно-технических средств, подготавливаются упаковочные материалы, документация и специальная одежда. Определяется состав участников: оперативные сотрудники, эксперт-криминалист, судебный медик, при необходимости кинолог. Решается вопрос о приглашении понятых и обеспечении транспорта.

С криминалистической позиции подготовительная стадия ориентирована на сохранение следовой картины без изменений. Промедление либо недостаточный контроль охраны территории увеличивают риск утраты микроследов, смещения предметов и уничтожения биологических объектов. Принятые меры формируют условия для применения статических и динамических методов исследования. По прибытии следователь проверяет исполнение поручений, удостоверяется в оказании помощи потерпевшим и кратко опрашивает очевидцев. Определяются задачи участников, разъясняются права и обязанности. Организуется удаление посторонних, усиливаются меры по сохранности следов, даются указания о проведении оперативно-розыскных мероприятий по «горячим следам». Криминалистическое значение стадии выражается в формировании первоначальной версии. Анализ внешних признаков обстановки, расположения объектов и характера повреждений позволяет выдвинуть предположения о механизме события. Версия имеет вероятностную природу и проверяется на рабочем этапе [3].

Рабочий этап охватывает общий и детальный осмотр. Общий осмотр обеспечивает ориентировку, установление границ и выбор способа исследования. Следователь формирует представление о пространственной структуре места происшествия, определяет порядок перемещения и исходную точку. Реализация принципов повсеместности, последовательности и планомерности придаёт обследованию системный характер. Повсеместность означает исследование всей территории без пропусков.

Последовательность выражает логически выстроенный порядок действий во времени и пространстве. Планомерность предполагает научно обоснованное чередование методов, фиксацию результатов и сопоставление выявленных признаков в структуре анализа. Детальный осмотр ориентирован на исследование каждого объекта и следа. Применяются статический и динамический методы. Статический метод предусматривает изучение обстановки без перемещения предметов с фиксацией взаимного расположения, положения и состояния поверхностей. Динамический метод допускает перемещение объектов для измерений и моделирования при условии предварительной фиксации первоначального состояния [4].

Пространственная организация рабочего этапа определяется характером события, конфигурацией территории и наличием выраженного центра. Эксцентрический способ предполагает движение по спирали от центра к периферии и применяется при локализованной исходной точке, например при обнаружении трупа либо месте столкновения транспортных средств. Исследование центральной зоны задаёт направление поиска вторичных следов: гильз, оружия, траектории перемещения лица. Концентрический способ реализуется от периферии к центру и используется при отсутствии чётко выраженного ядра события. Подход позволяет установить пути подхода и отхода, выявить распределённые следы обуви, транспорта или предметов. Фронтальный способ «прочёсывания» применяется на обширных открытых участках; участники выстраиваются в линию и синхронно обследуют пространство, обеспечивая полноту охвата. Секторный способ предполагает деление круга на сектора 30–45° с последовательным исследованием каждого участка, что снижает риск пропуска локальных следов.

Стадийность рабочего этапа выражается в обзорной, статической и динамической фазах. В обзорной фазе устанавливаются границы осмотра, выбирается способ перемещения, выполняется ориентирующая и обзорная фотосъёмка, фиксирующая исходную картину до вмешательства. Статическая фаза ориентирована на исследование без изменения расположения предметов; анализируется взаимное положение объектов, выявляются признаки перемещения и разрушения. Динамическая фаза предусматривает детальное исследование следов и вещественных доказательств с применением узловой и детальной фотосъёмки, методов выявления следов рук, орудий взлома, ног и транспортных средств. Используются слепки и перенос следов на дактилоскопические плёнки, проводится измерение, описание и моделирование при сохранении исходных свойств объектов. Особое значение придаётся микроследам и микрочастицам. Их выявление требует специальных технических средств и повышенной концентрации внимания. Анализ микроследов

позволяет установить контакт между лицом и объектом, подтвердить пребывание в определённой зоне и реконструировать способ взаимодействия с предметами. В ходе осмотра применяются экспресс-исследования: пробы на наличие крови, использование светофильтров и электронно-оптических преобразователей для выявления закрытых текстов. Результаты ориентируют расследование и уточняют версии, корректируя направление поиска доказательств [2].

Заключительный этап охватывает упаковку изъятых объектов, фиксацию результатов и процессуальное оформление. Упаковку осуществляет специалист либо следователь с соблюдением требований сохранности. Ход и результаты отражаются в протоколе, составляемом по правилам статьи 166 УПК РФ.

Протокол содержит сведения о месте, дате, времени начала и окончания, должности и фамилии лица, проводив-

шего действие, а также данные об участниках. Описание фиксирует действия в последовательности их совершения, выявленные обстоятельства, применённые технические средства, условия использования и результаты. Отмечается предупреждение о применении техники. Документ подписывается следователем и всеми участниками. Структура включает вводную, описательную и заключительную части. Прилагаются планы, схемы, фототаблицы, материалы аудио- и видеозаписи. На планах указываются расстояния до ориентиров, направление север-юг, дата и условные обозначения. Фиксация должна обеспечивать полноту, объективность и точность. Криминалистическая характеристика этапов отражает взаимосвязь тактики, техники и процессуальной формы. Последовательность действий сохраняет доказательственную информацию, системность методов гарантирует достоверность и пригодность для экспертного исследования.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. — № 249. — 22.12.2001.
2. Горшкова В. С. К вопросу о предварительном исследовании следов и объектов на месте происшествия // Государство и право в эпоху глобальных перемен. — 2022. — С. 67–68.
3. Иванов А. В. Осмотр места происшествия: понятие и содержание // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2024. — №. 1 (63). — С. 61–65.
4. Кузьмин С. В. Тактические приемы осмотра места происшествия. часть 1 //Криминалист. — 2022. — №. 1 (38). — С. 53–59.

Технико-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия в системе уголовного судопроизводства

Никанорова Роксолана Михайловна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье исследуется правовая и методическая регламентация осмотра места происшествия как самостоятельного следственного действия, осуществляемого в соответствии со статьями 176–178 и частью 1.1 статьи 170 УПК РФ. Раскрыта система технико-криминалистических средств обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования следов, включая оптические, осветительные, дактилоскопические, химические и измерительные инструменты, а также требования к их процессуально корректному применению. Обоснована зависимость доказательственной ценности результатов от соблюдения методики, правильной упаковки объектов и взаимодействия следователя со специалистом.

Ключевые слова: *осмотр места происшествия, технико-криминалистические средства, фиксация доказательств, изъятие вещественных доказательств.*

Осмотр места происшествия выступает самостоятельным следственным действием, ориентированным на выявление, фиксацию и изъятие материальных следов преступления, а также получение исходной информации для построения и проверки версий. Процессуальная регламентация содержится в статьях 176–178 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации,

определяющих порядок производства, и в части 1.1 статьи 170 УПК РФ, устанавливающей требования к применению технических средств фиксации при отсутствии понятий. Нормативная основа задаёт пределы допустимости и гарантирует проверяемость результатов [1].

Технико-криминалистические средства формируют систему инструментов, обеспечивающих объективизацию

познавательной деятельности следователя. Назначение комплекса заключается в переходе от предположений о механизме события к проверяемым фактам, выраженным в зафиксированных и сохранённых объектах. В структуре применения различаются средства обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования следов. Функциональная взаимосвязь проявляется в том, что качество обнаружения определяет полноту фиксации, а корректность изъятия влияет на возможность последующего экспертного анализа. Средства обнаружения охватывают осветительные и оптические приборы. Переносные фотоосветители, фотовспышки, ультрафиолетовые источники, устройства с отражателями и светофильтрами позволяют выявлять слабовидимые либо скрытые следы. Изменение угла падения света, интенсивности и спектра излучения способствует выявлению микрорельефа поверхностей и замаскированных загрязнений. Лупы и микроскопы применяются для детализации малых объектов и фиксации микропризнаков, значимых для установления механизма слеодообразования [4].

Выявление следов рук осуществляется с использованием дактилоскопических порошков: сажи, магнитных и немагнитных составов, окиси меди, люминесцирующих веществ. Для обработки скрытых отпечатков применяются пары йода, цианакрилат, химические реагенты и лазерное излучение. Метод подбирается с учётом свойств поверхности и состояния следа. При работе с биологическими объектами используются реагенты для индикации крови и спермы, включая гемофан, люминол и фостотест. Нарушение методики может повлечь разрушение структуры следа и снижение доказательственной ценности. Для поиска металлических объектов используются металлоискатели и магнитные подъёмники. Оборудование эффективно при обследовании грунта и строительных конструкций. Измерительные средства — рулетки, масштабные линейки, штангенциркули — обеспечивают точную фиксацию размеров и взаимного расположения предметов. Полученные данные отражаются в протоколе и применяются при реконструкции обстановки [2].

Фиксация результатов обеспечивается протоколированием, фото- и видеосъёмкой, составлением схем и планов. Часть 1.1 статьи 170 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает обязательное применение технических средств при отсутствии понятых; невозможность использования подлежит отражению в протоколе. Судебная практика квалифицирует неполноту фиксации как существенное процессуальное нарушение, влияющее на допустимость доказательств.

Изъятие вещественных доказательств осуществляется с учётом физико-химических свойств. Твёрдые объекты извлекаются инструментами, исключаящими повреждение следов. Жидкости помещаются в герметичные ёмкости. Газообразные вещества и запаховые следы изымаются в закрытые стеклянные сосуды либо с применением шприцов и фольги. Каждый объект упаковывается индивидуально с обеспечением идентификации и сохранности. Работа с микрообъектами — частицами стекла, волокнами, фрагментами волос — требует увеличительных приборов и тщательного обследования контактных поверхностей. Изъятие проводится отдельно для предотвращения перекрёстного переноса. Несоблюдение методики ведёт к утрате доказательственной информации. Методическая модель осмотра строится поэтапно. На начальной стадии выполняется ориентирующее восприятие обстановки с применением обзорной съёмки. Далее проводится детальное исследование с использованием осветительных, оптических и измерительных средств. Последовательность действий сохраняет следы и поддерживает логическую целостность фиксации [3].

Взаимодействие следователя со специалистом повышает результативность применения техники. Специалист участвует в выборе методов обнаружения и интерпретации признаков, особенно при работе с микрообъектами и биологическими следами. Процессуальная и методическая корректность применения средств формирует доказательственную базу расследования и обеспечивает соответствие требованиям уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. — № 249. — 22.12.2001.
2. Булатов Г. А., Коротков А. В., Лебедева А. А. Современные технико-криминалистические средства, применяемые при осмотре места происшествия // Вопросы науки и образования: новые подходы и актуальные исследования: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 17 мая 2023 г.). — 2023. — С. 201–205.
3. Пекарева В. В., Бондаренко И. В. Научно-технические средства, применяемые в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений: содержание дефиниции, значение, правовое положение // Аграрное и земельное право. — 2024. — №. 5 (233). — С. 276–279.
4. Шхагапсоев З. Л., Гаужаева В. А. Задачи технико-криминалистического обеспечения осмотра места происшествия // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. — 2023. — Т. 16. — №. 5. — С. 371–375.

Уголовно-правовая характеристика налоговых преступлений

Павлов Дмитрий Николаевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена комплексному анализу уголовно-правовых аспектов налоговых преступлений. Рассматриваются признаки, характеризующие данные преступления, включая их общественную опасность, объект и предмет преступного посягательства, объективную и субъективную стороны составов, а также особенности квалификации. Особое внимание уделяется проблемам разграничения налоговых преступлений от смежных составов, таких как уклонение от уплаты таможенных платежей и легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем.

Ключевые слова: налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов, общественная опасность, объект преступления, субъективная сторона, квалификация преступлений, разграничение составов преступлений.

Борьба с налоговыми преступлениями является одной из приоритетных задач для любого государства, так как неуплата налогов способствует подрыву экономической стабильности и препятствует реализации общественных и социальных программ. Уголовно-правовая характеристика налоговых преступлений представляет собой достаточно сложную проблему, которая требует детального изучения. Общественная опасность налоговых преступлений заключается в том, что причиняется ущерб финансовой системе государства, граждане уклоняются от выполнения своей конституционной обязанности по уплате налогов и сборов. Налоговые преступления представляют собой общественно опасные деяния, которые посягают на установленный порядок формирования государственных и местных финансов при помощи уклонения от уплаты налогов и сборов, совершаемые с прямым умыслом и влекущие уголовную ответственность [5, с. 149].

Сущность налоговых преступлений заключается в совершении умышленного нарушения налогового законодательства для незаконного обогащения за счет государства и подрыва финансовой системы, что выражается в неполной или несвоевременной уплате налогов и сборов, что способствует уменьшению доходной части бюджета и затруднению выполнения государством своих функций.

Основными признаками, характеризующими налоговые преступления, являются:

- объектом посягательства является установленный порядок формирования государственных и местных финансов, при помощи которого обеспечивается своевременное и полное поступление налогов и сборов в бюджетную систему;

- объективная сторона включает в себя действия или бездействие, которые направлены на то, чтобы уклониться от уплаты налогов и сборов, выраженные в непредставлении налоговой декларации (расчета) или иных документов, представление которых является обязательным в соответствии с законодательством о налогах и сборах, включении в налоговую декларацию (расчет) или такие документы заведомо ложных сведений;

- субъект налогового преступления является общим, т. е. им является физическое лицо, достигшее возраста 16

лет, обязанное уплачивать налоги и сборы в соответствии с законодательством, а также специальным, т. е. им может быть руководитель или главный бухгалтер организации, а также иные лица, которые несут ответственность за ведение бухгалтерского учета и отчетности. Также к специальным субъектам следует относить физических лиц, зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей.

- субъективная сторона выражается в наличии вины в форме прямого умысла, т. е. лицо четко осознает общественную опасность своих совершения действий или бездействия, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления, т. е. цель налогового преступления заключается в том, чтобы уклониться от уплаты налогов и сборов [8, с. 16].

Действия (бездействие) признаются преступными только в том случае, если они прямо предусмотрены УК РФ. Налоговые преступления, в основном, отличаются значительным размером неуплаченных налогов и сборов.

Согласно УК РФ, принято выделять следующие основные виды налоговых преступлений:

- уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов, подлежащих уплате организацией, и (или) налогов, сборов с физического лица (ст. 199 и 198 УК РФ). Это является наиболее распространенным видом налогового преступления, его суть заключается в умышленном невнесении в бюджет денежных средств в виде налогов, сборов, страховых взносов, которые лицо обязано было уплатить.

- неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1 УК РФ), т. е. налоговый агент обязан исчислить, удержать у налогоплательщика и перечислить в бюджет соответствующие налоги, а неисполнение этих обязанностей в своих корыстных целях или из личной заинтересованности также квалифицируется в качестве налогового преступления;

- сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199.2 УК РФ). Согласно

данной статье предусмотрена ответственность за действия, которые направлены на уклонение от взыскания налоговой задолженности при помощи сокрытия активов [2].

Доказывание умысла является основным элементом при квалификации налогового преступления. Ошибки в бухгалтерском учете или неверная интерпретация налогового законодательства, которые были допущены без умысла уклонения от уплаты налогов, не являются налоговым преступлением [5, с. 150].

Уголовная ответственность за налоговые преступления наступает только при неуплате налогов и сборов в крупном или особо крупном размере, установленном УК РФ. В УК РФ предусмотрены специальные составы налоговых преступлений, например, уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и уклонение от уплаты налогов, сборов и (или) физическим лицом.

Лицо, которое впервые совершило налоговое преступление, подлежит освобождению от уголовной ответственности в том случае, если оно в полном объеме уплатило сумму недоимки и соответствующие пени, а также сумму штрафа, если таковой был назначен.

Таким образом, налоговые преступления являются серьезными правонарушениями, способным причинить ущерб финансовой системе государства и требующие адекватного реагирования со стороны правоохранительных органов.

Далее рассмотрим подробнее основные элементы состава налоговых преступлений, а также особенности их квалификации.

Объектом налогового преступления, как уже было сказано выше, является установленный порядок формирования государственных и местных финансов, обеспечивающий своевременное и полное поступление налогов и сборов в бюджетную систему РФ, иначе говоря, это общественные отношения, которые обеспечивают финансовую основу деятельности государства и муниципальных образований.

Предметом налогового преступления являются деньги, т. е. неуплаченные суммы налогов и сборов, которые подлежат уплате в бюджет, а также документы, т. е. налоговые декларации, бухгалтерские документы, счета-фактуры и другие документы, которые используются для исчисления и уплаты налогов и сборов, заведомо ложные сведения в этих документах также являются предметом преступления [11, с. 176].

Объективная сторона налоговых преступлений включает в себя действия (или бездействие), которые направлены на уклонение от уплаты налогов и сборов. Данные действия могут быть выражены в различных формах:

— непредставление налоговой декларации (расчета) или иных обязательных документов, под чем понимается умышленное не предоставление налогоплательщиком в налоговый орган налоговой отчетности, которую он обязан представить в соответствии с законодательством;

— включение в налоговую декларацию (расчет) или иные документы заведомо ложных сведений, что является наиболее распространенным способом уклонения, когда налогоплательщик специально искажает информацию, к примеру, занижает доходы, завышает расходы, использует поддельные документы, получает необоснованные налоговые вычеты и т. д.;

— на практике могут встречаться и иные способы, например, такие как сокрытие имущества, которое подлежит налогообложению, использование «фирм-однодневок» для уклонения от уплаты НДС и др. [5, с. 150].

Для квалификации налогового преступления необходимо установление причинно-следственной связи между действиями (бездействием) налогоплательщика и образовавшейся недоимкой по налогам и сборам.

Субъективная сторона характеризуется виной в форме прямого умысла, что означает, что лицо: четко осознает общественную опасность от своих действий (бездействия), т. е. понимает, что оно нарушает налоговое законодательство и уклоняется от уплаты налогов; предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде неуплаты налогов и причинения ущерба бюджетной системе; желает наступления этих последствий, т. е. стремится к уклонению от уплаты налогов и сборов [7, с. 311].

Мотив (к примеру, получение прибыли) и цель (уклонение от уплаты налогов) также имеют значимость при квалификации. Отсутствие умысла исключает наступление уголовной ответственности, например, допущенная ошибка в бухгалтерском учете или неверная интерпретация налогового законодательства, без умысла уклонения от уплаты налогов, не являются преступлением. Бремя доказывания умысла лежит на стороне обвинения.

Размер неуплаченных налогов и сборов является одним из основных критериев квалификации налогового преступления. Уголовная ответственность может наступить только при неуплате налогов в крупном или особо крупном размере, установленном примечаниями к ст. 198, 199 УК РФ [2].

Если лицо уклонилось от уплаты разных налогов или сборов, образующих в совокупности крупный или особо крупный размер, то его действия могут быть квалифицированы как одно преступление.

В налоговых преступлениях возможно соучастие, когда несколько лиц совместно совершают действия, которые направлены на то, чтобы уклониться от уплаты налогов, поэтому, каждый из соучастников несет ответственность в соответствии со своей ролью в совершении преступления (организатор, подстрекатель, пособник, исполнитель).

Лицо, которое впервые совершило налоговое преступление, освобождается от уголовной ответственности, если оно в полном объеме уплатило сумму недоимки и соответствующие пени, а также сумму штрафа, если таковой был назначен.

Важно отличать налоговые преступления от административных налоговых правонарушений. Основное отличие заключается в размере неуплаченных налогов и наличии умысла на уклонение. Незначительные нарушения налогового законодательства, которое не образует крупного размера неуплаты и не содержащие признаков умысла, влекут административную ответственность.

Доказывание налоговых преступлений, особенно умысла, является достаточно сложной задачей, требующей глубокого знания налогового законодательства, бухгалтерского учета и практики расследования экономических преступлений.

Далее приведем несколько примеров из судебной практики по налоговым преступлениям.

Например, в Определении Второго кассационного суда от 23.05.2024 по делу № 77–1296/24, суд установил, что неуплата налогов в пределах трёх финансовых лет квалифицируется в качестве единого преступления, поэтому нет необходимости исчисления сроков давности по каждому налоговому периоду [12].

Как видно, если деяние квалифицируется как длящееся, то срок давности начинает исчисляться с момента окончания преступления (последнего эпизода неуплаты), а не с каждого отдельного налогового периода, что повышает вероятность привлечения виновных к ответственности, даже если отдельные эпизоды неуплаты имели место давно.

А согласно Апелляционного определения суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 02.05.2024 по делу № 22–249/24, приговор был отменён, так как сумма сокрытых средств оказалась больше недоимки, а подписи на распорядительных письмах не проверили [13].

Данный пример подчеркивает важность тщательного сбора и анализа доказательств в налоговых преступлениях. Необходимо точно установить сумму недоимки, а также доказать, что именно данные лица распоряжались сокрытием средств. Судебная экспертиза подписей является важным элементом установления вины, превышение суммы сокрытых средств над суммой недоимки, вероятно, указало на иной мотив сокрытия, не связанный с уклонением от уплаты налогов.

Согласно Кассационному постановлению Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2024 г. по делу № 77–2377/2024 приговор по ч. 1 ст. 199.2 УК РФ (сокрытие денежных средств либо имущества, за счёт которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов) был оставлен без изменения [14].

Данный пример подтверждает законность и обоснованность судебного решения предыдущей инстанции. Вероятно, суд счел доказательства вины подсудимого достаточными и не усмотрел нарушений норм материального или процессуального права.

На основании Кассационного постановления Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2024 г. по делу № 77–566/2024, приговор по ч. 1 ст. 199.2 УК РФ (сокрытие денежных средств либо имущества, за счёт ко-

торых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов) был отменён, уголовное дело было передано на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе [15].

Вероятно, в ходе рассмотрения дела были допущены существенные нарушения норм процессуального или материального права, которые повлияли на законность и обоснованность приговора, что может быть связано как с неправильной оценкой доказательств, так и с нарушением прав подсудимого.

Действительно, отграничение налоговых преступлений от смежных составов, таких как уклонение от уплаты таможенных платежей и легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, представляет собой достаточно сложную задачу. Суть проблемы заключается в схожести некоторых действий и возникающих последствий, что требует особо тщательного анализа фактических обстоятельств дела для правильной квалификации.

Разграничение уклонения от уплаты налогов от уклонения от уплаты таможенных платежей обладает схожестью, т. е. оба вида преступлений посягают на финансовую систему государства, выражаются в уклонении от обязательных платежей в бюджет и совершаются с целью получения незаконной выгоды. Объективная сторона может быть схожа (к примеру, предоставление ложной информации).

Различия же кроются в предмете посягательства, т. е. уклонение от уплаты налогов посягает на систему налогообложения внутри страны, а уклонение от уплаты таможенных платежей на систему таможенного регулирования внешнеэкономической деятельности. Уклонение от уплаты налогов регулируется налоговым законодательством РФ и ст. 198–199.2 УК РФ. Уклонение от уплаты таможенных платежей регулируется таможенным законодательством ЕАЭС и законодательством РФ о таможенном деле и ст. 194 УК РФ.

Уклонение от уплаты таможенных платежей чаще всего связано с недостоверным декларированием товаров, занижением их таможенной стоимости, сокрытием товаров от таможенного контроля, использованием поддельных документов и т. д. Уклонение же от уплаты налогов может выражаться в непредставлении декларации, включении в нее заведомо ложных сведений о доходах и расходах, использовании незаконных схем минимизации налогов и т. д.

Субъектами уклонения от уплаты таможенных платежей чаще всего являются участники внешнеэкономической деятельности (организации, индивидуальные предприниматели), декларанты, таможенные брокеры. Субъектами уклонения от уплаты налогов выступают налогоплательщики (физические лица, организации).

На практике встречаются достаточно сложные схемы, при которых уклонение от уплаты таможенных платежей сочетается с уклонением от уплаты налогов, к примеру, организация занижает таможенную стоимость импортируемого товара, уклоняясь от уплаты таможенных пошлин и НДС, а затем занижает налогооблагаемую базу

по налогу на прибыль, включая в расходы завышенную стоимость товара. В этих случаях необходимо квалифицировать оба преступления, если каждое из них достигает крупного размера [6, с. 45].

В отдельных случаях достаточно сложно бывает определить, какое именно законодательство было нарушено в большей степени, что может привести к ошибкам в квалификации.

Уклонение от уплаты налогов от легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174 и 174.1 УК РФ) связаны с совершением финансовых операций и направлением денежных средств (или иного имущества) в гражданский оборот.

Различия же кроются в объекте посягательства, т. е. уклонение от уплаты налогов посягает на бюджетную систему государства, а легализация (отмывание) денежных средств посягает на финансовую систему и установленный порядок экономической деятельности, а также наносит ущерб интересам правосудия.

Уклонение от уплаты налогов заключается в умышленном неисполнении обязанности по уплате налогов. Легализация (отмывание) в совершении финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом. При уклонении от уплаты налогов предметом являются неуплаченные налоги и сборы. При легализации предметом выступают денежные средства или иное имущество, которое приобретено в результате совершения другого преступления («предикатное» преступление). Уклонение от уплаты налогов совершается с целью не платить налоги. Легализация совершается с целью сокрытия преступного происхождения имущества и придания ему законного вида.

На практике часто встречаются ситуации, при которых уклонение от уплаты налогов является только лишь первым этапом в более сложной схеме легализации преступных доходов, к примеру, организация уклоняется от уплаты налогов, а затем «отмывает» полученные денежные средства, инвестируя их в легальный бизнес, приобретая недвижимость, ценные бумаги и т. д. Разграничение достаточно часто зависит от доказывания умысла лица. Если лицо просто уклонилось от уплаты налогов, то это одно преступление, а если же оно предприняло действия, которые направлены на сокрытие источника происхождения денежных средств или имущества, полученных в результате уклонения от уплаты налогов, то это другое преступление (легализация).

Если лицо сначала уклонилось от уплаты налогов, а после совершило действия по легализации полученных средств, то его действия могут быть квалифицированы по совокупности преступлений (ст. 198, 199, 174, 174.1 УК РФ). Поэтому, важным является установление того, были ли действия по легализации направлены именно на со-

крытие факта уклонения от уплаты налогов и придания правомерности этим средствам.

При разграничении необходим анализ фактических обстоятельств дела, поэтому необходим тщательный анализ всех обстоятельств дела, включая документы, показания свидетелей, результаты экспертиз. Необходимо определение целей, которые преследовало лицо, совершая те или иные действия, с какой целью были совершены финансовые операции, чтобы уклониться от уплаты налогов или чтобы скрыть преступное происхождение денежных средств. Если речь идет о легализации, то необходимо установить, в результате какого именно преступления были получены денежные средства или иное имущество. Необходимо определить размер неуплаченных налогов, таможенных платежей, а также стоимость имущества, подвергнутого легализации.

Разграничение налоговых преступлений от смежных составов требует от правоприменителя глубоких знаний уголовного, налогового, таможенного и банковского законодательства, а также навыков проведения сложных экономических расследований. Правильная квалификация имеет важное значение для обеспечения справедливости и эффективности уголовного преследования.

Квалификация налоговых преступлений является сложным процессом, требующим тщательного анализа всех обстоятельств дела, в том числе размера неуплаченных налогов, формы вины, способов уклонения, роли каждого из участников и другие факторы. Только при наличии всех элементов состава преступления и доказанности вины лица возможно привлечение его к уголовной ответственности.

Уголовно-правовая характеристика налоговых преступлений сопряжена с рядом проблем, возникающих на стадиях выявления, расследования и судебного рассмотрения дел.

1. Проблемы квалификации и доказывания умысла.

Разграничение налоговых правонарушений и преступлений. Не всегда легко провести четкую границу между ошибками в исчислении и уплате налогов, которые являются налоговыми правонарушениями, и умышленным уклонением, представляющим собой преступление. Для привлечения к уголовной ответственности необходим доказанный прямой умысел на уклонение.

Доказывание умысла является одной из наиболее сложных задач, частую умысел доказывается косвенными доказательствами, например, систематическим не отражением доходов, использованием подставных фирм, внесением заведомо ложных сведений в налоговые декларации и др. Уклонение от уплаты налогов зачастую осуществляется с использованием сложных финансовых схем. Для понимания данных схем требуется экономическая экспертиза и специальные знания, что затрудняет доказывание.

2. Сложности в исчислении ущерба. Расчет суммы ущерба (неуплаченных налогов) может быть достаточно сложным, в особенности при сложных налоговых схемах или неполной бухгалтерской документации.

Необходимо правильно учитывать все возможные корректировки налоговой базы, вычеты и льготы. Изменение квалификации деяния (к примеру, переход от налогового правонарушения к преступлению) влечет пересчет суммы ущерба и может повлиять на квалификацию преступления (крупный или особо крупный размер).

3. Проблемы, связанные с деятельным раскаянием.

Для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 76.1 УК РФ) необходимо полное возмещение ущерба. Возмещение ущерба включает в себя не только сумму неуплаченных налогов, но и пени, определение точной суммы пени может быть проблематичным.

Важно, чтобы возмещение ущерба было произведено до вынесения приговора. Затягивание процесса может

лишить возможности воспользоваться деятельным раскаянием.

4. Вопросы, связанные с квалифицирующими признаками.

Критерии крупного и особо крупного размера неуплаченных налогов постоянно меняются, что требует постоянного анализа законодательства. Необходимо доказать согласованность действий соучастников и наличие у них общего умысла на совершение налогового преступления.

Таким образом, уголовно-правовая характеристика налоговых преступлений является сложной и многогранной. Успешное выявление, расследование и рассмотрение этих дел требует комплексного подхода, высокой квалификации, знания налогового и уголовного законодательства, а также экономической теории.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г., в ред. от 06.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 1993. — № 12. — Ст. 1.; 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Агафонова Н. Н. Особенности доказывания умысла на уклонение от уплаты налогов // Законность. 2023. № 11. С. 38–43.
4. Баранова Л. Г. Проблемы квалификации уклонения от уплаты налогов, совершенного индивидуальным предпринимателем // Предпринимательское право. 2024. № 2. С. 76–81.
5. Глазкова К. А., Накова М. Р. Налоговые преступления и правонарушения как угрозы экономической безопасности России // Сборник научных статей. 2021. С. 148–151.
6. Грачев Н. В. Судебная практика по делам о налоговых преступлениях: анализ и тенденции // Российский судья. 2022. № 8. С. 44–49.
7. Дибиров Ю. С. К вопросу об уголовной ответственности за налоговые преступления // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12 (187). С. 310–312.
8. Есаков Г. А., Саушкин Д. В. Умысел в налоговых преступлениях и конструкция продолжаемого преступления // Уголовное право. 2020. № 4. С. 15–20.
9. Ковалев И. О. Способы совершения налоговых преступлений в современных условиях // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 89–95.
10. Макарова Т. И. Проблемы квалификации уклонения от уплаты налогов, совершенного путем непредставления налоговой декларации // Налоговый вестник. 2022. № 12. С. 51–56.
11. Павлова Е. Н. Криминологическая характеристика налоговой преступности в России // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2024. № 3 (71). С. 175–180.
12. Определение Второго кассационного суда от 23.05.2024 по делу № 77–1296/24 // [Электронный источник] — Режим доступа: <http://cdep.ru/>
13. Апелляционное определение суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 02.05.2024 по делу № 22–249/24 // [Электронный источник] — Режим доступа: <http://cdep.ru/>
14. Кассационное постановление Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2024 г. по делу № 77–2377/2024 // [Электронный источник] — Режим доступа: <http://cdep.ru/>
15. Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 06.06.2024 г. по делу № 77–566/2024 // [Электронный источник] — Режим доступа: <http://cdep.ru/>

Актуальные вопросы надзора за осужденными, отбывающими наказание в виде ограничения свободы

Пашук Кирилл Игоревич, студент

Научный руководитель: Глазкова Евгения Игоревна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматриваются актуальные проблемы организации и осуществления надзора за осужденными, отбывающими наказание в виде ограничения свободы. Анализируются правовые пробелы и практические сложности, возникающие в деятельности уголовноисполнительных инспекций, а также предлагаются возможные пути совершенствования контрольнонадзорного механизма в данной сфере.

Ключевые слова: ограничение свободы, исполнение наказаний, наказания без изоляции от общества, уголовно-исполнительные инспекции, система электронного мониторинга подконтрольных лиц.

В современной уголовноправовой системе Российской Федерации одним из значимых инструментов воздействия на лиц, совершивших преступления, выступает наказание в виде ограничения свободы. Данный вид наказания был введен в уголовное законодательство Федеральным законом от 27 декабря 2009 года № 377ФЗ и с тех пор активно применяется на практике.

Несмотря на более чем десятилетний опыт реализации этого института, в научной среде и правоприменительной практике сохраняется дискуссионный характер его оценки. Согласно статистике, число осужденных к ограничению свободы постепенно увеличивается, однако доля этого наказания в общем количестве уголовных санкций остается низкой. Основные препятствия связаны с недостаточной правовой регламентацией и отсутствием четкости в процедуре исполнения наказания. Многие ученые-пенитенциаристы указывают на необходимость внесения изменений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство для повышения эффективности применения данного вида наказания [1].

Осужденные, которым лишение свободы заменено на ограничение свободы, нередко сталкиваются с проблемой возможности изменения места жительства или пребывания. Хотя, согласно п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 22.12.2015 № 58, отсутствие регистрации не является основанием для отказа в применении ограничения свободы, возможность переезда строго ограничена исчерпывающим перечнем оснований, закрепленным в ч. 4 ст. 50 УИК РФ. На практике это затрудняет решение бытовых вопросов (отсутствие жилья, необходимость совместного проживания без регистрации брака) и проблем с трудоустройством в назначенном муниципалитете.

Для решения данного проблемного вопроса предлагается дополнить ст. 50 УИК РФ нормой, разрешающей изменение места жительства в течение 1 месяца после освобождения, но не позднее 14 дней после постановки на учет в уголовно-исполнительную инспекцию (далее — УИИ). При этом начальник УИИ должен проверить обоснованность причин переезда и наличие согласия лиц, у которых планирует проживать осужденный. Такая мера способствовала бы более эффективной ресоциализации освобожденных.

На практике возникают сложности с применением запрета на выезд за пределы муниципального образования (далее — МО) при наказании в виде ограничения свободы. Хотя ПП ВС РФ от 22.12.2015 № 58 позволил суду устанавливать ограничения в пределах населенного пункта (если он включает несколько МО) или МО (если населенный пункт — его часть), остается проблема «транзитных» выездов: осужденный вынужден временно покидать МО, чтобы добраться до пункта назначения внутри него (например, из Томска в пос. Апрель нужно проехать через пос. Ключи, относящийся к другому МО). Система электронного мониторинга (далее — СЭМПЛ) фиксирует это как нарушение, влекущее взыскание по ч. 2 ст. 58 УИК РФ [2, С. 45]. При этом УИИ не всегда может проконтролировать факт выезда, а полный охват осужденных электронным мониторингом пока невозможен, тем более что и указанное оборудование имеет свои недостатки.

На практике оборудование СЭМПЛ часто дает технические сбои, например, ложно срабатывает датчик движения, что регистрируется как нарушение. На разбор таких инцидентов сотрудники УИИ тратят много времени: приходится оформлять объемные пакеты документов. Кроме того, действующий порядок реагирования на нарушения перегружен бюрократическими процедурами [3, с. 239].

Для оптимизации предлагается: 1) в ПО СЭМПЛ реализовать группировку однотипных информационных сообщений и упрощенный механизм их отработки; 2) сохранить индивидуальную проверку только для критических нарушений; 3) дополнить интерфейс формой с готовыми шаблонами отработки.

Следующим проблемным вопросом является то, что в уголовноисполнительном законодательстве не определено юридическое значение отчетов СЭМПЛ о нарушении: он не считается безусловным доказательством, поскольку техника может давать сбои. Поэтому сотрудникам УИИ нужно собирать дополнительные доказательства (объяснения осужденного, свидетельские показания, записи камер и т. п.). Однако на практике это проблематично: нарушения, выявленные в пятницу ве-

чером, разбирают лишь в понедельник, и «по горячим следам» доказательства собрать уже нельзя. В результате при отрицании вины осужденным отчет остается единственным подтверждением, но суд может не признать его достаточным.

Чтобы повысить доверие суда к документам СЭМПЛ, предлагается включать в направляемый в суд пакет документов согласование с техническим специалистом, прошедшим специальное обучение. Это позволит подтвердить корректность работы оборудования и достоверность отчета.

Литература:

1. Глазков М. Б. Осуществление контроля за осужденными к ограничению свободы: некоторые проблемные аспекты // Вестник Томского государственного университета. — 2024. — № 498. — С. 209–216.
2. Комбаров Р. В. Актуальные проблемы исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы // Вестник Кузбасского института. — 2019. — № 3(40). — С. 41–46.
3. Глазков М. Б., Рогожников Е. В. Проблемные вопросы, с которыми сталкиваются сотрудники уголовно-исполнительных инспекций при работе с оборудованием системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) // Вестник Пермского института ФСИН России. — 2024. — № 4(55). — С. 37–43.

Некоторые проблемные вопросы, возникающие при осуществлении образовательной деятельности индивидуальными предпринимателями

Пашук Кирилл Игоревич, студент

Научный руководитель: Глазкова Евгения Игоревна, старший преподаватель
Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматриваются проблемные вопросы, с которыми сталкиваются индивидуальные предприниматели при осуществлении ими образовательной деятельности.

Ключевые слова: индивидуальные предприниматели, осуществляющие образовательную деятельность.

Действующее законодательство в сфере образования к числу лиц, осуществляющих образовательную деятельность, помимо образовательных организаций и организаций, осуществляющих обучение, относит индивидуальных предпринимателей, осуществляющих образовательную деятельность.

Следует уделить внимание некоторым проблемам, возникающим в практической деятельности индивидуальных предпринимателей, осуществляющих образовательную деятельность.

В соответствии с частью 3 статьи 32 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 273-ФЗ) «индивидуальные предприниматели вправе осуществлять образовательную деятельность по основным и дополнительным общеобразовательным программам, программам профессионального обучения» [1].

Согласно части 2 статьи 91 Федерального закона № 273-ФЗ «соискателями лицензии на осуществление

Подводя итог, можно отметить, что для совершенствования института ограничения свободы целесообразно: дополнить ст. 50 УИК РФ нормой о порядке смены места жительства после освобождения; оптимизировать работу СЭМПЛ (внедрить группировку однотипных сообщений, шаблоны отработки); закрепить в судопроизводстве механизм подтверждения достоверности отчетов СЭМПЛ через согласование с техническим специалистом. На наш взгляд, реализация указанных мер будет способствовать более эффективной ресоциализации осужденных и повышению эффективности исполнения наказания.

образовательной деятельности являются образовательные организации, организации, осуществляющие обучение, а также индивидуальные предприниматели, за исключением индивидуальных предпринимателей, осуществляющих образовательную деятельность непосредственно» [1].

Таким образом, получение лицензии на осуществление образовательной деятельности индивидуальным предпринимателем, реализующему образовательные программы непосредственно (без привлечения педагогических работников), не требуется.

В рассматриваемом случае подразумеваются индивидуальные предприниматели, занимающиеся репетиторством. То есть ими (непосредственно) осуществляется образовательная деятельность без найма штата преподавателей. Такая деятельность не подлежит лицензированию, поскольку образовательную программу в целом согласно требованиям федеральных государственных образовательных стандартов репетитор не реализует.

Однако при осуществлении лично индивидуальными предпринимателями образовательной деятельности по программам профессионального обучения без получения лицензии на образовательную деятельность на практике возникает вопрос о возможности выдачи ими свидетельства о профессии рабочего, должности служащего. В связи с этим необходимо системно проанализировать законодательство об образовании, касающееся сферы профессионального обучения.

Так, профессиональное обучение осуществляется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность. Частью 1 статьи 74 Федерального закона № 273-ФЗ определено, что «профессиональное обучение завершается итоговой аттестацией в форме квалификационного экзамена. Лицам, успешно прошедшим итоговую аттестацию, выдаются документы об образовании и (или) о квалификации, образцы которых самостоятельно устанавливаются организациями, осуществляющими образовательную деятельность» [1].

Согласно пункту 2 части 10 статьи 60 Федерального закона № 273-ФЗ «по результатам профессионального обучения выдается свидетельство о профессии рабочего, должности служащего, которое подтверждает получение квалификации по профессии рабочего, должности служащего и присвоение (при наличии) квалификационного разряда, класса, категории по результатам профессионального обучения» [1].

Таким образом, следует заключить, что индивидуальный предприниматель, осуществляющий образовательную деятельность непосредственно без привлечения педагогических работников, не вправе выдавать свидетельство о профессии рабочего, должности служащего.

Следует отметить, что такой индивидуальный предприниматель вправе выдать сертификат, подтверждающий факт прохождения определенного курса, однако к документам об образовании и (или) о квалификации такой сертификат не относится, соответственно сведения о нем в ФИС ФРДО вноситься не будут.

Следующей проблемой, с которой сталкиваются индивидуальные предприниматели, осуществляющие образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию общеобразовательным программам, является получение субсидий на возмещение затрат, включая расходы на оплату труда, приобретение учебников и учебных пособий, средств обучения, игр, игрушек. Как показывает практика, при реализации своего права на получение такой субсидии индивидуальные предприниматели зачастую сталкиваются с административными барьерами, отказами в получении субсидии.

Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 25.10.2023 № 1780 утверждены Правила предоставления из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам — производителям товаров, работ, услуг [2]. Согласно указанному постановлению индивидуальные предприниматели вправе получить субсидию при соблюдении соответствующих требований. Однако, решая вопрос предоставления субсидии, региональные и местные органы власти исходят из целей и приоритетов в региональной социально-экономической политике, а также с учетом своих финансовых возможностей.

К примеру, в Республике Саха (Якутия) в соответствии с приказом Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия) № 01–03/303 от 19.02.2025 г. распределены субсидии из государственного бюджета Республики Саха (Якутия) субъектами малого и среднего предпринимательства на возмещение затрат на осуществление образовательной деятельности в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования по имеющим государственную аккредитацию основным общеобразовательным программам на 2025 год в объеме более 515 млн. рублей, что свидетельствует о достаточно большом объеме финансирования и поддержке, в том числе, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих образовательную деятельность [3].

С другой стороны, порядком предоставления субсидии из государственного бюджета Республики Саха (Якутия), утвержденным постановлением Правительства Республики Саха (Якутия) от 11 августа 2021 г. № 280 предусмотрены достаточно длительные сроки рассмотрения и отбора заявок — 20 рабочих дней на рассмотрение заявок, 5 рабочих дней на принятие решения о результатах отбора и 14 дней на размещение результата отбора [3]. Таким образом, сам отбор длится около двух месяцев, что не отвечает принципам эффективности и оперативности при обеспечении субъектов малого предпринимательства бюджетным финансированием.

Поддержка индивидуальных предпринимателей при осуществлении ими образовательной деятельности со стороны государства, создание удобной и комфортной системы взаимодействия с органами власти в области финансовой поддержки предпринимателей позволит гарантировать реализацию конституционного права на образование и найти необходимый баланс между интересами индивидуальных предпринимателей, осуществляющих образовательную деятельность и обучающихся.

Литература:

1. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — М., 2026. — Режим доступа: локальная сеть Науч. 6-ки Том. гос. ун-та.
2. Правила предоставления из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам — про-

изготовителям товаров, работ, услуг: постановление Правительства РФ от 25 окт. 2023 г. № 1780 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — М., 2026. — Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

3. Министерство образования и науки Республики Саха (Якутия) — URL: <https://xn—14-9kcqjffxn3b.xn—p1ai/podder/subsidiya-subektam-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-na-vozmeshchenie-zatrat-na-osushchestvlenie-obrazovatelnoj-deyatelnosti-v-sfere-doshkolnogo-nachalnogo-obshhego-osnovnogo-obshhego-srednego-obshhego> (дата обращения 12.01.2026).

Автоматизация административного контроля в сфере дорожного движения: проблемы ответственности и защиты прав граждан

Рябикин Павел Александрович, студент

Научный руководитель: Богматсера Эдуард Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красноярск)

В статье исследуются правовые и практические проблемы автоматизации административного контроля в сфере дорожного движения. Анализируется влияние цифровых технологий и систем автоматической фото- и видеofиксации на механизм привлечения к административной ответственности. Особое внимание уделяется вопросам установления субъекта правонарушения, трансформации принципа вины, а также обеспечению процессуальных гарантий и защиты прав граждан в условиях автоматизированного правоприменения. Рассматривается роль судебной практики в формировании компенсаторных механизмов защиты прав лиц, привлекаемых к ответственности. Формулируются выводы и предложения, направленные на совершенствование правового регулирования и правоприменительной практики в условиях цифровизации административного контроля.

Ключевые слова: административная ответственность, автоматизация контроля, безопасность дорожного движения, цифровизация, автоматическая фиксация, защита прав граждан, судебная практика.

Automation of administrative control in the field of road traffic: issues of liability and protection of citizens' rights

Ryabikin Pavel Alexandrovich, student

Scientific advisor: Bogmatsera Eduard Viktorovich, phd in law, associate professor
Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

The article examines legal and practical issues related to the automation of administrative control in the field of road traffic. It analyzes the impact of digital technologies and automated photo and video recording systems on the mechanism of administrative liability. Particular attention is paid to the determination of the offender, the transformation of the principle of fault, and the protection of procedural rights in the context of automated law enforcement. The role of judicial practice in compensating for deficiencies in automated administrative procedures is also explored. Based on the analysis, proposals are formulated to improve legal regulation and law enforcement practice in the digital environment.

Keywords: administrative liability, automated control, road traffic safety, digitalization, automatic recording, protection of citizens' rights, judicial practice.

Актуальность исследования

Активное внедрение цифровых технологий в деятельность органов публичной власти существенно изменило традиционные формы административного контроля, в том числе в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Системы автоматической фото- и видеofиксации стали одним из ключевых инструментов выявления нарушений правил дорожного движения, что обусловлено их высокой пропускной способностью, непрерывностью функционирования и минимизацией человеческого фактора.

Вместе с тем автоматизация административного контроля привела к трансформации классических элементов административной ответственности. Процедуры выявления правонарушений и вынесения постановлений приобрели упрощённый и обезличенный характер, что вызвало дискуссии относительно соблюдения принципов вины, презумпции невиновности и права на защиту. Возложение ответственности преимущественно на собственника транспортного средства, а также использование технических средств в качестве основного доказательства ставят под сомнение полноту и справедливость административного производства.

В условиях расширения цифрового правоприменения особую значимость приобретает вопрос защиты прав граждан, вовлечённых в административный процесс. Наличие значительного массива судебных споров, связанных с обжалованием постановлений, вынесенных на основании автоматической фиксации, свидетельствует о сохраняющихся проблемах правового регулирования и правоприменительной практики. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность комплексного научного анализа автоматизации административного контроля в сфере дорожного движения.

Научный анализ

В доктрине административного права автоматизация контрольных функций государства рассматривается как закономерный этап развития публичного управления, направленный на повышение эффективности и прозрачности правоприменения. Однако в сфере административной ответственности за нарушения правил дорожного движения данный процесс сопровождается существенными правовыми издержками.

Одной из центральных проблем является изменение механизма установления субъекта административного правонарушения. В условиях автоматической фиксации фактическое поведение водителя подменяется юридической конструкцией ответственности собственника транспортного средства. Такая модель, несмотря на её прагматическую направленность, вступает в противоречие с традиционным пониманием вины как обязательного элемента административной ответственности и требует дополнительных гарантий для защиты прав привлекаемых лиц.

Не менее значимым является вопрос доказательственной деятельности. Материалы, полученные с использованием технических средств, приобретают доминирующее значение, в то время как иные доказательства зачастую не истребуются и не анализируются. Автоматизированный характер фиксации нарушений приводит к формализации оценки доказательств, что снижает уровень индивидуализации административного производства и ограничивает возможности лица по опровержению вменяемого правонарушения.

В научных исследованиях также подчёркивается, что цифровизация административного контроля сопровождается сокращением процессуального взаимодействия между государством и гражданином. Рассмотрение дела фактически осуществляется без участия лица, привлекаемого к ответственности, а реализация права на защиту

переносится на стадию обжалования вынесенного постановления. Это свидетельствует о смещении акцента с превентивной и гарантийной функции административного процесса на фискально-контрольную.

В этих условиях особое значение приобретает судебная практика, которая выполняет роль механизма балансировки публичных и частных интересов. Суды, рассматривая жалобы на постановления, вынесенные на основании автоматической фиксации, вырабатывают дополнительные критерии оценки допустимости и достоверности доказательств, а также уточняют пределы ответственности собственника транспортного средства. Тем самым судебный контроль компенсирует недостатки автоматизированного административного производства.

Таким образом, автоматизация административного контроля в сфере дорожного движения, обладая значительным потенциалом, одновременно порождает комплекс проблем, требующих системного правового осмысления.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что автоматизация административного контроля в сфере дорожного движения существенно изменила механизм реализации административной ответственности, затронув его материально-правовые и процессуальные основы. Использование цифровых технологий и автоматической фиксации повысило эффективность выявления правонарушений, однако одновременно обострило проблемы защиты прав граждан.

Установлено, что действующая модель автоматизированного правоприменения характеризуется снижением уровня индивидуализации ответственности, формализацией доказательственной деятельности и ограниченностью процессуальных гарантий. В этих условиях судебная практика выполняет стабилизирующую и корректирующую функцию, обеспечивая восстановление баланса между публичными интересами и правами личности.

Представляется, что дальнейшее развитие автоматизации административного контроля должно сопровождаться усилением правовых механизмов защиты граждан, уточнением процессуального статуса лиц, привлекаемых к ответственности, а также развитием единых стандартов оценки доказательств, полученных с использованием технических средств. Реализация указанных направлений позволит повысить легитимность и эффективность административной ответственности в условиях цифровизации государственного управления.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. действующая).
2. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник для вузов. — М.: Норма, 2020. — 528 с.
3. Панова И. В. Административное право Российской Федерации: учебник. — М.: Норма, 2022. — 384 с.
4. Салищева Н. Г. Административный процесс в Российской Федерации: учебное пособие. — М.: Статут, 2020. — 312 с.

5. Лазарев В. В. Правоприменительная практика: проблемы теории и методологии. — М.: Инфра-М, 2019. — 290 с.
6. Шутрина Е. С. Судебная практика как фактор развития административного права // Журнал российского права. — 2021. — № 6. — С. 72–80.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях».
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам об административных правонарушениях в сфере безопасности дорожного движения // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2020. — № 12.

Проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за нарушения в сфере безопасности дорожного движения, выявленные средствами автоматической фото- и видеофиксации

Рябикин Павел Александрович, студент

Научный руководитель: Богматсера Эдуард Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Красногорск)

В статье рассматриваются проблемные аспекты привлечения к административной ответственности за нарушения в сфере безопасности дорожного движения, выявленные с использованием средств автоматической фото- и видеофиксации. Анализируются особенности правового регулирования данного способа выявления административных правонарушений, а также возникающие сложности при установлении субъекта ответственности и реализации принципа презумпции невиновности. Особое внимание уделяется вопросам доказательственной силы материалов автоматической фиксации, процессуальным гарантиям лиц, привлекаемых к ответственности, и практике обжалования соответствующих постановлений. На основе анализа законодательства и правоприменительной практики формулируются выводы и предложения, направленные на совершенствование механизма административной ответственности в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: административная ответственность, безопасность дорожного движения, автоматическая фото- и видеофиксация, административное правонарушение, презумпция невиновности, доказывание, правоприменительная практика, обжалование постановлений.

Problematic aspects of bringing to administrative responsibility for violations in the field of road safety, identified by means of automatic photo and video recording

Ryabikin Pavel Alexandrovich, student

Scientific advisor: Bogmatsera Eduard Viktorovich, phd in law, associate professor
Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Krasnogorsk)

The article discusses problematic aspects of bringing to administrative responsibility for violations in the field of road safety, identified by automatic photo and video recording. The article analyzes the features of the legal regulation of this method of detecting administrative offenses, as well as the difficulties encountered in establishing the subject of responsibility and implementing the principle of presumption of innocence. Special attention is paid to the evidentiary value of automatic recording materials, procedural guarantees for persons held accountable, and the practice of appealing relevant decisions. Based on the analysis of legislation and law enforcement practice, conclusions and proposals have been formulated to improve the mechanism of administrative responsibility in the field of road safety.

Keywords: administrative responsibility, road safety, automatic photo and video recording, administrative offense, presumption of innocence, evidence, law enforcement practice, appeal of decisions.

Актуальность исследования

В условиях цифровизации государственного управления и широкого внедрения технических средств контроля особую значимость приобретает институт автоматической фото- и видеофиксации нарушений в сфере

безопасности дорожного движения. Данный механизм призван повысить эффективность выявления административных правонарушений, снизить уровень аварийности и обеспечить неотвратимость административной ответственности. Вместе с тем его активное применение выявило ряд правовых и практических проблем, свя-

занных с особенностями привлечения к ответственности без непосредственного участия должностных лиц и без установления личности фактического нарушителя.

На практике автоматическая фиксация нередко приводит к формальному возложению ответственности на собственника транспортного средства, что вызывает дискуссии относительно соблюдения принципов вины и презумпции невиновности, а также гарантии права на защиту. Дополнительные сложности возникают при оценке достоверности и допустимости доказательств, полученных с использованием технических средств, а также при реализации процедур обжалования вынесенных постановлений. Наличие неоднородной судебной практики по данным вопросам свидетельствует о недостаточной определенности правового регулирования.

В связи с этим исследование проблемных аспектов привлечения к административной ответственности за нарушения правил дорожного движения, выявленные средствами автоматической фото- и видеофиксации, является актуальным и востребованным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Его результаты могут способствовать совершенствованию административно-правовых механизмов обеспечения безопасности дорожного движения и повышению уровня защиты прав участников административного процесса.

Научный анализ

В научной литературе вопросы привлечения к административной ответственности за нарушения правил дорожного движения, выявленные средствами автоматической фото- и видеофиксации, рассматриваются преимущественно через призму соотношения публичных интересов и гарантий прав личности. Так, в работе А. П. Коренева, посвящённой проблемам административной ответственности в условиях цифровизации, подчёркивается, что внедрение автоматизированных средств контроля существенно трансформирует традиционные представления о механизме доказывания и субъекте правонарушения. Автор указывает, что формальное возложение ответственности на собственника транспортного средства не всегда соответствует принципу личной вины, закреплённому в административном праве [1, с. 112].

Схожей позиции придерживается И. В. Панова, анализируя особенности применения главы 12 КоАП РФ. Исследователь отмечает, что автоматическая фиксация нарушений, с одной стороны, повышает эффективность выявления правонарушений, а с другой — порождает риски ограничения процессуальных прав привлекаемых лиц, в частности права на защиту и права на всестороннее рассмотрение дела [2, с. 89]. По мнению автора, данные риски усиливаются в условиях упрощённого порядка вынесения постановлений по делам данной категории.

Значительное внимание в научных исследованиях уделяется проблеме доказательственной силы материалов автоматической фиксации. Так, Н. Г. Салищева указы-

вает, что фото- и видеоматериалы, полученные с использованием специальных технических средств, не могут рассматриваться в отрыве от требований допустимости и достоверности доказательств. Автор подчёркивает необходимость строгого соблюдения установленных законом требований к сертификации, эксплуатации и проверке таких средств, поскольку любые нарушения ставят под сомнение законность вынесенного постановления [3, с. 57].

В контексте судебной практики интерес представляет позиция В. В. Лазарева, который отмечает, что суды при рассмотрении жалоб на постановления, вынесенные на основании автоматической фиксации, фактически формируют дополнительные критерии оценки доказательств, не всегда прямо закреплённые в законодательстве. Это, по мнению автора, свидетельствует о компенсаторной роли судебной практики в условиях недостаточной определённости нормативного регулирования [4, с. 134].

Отдельного внимания заслуживают исследования, посвящённые проблеме презумпции невиновности. Так, Е. С. Шутрина подчёркивает, что действующий механизм освобождения собственника транспортного средства от ответственности путём доказывания передачи управления иному лицу фактически возлагает на него бремя доказывания своей невиновности. Данная ситуация, по мнению автора, требует дополнительного теоретического осмысления и законодательной корректировки [5, с. 76].

Таким образом, анализ научных источников позволяет сделать вывод о том, что институт автоматической фото- и видеофиксации, несмотря на его значительный потенциал в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, остаётся источником существенных правовых и процессуальных проблем. Наличие дискуссий в доктрине и неоднородной правоприменительной практики подтверждает необходимость дальнейших исследований, направленных на поиск баланса между эффективностью административного принуждения и обеспечением прав и законных интересов участников административного процесса.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что применение средств автоматической фото- и видеофиксации нарушений в сфере безопасности дорожного движения является важным инструментом повышения эффективности административного контроля и профилактики правонарушений. Вместе с тем данный механизм выявления административных правонарушений сопровождается рядом правовых и процессуальных проблем, которые негативно отражаются на реализации принципов административной ответственности.

Установлено, что действующая модель привлечения к ответственности за правонарушения, зафиксированные в автоматическом режиме, в ряде случаев вступает в противоречие с принципом личной вины и презумпции не-

виновности, поскольку ответственность возлагается преимущественно на собственника транспортного средства независимо от фактического управления им. Существенные затруднения также возникают при оценке доказательственной силы материалов автоматической фиксации, а также при реализации права на защиту и эффективное обжалование вынесенных постановлений.

Анализ правоприменительной и судебной практики свидетельствует о наличии неоднородных подходов к разрешению споров данной категории, что указывает на недостаточную определённость правового регулирования и необходимость его дальнейшего совершенство-

вания. В этой связи представляется целесообразным уточнение процессуальных гарантий лиц, привлекаемых к административной ответственности, а также развитие единых подходов к оценке доказательств, полученных с использованием технических средств автоматической фиксации.

Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем научном осмыслении проблем административной ответственности, а также в процессе совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. действующая).
2. Корнев А. П. Административная ответственность: проблемы теории и практики: монография. — М.: Юрайт, 2021. — 256 с.
3. Панова И. В. Административное право Российской Федерации: учебник для вузов. — М.: Норма, 2022. — 384 с.
4. Салищева Н. Г. Административный процесс в Российской Федерации: учебное пособие. — М.: Статут, 2020. — 312 с.
5. Лазарев В. В. Правоприменительная практика: проблемы теории и методологии. — М.: Инфра-М, 2019. — 290 с.
6. Шугрина Е. С. Презумпция невиновности в административном праве // Журнал российского права. — 2021. — № 6. — С. 72–80.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении, дел об административных правонарушениях».
8. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник. — М.: Норма, 2020. — 528 с.

Правовые аспекты доказывания по делам о компенсации морального вреда в рамках статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации

Седюко Юлия Николаевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Статья посвящена анализу правовых механизмов доказывания в делах о компенсации морального вреда при реабилитации граждан после незаконного уголовного преследования (ст. 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации). Рассматривается специфика распределения бремени доказывания между сторонами, где истец обязан подтвердить факт причинения вреда, характер физических/нравственных страданий и их связь с незаконными действиями госорганов, а ответчик (государство) несет ответственность независимо от вины должностных лиц. Особое внимание уделено проблемам доказывания нематериального вреда, определения размера компенсации, баланса интересов. Отмечены коллизии между гражданским и уголовно-процессуальным законодательством. Предложены пути совершенствования: детализация разъяснений ВС РФ, усиление мотивировочной части решений, повышение качества юридической помощи реабилитированным, разработка научно обоснованных критериев оценки вреда.

Ключевые слова: компенсация морального вреда, реабилитация в уголовном судопроизводстве, статья 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, бремя доказывания, незаконное уголовное преследование, нравственные страдания, доказывание нематериального вреда, справедливость и разумность компенсации, проблемы правоприменения

Время доказывания выступает ключевым механизмом в российском процессуальном праве, определяя, на чьих плечах лежит ответственность за сбор и представление фактов, подлежащих установлению в ходе рассмо-

трения дела. В гражданском процессе это закреплено в ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, где указано, что каждая сторона обязана доказывать обстоятельства, на которые она ссылается как на

основания своих требований или возражений, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом.

В доктрине это понятие трактуется шире: как распределительная категория, регулирующая баланс процессуальных обязанностей и предотвращающая произвольное перекладывание нагрузки на суд. Например, истец обычно несет основное бремя по подтверждению факта правонарушения и размера ущерба, в то время как ответчик опровергает эти утверждения или приводит встречные доказательства. Такое деление коренится в идее состязательности, где суд не собирает доказательства самостоятельно, а оценивает представленный материал, что особенно актуально в спорах о возмещении вреда, включая моральные потери.

Согласно ст. 53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Под реабилитацией в уголовном производстве понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (п. 34 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Реабилитированный — это лицо, имеющее в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ) право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием (п. 35 ст. 5 УПК РФ).

В отношении лиц, незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию, порядок возмещения вреда определен УПК РФ, в частности статьями 133–139.

В соответствии с ч. 1 ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда.

Как следует из п. 1 ч. 2 ст. 133 УПК РФ, право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеет, в частности, подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор.

В силу ч. 1 ст. 134 УПК РФ суд в приговоре, определении, постановлении, а следователь, дознаватель в постановлении признают за оправданным либо лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, право на реабилитацию. Одновременно реабилитированному направляется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием.

Иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 136 УПК РФ).

В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеет осужденный

в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», с учетом положений ч. 2 ст. 133 и ч. 2 ст. 135 УПК РФ, право на реабилитацию имеют:

- лица, уголовное преследование которых признано незаконным или необоснованным судом первой инстанции по основаниям, предусмотренным в ч. 2 ст. 133 УПК РФ;
- лица, в отношении которых уголовное преследование прекращено по указанным основаниям на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, либо уголовное дело прекращено и (или) приговор отменен по таким основаниям в апелляционном, кассационном, надзорном порядке по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Ключевым аспектом судебного разбирательства по указанным искам является установление суммы денежной компенсации, причитающейся заявителю в возмещение перенесенных физических и нравственных страданий.

По общим принципам в рамках предмета доказывания по делам о компенсации морального вреда подлежат установлению следующие юридические факты:

- имели ли место действия (бездействия) ответчика, причинившие истцу нравственные или физические страдания, в чем они выражались и когда они были совершены;
- какие личные неимущественные права истца нарушены этими действиями (бездействием) и на какие нематериальные блага они посягают;
- в чем выразились нравственные или физические страдания истца;
- причинно-следственная связь между действиями (бездействием) ответчика и нравственными или физическими страданиями истца;
- степень вины причинителя вреда (в том случае, если она должна учитываться);
- размер компенсации.

С учетом категории дел, где речь идет о причинении вреда гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения к нему в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, установление вины причинителя вреда исключается из предмета доказывания.

Итак, в соответствии с ч. 1 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается в обоснование своих требований и возражений.

По делам о компенсации морального вреда бремя доказывания распределяется следующим образом. Истец должен доказать причинение вреда при определенных обстоятельствах конкретным лицом, степень физических и нравственных страданий, претерпеваемых им, указав, в чем они выражаются, причинно-следственную связь между причинением вреда и наступившими физическими или нравственными страданиями, обосновать размер компенсации вреда.

Основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными гл. 59 и ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (п. 1 ст. 1099 ГК РФ).

Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред (ст. 151 ГК РФ).

Вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом (п. 1 ст. 1070 ГК РФ).

Согласно положениям ст. 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации в случаях, когда вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или ис-

правительных работ, компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда.

Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего (п. 2 ст. 1101 ГК РФ).

Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее — Постановление № 33), под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные¹ либо имущественные права.

В соответствии с п. 14 Постановления № 33 под физическими страданиями следует понимать физическую боль, связанную с причинением увечья, иным повреждением здоровья, либо заболевание, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы, а под нравственными страданиями — страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции).

Суду при разрешении спора о компенсации морального вреда, исходя из ст. 151, 1101 ГК РФ, устанавливающих общие принципы определения размера такой компенсации, необходимо в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физи-

¹ Например: жизнь, здоровье, достоинство личности, свобода, личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, честь и доброе имя, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности и др.

ческих и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности, учесть заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела, а также требования разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения прав. При этом соответствующие мотивы о размере компенсации морального вреда должны быть приведены в судебном постановлении (п. 25 Постановления № 33).

Согласно п. 27 Постановления № 33 тяжесть причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом заслуживающих внимания фактических обстоятельств дела, к которым могут быть отнесены любые обстоятельства, влияющие на степень и характер таких страданий. При определении размера компенсации морального вреда судам следует принимать во внимание, в частности:

- существо и значимость тех прав и нематериальных благ потерпевшего, которым причинен вред (например, характер родственных связей между потерпевшим и истцом);

- характер и степень умаления таких прав и благ (интенсивность, масштаб и длительность неблагоприятного воздействия), которые подлежат оценке с учетом способа причинения вреда (например, причинение вреда здоровью способом, носящим характер истязания, унижение чести и достоинства родителей в присутствии их детей), а также поведение самого потерпевшего при причинении вреда (например, причинение вреда вследствие провокации потерпевшего в отношении причинителя вреда);

- последствия причинения потерпевшему страданий, определяемые, помимо прочего, видом и степенью тяжести повреждения здоровья, длительностью (продолжительностью) расстройства здоровья, степенью стойкости утраты трудоспособности, необходимостью амбулаторного или стационарного лечения потерпевшего, сохранением либо утратой возможности ведения прежнего образа жизни.

Под индивидуальными особенностями потерпевшего, влияющими на размер компенсации морального вреда, следует понимать, в частности, его возраст и состояние здоровья, наличие отношений между причинителем вреда и потерпевшим, профессию и род занятий потерпевшего (п. 28 Постановления № 33).

Согласно п. 30 Постановления № 33, при определении размера компенсации морального вреда судом должны учитываться требования разумности и справедливости (п. 2 ст. 1101 ГК РФ).

Вопрос о разумности присуждаемой суммы должен решаться с учетом всех обстоятельств дела, в том числе значимости компенсации относительно обычного уровня жизни и общего уровня доходов граждан, в связи с чем исключается присуждение потерпевшему чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы, если только такая сумма не была указана им в исковом заявлении.

Пунктом 42 Постановления № 33 предусмотрено, что моральный вред, причиненный в связи с незаконным или

необоснованным уголовным или административным преследованием, может проявляться, например:

- в возникновении заболеваний в период незаконного лишения истца свободы;

- в его эмоциональных страданиях в результате нарушений со стороны государственных органов и должностных лиц прав и свобод человека и гражданина;

- в испытываемом унижении достоинства истца как добросовестного и законопослушного гражданина;

- в ином дискомфортном состоянии, связанном с ограничением прав истца на свободу передвижения, выбор места пребывания, изменением привычного образа жизни, лишением возможности общаться с родственниками и оказывать им помощь, распространением и обсуждением в обществе информации о привлечении лица к уголовной или административной ответственности, потерей работы и затруднениями в трудоустройстве по причине отказов в приеме на работу, сопряженных с фактом возбуждения в отношении истца уголовного дела, ограничением участия истца в общественно-политической жизни.

При определении размера компенсации судам в указанных случаях надлежит учитывать в том числе длительность и обстоятельства уголовного преследования, тяжесть инкриминируемого истцу преступления, избранную меру пресечения и причины избрания определенной меры пресечения (например, связанной с лишением свободы), длительность и условия содержания под стражей, однократность и неоднократность такого содержания, вид и продолжительность назначенного уголовного наказания, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, личность истца (в частности, образ жизни и род занятий истца, привлекался ли истец ранее к уголовной ответственности), ухудшение состояния здоровья, нарушение поддерживаемых истцом близких семейных отношений с родственниками и другими членами семьи, лишение его возможности оказания необходимой им заботы и помощи, степень испытанных нравственных страданий.

Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» (далее — Постановление № 17), с учетом положений ст. 133 УПК РФ и 1070 ГК РФ, вред, причиненный гражданину в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования (например, незаконного осуждения, привлечения к уголовной ответственности, задержания, применения в качестве меры пресечения заключения под стражу и иных мер процессуального принуждения), незаконного применения принудительных мер медицинского характера, возмещается государством в полном объеме (в том числе с учетом требований ст. 15 ГК РФ) независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда за счет казны Российской Федерации.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 21 Постановления № 17, при определении размера денежной компенсации морального вреда реабилитированному судам необходимо учитывать степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, иные заслуживающие внимания обстоятельства, в том числе продолжительность судопроизводства, длительность и условия содержания под стражей, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, и другие обстоятельства, имеющие значение при определении размера компенсации морального вреда, а также требования разумности и справедливости. Мотивы принятого решения о компенсации морального вреда должны быть указаны в решении суда.

Из изложенного следует, что моральный вред — это нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага, перечень которых законом не ограничен. К числу таких нематериальных благ относится жизнь, здоровье (состояние физического, психического и социального благополучия человека), семейные и родственные связи. В случае причинения гражданину морального вреда (физических или нравственных страданий) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Компенсация морального вреда, являясь одним из способов возмещения вреда лицу, которое незаконно или необоснованно было подвергнуто уголовному преследованию, направлена на возмещение такому лицу тех нравственных и (или) физических страданий, которые оно претерпевало в результате незаконного уголовного преследования.

Основания возникновения права гражданина на реабилитацию, порядок признания этого права и возмещения гражданину вреда, связанного с уголовным преследованием, закреплены в УПК РФ, устанавливающим в том числе, что иски за причиненный реабилитированному моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства. В ГК РФ содержатся положения об ответственности за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, а также нормы, определяющие основания, способы и размеры компенсации морального вреда.

Компенсация морального вреда подлежит взысканию в пользу реабилитированного гражданина за счет казны Российской Федерации и независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Реабилитированный гражданин (истец по делу о компенсации морального вреда в связи с незаконным уголовным преследованием) должен доказать характер и степень нравственных и (или) физи-

ческих страданий, причиненных ему в результате незаконного уголовного преследования.

Ввиду того что закон устанавливает лишь общие принципы определения размера компенсации морального вреда, суду при разрешении спора необходимо в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности, учесть заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела, а также требования разумности, справедливости и соразмерности компенсации последствиям нарушения прав как основополагающие принципы, предполагающие установление судом баланса интересов сторон спорного правоотношения.

Таким образом, если суд в рамках гражданского судопроизводства признал доказанным факт причинения гражданину морального вреда в результате указанных в п. 1 ст. 1070 ГК РФ незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда и пришел к выводу о необходимости присуждения ему денежной компенсации, то в судебном акте должны быть приведены мотивы, обосновывающие ту или иную сумму компенсации морального вреда, присуждаемой заявителю, исходя из установленных при разбирательстве дела характера и степени понесенных истцом физических или нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, и иных заслуживающих внимания обстоятельств конкретного дела. При этом оценка таких обстоятельств не может быть формальной.

Исходя из цели присуждения компенсации морального вреда реабилитированному гражданину размер этой компенсации должен быть индивидуализирован, то есть определен судом применительно к личности реабилитированного гражданина, к понесенным именно им нравственным и (или) физическим страданиям в результате незаконного уголовного преследования, с учетом длительности и обстоятельств уголовного преследования, тяжести инкриминируемого ему преступления, избранной в отношении его меры пресечения или меры процессуального принуждения, причины избрания такой меры и иных обстоятельств.

Компенсация морального вреда, определяемая судом в денежной форме, должна быть соразмерной и адекватной обстоятельствам причинения морального вреда потерпевшему, должна обеспечить баланс частных и публичных интересов с тем, чтобы выплата компенсации морального вреда одним категориям граждан не нарушала бы права других категорий граждан, с учетом того, что казна Российской Федерации формируется в соответствии с законодательством за счет налогов, сборов и платежей, взимаемых с граждан и юридических лиц, которые распределяются и направляются как на возмещение вреда, причиненного государственными органами, так и на осуществление социальных и других значимых для общества программ, на оказание социальной поддержки гражданам, на реализацию прав льготных категорий граждан.

Несмотря на детальную регламентацию, процесс доказывания по делам о компенсации морального вреда по ст. 1070 ГК РФ сталкивается с серьезными проблемами. Перечислим основные:

— Доказывание характера и степени нравственных страданий. Это наиболее субъективная и трудно доказуемая категория. Как объективно подтвердить внутренние переживания (страх, унижение, отчаяние)? Свидетельские показания часто носят косвенный характер. Медицинские документы могут подтверждать физические последствия (обострение болезни), но не всегда напрямую доказывают их связь с нравственными страданиями от преследования, а не иными причинами.

— Обоснование размера компенсации и отсутствие четких критериев. Статья 1101 ГК РФ и Постановление № 33 дают лишь общие ориентиры (характер страданий, индивидуальные особенности, разумность, справедливость). Отсутствие законодательно установленных тарифов или четких методик расчета приводит:

— к крайней неоднородности судебной практики (суммы компенсаций за схожие по тяжести последствия могут различаться в разы в разных регионах и даже у разных судей одного региона);

— к трудностям для истцов в обосновании конкретной суммы иска;

— к субъективизму судебного усмотрения, что может производить впечатление несправедливости решений.

— Проблемы оценки доказательств судом. Оценка субъективных переживаний, их глубины и связи с незаконными действиями требует от судьи высокой квалификации и чувства меры. Существует риск как гипертрофированного доверия к доводам истца, так и излишнего скепсиса и недооценки реальности перенесенных страданий.

— Проблема баланса интересов реабилитированного и государства (общества). Компенсация выплачивается из бюджета, формируемого за счет налогов. Чрезмерно высокие компенсации, не имеющие объективного обоснования, ложатся тяжким бременем на общество. С другой стороны, заниженные суммы не выполняют компенсаторной и превентивной функций института.

Институт компенсации морального вреда по ст. 1070 ГК РФ, возникающий в связи с незаконными действиями государственных органов в уголовном процессе, является важнейшей гарантией защиты прав реабилитированных граждан. Он призван загладить причиненный государством урон в виде физических и нравственных страданий, восстановить пошатнувшееся чувство справедливости и доверие к правовой системе.

Анализ правового регулирования и практики доказывания по данным делам выявляет ряд системных проблем. Ключевая сложность лежит в сфере доказывания нематериальной сущности морального вреда: характера и степени нравственных страданий. Субъективность переживаний, отсутствие объективных и универсальных критериев их оценки создают существенные препятствия как для истцов

в обосновании своих требований, так и для судов в вынесении обоснованных и справедливых решений. Это напрямую связано с проблемой определения размера компенсации, где отсутствие законодательных ориентиров или утвержденных методик приводит к значительному разбросу сумм в судебной практике и обоснованной критике в адрес субъективизма судебного усмотрения. Коллизии между общими нормами гражданского права и специальными положениями уголовно-процессуального законодательства о реабилитации также требуют дальнейшего разрешения для обеспечения единообразия правоприменения.

Указанные проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования как законодательства, так и правоприменительной практики. Предлагается целесообразным:

— Разработать и закрепить на уровне Пленума Верховного Суда РФ более детальные и структурированные (хотя и не жестко тарифицированные) рекомендации (разъяснений) по оценке характера и степени нравственных страданий применительно к типичным ситуациям незаконного уголовного преследования (срок содержания под стражей, вид наказания, последствия для здоровья, семьи, карьеры, репутации). Это повысит предсказуемость решений.

— Формировать судебную практику с акцентом на глубокую и всестороннюю мотивировку присуждаемой суммы компенсации, с обязательным анализом всех обстоятельств, перечисленных в ст. 1101 ГК РФ и Постановлении № 33, и их влияния именно на данного конкретного истца. Суды должны более активно использовать все доступные доказательства: медицинские документы, характеристики, свидетельские показания об изменениях в поведении и состоянии истца, справки о потере работы, заключения психологов (при наличии).

— Повышать уровень юридической помощи реабилитированным гражданам для грамотного сбора и представления доказательств, обосновывающих как факт страданий, так и их интенсивность, и связь с незаконными действиями.

— Проводить дальнейшие научные исследования с целью выработки более объективных критериев оценки морального вреда в подобных делах и возможных моделей расчета компенсаций, учитывающих баланс интересов личности и общества.

Преодоление выявленных проблем доказывания является необходимым условием для реализации конституционного права граждан на возмещение государством вреда, обеспечения реальной, а не декларативной, защиты нарушенных прав и восстановления социальной справедливости в отношении лиц, незаконно пострадавших от государственного принуждения. Эффективный механизм компенсации морального вреда по ст. 1070 ГК РФ служит не только защите конкретного гражданина, но и укреплению доверия к правосудию и государству в целом, выполняя важную превентивную функцию по недопущению подобных нарушений в будущем.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 07.02.2026).
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения 07.02.2026).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 07.02.2026).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 09.12.2025) «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве». Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122458/ (дата обращения 07.02.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения 07.02.2026).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.10.2024 № 4-КГ24-51-К1. Текст: электронный. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=840682#ia7UYAVTQx5UkdK9> (дата обращения 07.02.2026).
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2025 № 19-КГ25-1-К5. Текст: электронный. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=853480#gsaUYAVeCTxeTw491> (дата обращения 07.02.2026).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.12.2024 № 56-КГ24-17-К9. Текст: электронный. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=844601#YzkUYAVkLitYmNXv> (дата обращения 07.02.2026).
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2025 № 56-КГ24-20-К9. Текст: электронный. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=851515#omwUYAVhmzphXw6S> (дата обращения 07.02.2026).
10. Справочник по доказыванию в административном судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. — 8-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма: ИНФРА-М, 2026. — 512 с. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2223989> (дата обращения: 24.01.2026).

Актуальные вопросы теории и практики в области мошенничества в сфере компьютерной информации

Сидоренко Артем Николаевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор анализирует актуальные вопросы теоретического и практического характера, возникающие в области мошенничества в сфере компьютерной информации. Рассматриваются вопросы разрыва статистики раскрываемости дел и вынесения приговоров по ст. 159.6 УК РФ, а также указываются возможные пути к разрешению проблемных ситуаций.

Ключевые слова: мошенничество, кибермошенничество, специальные составы преступлений, статистика преступлений, доказательная база.

Уголовный Кодекс Российской Федерации определяет мошенничество как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Однако, мошенничество как явление в достаточной степени многогранно, вследствие чего возникла необходимость дифференцировать виды посредством Федерального закона № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской

Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2012 года [3] и легально закрепить их в соответствующих диспозициях: ч. 2–7 ст. 159, ст. ст. 159.1–159.3, ст. ст. 159.5–159.6 УК РФ [2]. Главными задачами подобного расчленения принято считать возрастающую точность квалификации преступлений с учетом специфики обмана, важность учета различных мошеннических схем с соответствующей ответственностью за

такое деяние, а также грамотно организованную защиту прав потерпевших [7, с. 505], в том числе за счет расширения и повышения квалификации работников правоохранительной сферы.

Несмотря на наличие различных мнений относительно необходимости подобной дифференциации, с порой диаметрально противоположными позициями [4; 7], разграничение закрепилось, и в настоящее время образует устойчивую правовую сферу с отдельным кругом вопросов теории и практики. Особую актуальность на данный момент приобретают вопросы преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Если взглянуть на статистику 2025 года, публикуемую МВД РФ, то почти половину всех зарегистрированных преступлений (49,8 %) составляют хищения чужого имущества, а непосредственно на долю мошенничества (ст.159–159.6) в структуре преступности РФ за прошлый год приходится 23,2 %. Удельный же вес преступлений в сфере компьютерной информации составляет 38,1 % в общем числе зарегистрированных преступлений. Причем почти две трети таких преступлений (63,5 %) совершается путем кражи или мошенничества [12].

И это при том, что мошенничество в сфере компьютерной информации относительно новый вид уголовного правонарушения, связанный с незаконным получением выгоды при использовании электронных и цифровых технологий. Впрочем, большая часть этих преступлений связана с применением технологий социальной инженерии. Что прямо указывает на необходимость специального состава по ст. 159.6 УК РФ, где мошенничество совершается путем:

- ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации,
- иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [2].

То есть преступление совершается посредством электронных данных, программного обеспечения, сетей связи. Совершение такого преступления возможно только с ис-

пользованием компьютерных технологий [8]. Например, происходит взлом базы данных, создание фишингового сайта, реализуется неправомерная схема начисления бонусных баллов или выдачи промокодов в системе онлайн-магазинов и т. п. И прямого контакта с человеком, который необходим для классических схем мошенничества: обман и злоупотребление доверием, здесь просто не образуется.

Цифровые технологии, используемые в мошеннических схемах, позволяют завладевать чужим имуществом с высокой скоростью, скрытно, не позволяя быстро распознать факт совершаемого мошенничества. Это в значительной степени усложняет проведение необходимых экспертиз, а также требует опоры в как на непосредственно Уголовный Кодекс РФ, так и на разъяснения профильных органов, судебную практику. А также возникает вопрос расширенного профессионализма сотрудников правоохранительной сферы до сферы IT-технологий.

Трудности с обнаружением подобных преступлений, формирования доказательной базы косвенно можно подтвердить разницей количества дел, переданных в суд с обвинительным заключением и количеством осужденных по статье 156.6 УК РФ. Для этого можно сравнить данные из статистических сборников «Состояние преступности в России», формируемые МВД РФ за определенные годы (Таблица 1) и судебную статистику РФ, уголовное судопроизводство «Данные о назначенном наказании по статьям УК» (Таблица 2).

Рассмотрев сведения о преступлениях, совершенных по ст. 159.6 УК РФ, за 2022–2024 гг. можно сделать вывод, что в настоящее время ситуация в значительной степени улучшилась, раскрываемость преступлений по указанной статье достигла уровня в 92,1 %. В случае 2024 года уровень раскрытых дел учитывает не только те, что были зарегистрированы в отчетном периоде, но и те, что возникли в прошлых. Однако, стоит обратить внимание, что, если в 2023 году раскрыто и передано в суд одинаковое количество дел, то в 2024 году только 42,8 % раскрытых дел были переданы в суд с обвинительным заключением.

Таблица 1. Сведения о преступлениях, совершенных по ст. 159.6 УК РФ [9, 10, 11]

Год	Зарегистрировано, ед.	Раскрыто, ед.	Передано в суд с обвинительным заключением, ед.	Удельный вес переданных в суд дел от раскрытых, %	Уровень раскрываемости, %
2022	334	75	72	96,0	24,0
2023	417	305	305	100,0	75,7
2024	309	465	199	42,8	92,1

Таблица 2. Данные о назначенном наказании по ст. 159.6 УК РФ [13]

Год	Осуждено, ед.	Оправдано, ед.	Лишение свободы, ед.	Условное лишение свободы, ед.	Штраф, ед.
2022	29	0	10	15	3
2023	15	0	9	2	4
2024	17	0	4	7	2

Судебная же статистика, представленная в таблице 2, свидетельствует о том, что по статье 159.6 осуждено в соответствующие периоды гораздо меньше количество людей, которые фигурируют в делах.

Причины невынесения обвинительных приговоров могут быть различными:

- Недостаточная доказательная база и ошибки при ее формировании.
- Нарушения, допущенные в ходе составления обвинительного заключения (ст. 237 УПК РФ).
- Прекращение дела вследствие примирения сторон, истечения сроков давности, деятельного раскаяния и т. п., то есть по нереабилитирующим обстоятельствам.
- Недостижение мошенником возраста 16 лет к моменту совершения преступления (ст. 20 УК РФ).
- Смена квалификации вследствие ошибки следователя. Как указывает в своей статье С. С. Шестало [14] кражу электронных денег, неправомерный доступ к компьютерной информации часто квалифицируют как мошенничество в сфере компьютерной информации, что влечет последующую переквалификацию, на что указывают непосредственно суды. Кроме того, отмечает Я. В. Гармышев, проблемы возникают и с юридической оценкой такого признака предмета преступления как материальность, который является обязательным для всех форм хищений, в том числе для мошенничества [5, с. 78].
- Недостаточный уровень конкретики для вынесения приговора, что инициирует повторное рассмотрение дела.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Федеральный закон № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2012 года (с изм. от 03.07.2016 № 325-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс»
4. Бояршинова, К. М. Виды мошенничества. Проблемы применения: статья / К. М. Бояршинова, Р. Д. Кабиров // Форум молодых ученых — 2018 //
5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-moshennichestva-problemy-primeneniya> (дата обращения: 09.02.2026).
6. Гармышев, Я. В. Квалификация мошенничества с использованием компьютерных технологий: статья / Я. В. Гармышев // Закон и право. — 2021. — № 2. — С. 76–82.
7. Гензюк, Э. Е. Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации: статья / Э. Е. Гензюк // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2019. — № 6–2. — С. 105–109 //
8. URL: <https://vael.ru/ru/article/view?id=622> (дата обращения: 09.02.2026).
9. Лопашенко, Н. А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы: статья / Н. А. Лопашенко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Вып.3. С. 505–506.
10. Макуха, Е. А. Ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации: статья / Е. А. Макуха // Официальный сайт Симферопольского городского совета. 17.07.2023. // URL: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://simgov.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2023/07/17/pros.Otvetsvennost-zamoshennichestvo-v-sfere-kompjuternej-informacii.pdf> (дата обращения 07.02.2026)
11. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2022 года. — М.: МВД РФ. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2023. — 67 с. // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/> (дата обращения 06.02.2026)

Очень сложно правильно определить конкретный способ мошенничества, установленный УК РФ, и правильно его сформулировать в соотношении с доказательной базой [5, с. 78–79].

– Представление в суде доказательств, полученных с нарушением закона (ст. 75 УПК РФ) и др.

Таким образом, можно отметить, что цифровизация общества порождает большое количество возможностей для осуществления мошеннических действий в сфере компьютерной информации и становится затруднительно описывать совершенное преступление прежними юридическими способами. Необходимо дополнительно переосмыслить и формулировать определение объекта правовой охраны, чтобы своевременно реагировать на быстро прогрессирующую цифровую среду, которая подтверждает необходимость дифференцирования и наличия специальных составов относительно мошеннических действий.

Важнейшим пунктом выступает квалификация сотрудников правоохранительных органов, которая требует расширения знаний в области информационных технологий, постоянного их обновления, что позволит повышать уровень распознавания подобных преступлений, точнее определять способ совершения кибермошенничества, правильно назначать экспертизу с точки зрения вида и типа, не совершать ошибок в процессе сбора доказательств и формировать полноценный комплекс доказательств, достаточный для вынесения приговора.

12. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года. — М.: МВД РФ. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2024. — 64 с. // URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения 06.02.2026)
13. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. — М.: МВД РФ. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2025. — 64 с. // URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения 06.02.2026)
14. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года. — М.: МВД РФ. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2026. — 64 с. // URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения 06.02.2026)
15. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство // URL: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 06.02.2026)
16. Шестало, С. С. Особенности квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации по статье 159.6 УК РФ. / С. С. Шестало // Акцион. Право. 04.09.2025 // URL: <https://www.ugpr.ru/article/1942-moshennichestvo-v-sfere-kompyuternoy-informatsii> (дата обращения 07.02.2026)

Историко-правовая трансформация института уголовной ответственности за взяточничество в России

Теплова Владислава Андреевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье исследована историко-правовая трансформация института уголовной ответственности за взяточничество в России на основе анализа нормативных актов. Прослежена эволюция конструкции состава преступления, включая объективные и субъективные признаки, квалифицирующие обстоятельства, институт посредничества и специальные основания освобождения от ответственности. Результаты анализа демонстрируют преемственность ключевых элементов правовой оценки незаконного вознаграждения, признание преступления окончательным с момента согласия принять предмет взятки и усложнение дифференциации ответственности в зависимости от статуса субъекта и размера вознаграждения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, взяточничество, должностное лицо, посредничество, эволюция законодательства.

Механизм становления уголовной ответственности за взяточничество раскрывает изменение модели публичной службы и нормативных границ поведения должностных лиц. В структуре анализа прослеживается движение от разрозненных запретов к формализованному составу преступления, включающему объективные и субъективные признаки, квалифицирующие обстоятельства и специальные основания освобождения. Правовая эволюция отражает переход к системной конструкции ответственности. Причинная база раннего периода связана с институтом «кормлений» в Древней Руси. Финансирование представителей власти за счёт местного населения создавало устойчивый стимул к поборам. Отсутствие регулярного жалования усиливало риск злоупотреблений. Ограничение срока пребывания в должности одним годом функционировало как превентивный механизм контроля, снижая вероятность закрепления корыстных практик. Нормативное закрепление запретов усилилось в XIV–XVI вв. Псковская судная грамота 1397–1467 гг. содержала прямой запрет на принятие «посулов» судьями. Судебник 1497 г., утверждённый при Иване III, в статьях 1

и 33 устанавливал ответственность за неправый суд. Противоправность связывалась с корыстным мотивом и нарушением служебной функции. Летописные источники фиксируют применение строгих санкций, подтверждая реальность правоприменения.

Административная реформа 1555 г. при Иване IV ликвидировала систему кормлений и ввела централизованное финансирование управления. Организационная перестройка изменила модель материального обеспечения службы. Нестабильность выплат сохранила стимулы к злоупотреблениям, поэтому коррупционные практики не исчезли. Социально-экономический кризис середины XVII в. усилил нарушения в торговой и административной сфере. Побои при выдаче торговых грамот, связанные с деятельностью И. Д. Милославского, Л. С. Плещеева и П. Т. Траханиотова, вызвали массовое недовольство. Эскалация напряжённости стала фактором Московского восстания 1648 г., демонстрируя связь между фискальными злоупотреблениями и политической дестабилизацией. Соборное уложение 1649 г. систематизировало запрет на получение взяток судьями.

За неправый суд предусматривалось взыскание тройного размера ущерба и судебных издержек. Думные чины лишались чести, недумные подвергались торговой казни. Норма сочетала имущественную компенсацию с публичным наказанием, усиливая превентивное воздействие. Политика Петра I сместила акцент к жёсткой репрессии. Указ 1714 г. установил запрет на любые формы взяточничества. Санкции включали телесные наказания, конфискацию имущества, ошельмование и смертную казнь. Учреждение института фискалов ввело механизм тайного надзора за служащими. Указ 1726 г., разрешивший содержание приказных людей за счёт подношений просителей, ослабил ограничительный режим и частично легитимировал прежние практики [5].

Тенденция XVIII в. демонстрирует сохранение злоупотреблений при формальном усилении контроля. Указ Екатерины II от июля 1762 г. констатировал распространённость взяточничества и требовал ужесточения мер. Институциональная среда сохраняла стимулы к корыстным практикам, поэтому репрессивные механизмы не обеспечили устойчивого снижения нарушений.

Указ Александра I 1803 г. «Об искоренении лихоимства» предложил классификацию коррупционных форм и программу противодействия. Нормативный акт зафиксировал системный характер казнокрадства в начале XIX в. Кодификационный этап оформился в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Пятый раздел регулировал преступления по государственной и общественной службе, глава шестая «О мздоимстве и лихоимстве» содержала детализированные составы. Статья 401 относил к мздоимству принятие подарков за действия по службе без нарушения обязанностей. Статья 402 предусматривала ответственность за лихоимство как получение вознаграждения за противоправные действия. Статья 406 квалифицировала вымогательство как высшую степень лихоимства. Конструкция признавала преступление оконченным при согласии должностного лица принять обещанное вознаграждение. Статья 485 запрещала сделки между чиновниками и подрядчиками своего ведомства, устанавливая исключение со службы и штраф в размере стоимости сделки. Дореволюционный этап сочетал жёсткие санкции с устойчивостью коррупционных практик. Нормативная система усложнялась, формируя доктринальную основу дальнейшего развития уголовного законодательства [3].

Революционный перелом 1917 г. не устранил злоупотребления во властных структурах. По оценке А. И. Кирпичникова, коррупционные проявления фиксировались в органах Временного правительства и Петроградского Совета. Мемуары А. Симановича содержат указание на передачу министру юстиции А. Ф. Переверзеву 200 тыс. руб. за освобождение из-под ареста. Пример демонстрирует сохранение неформальных каналов влияния при смене политического режима.

Советская власть объявила курс на репрессивное подавление взяточничества. Декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О

взяточничестве» ввёл уголовную ответственность за получение взятки и расширил круг субъектов. Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г. закрепил дефиницию должностного лица. Постановление Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г. конкретизировало содержание категории, распространив её на лиц, злоупотребляющих властью, предоставленной революционным народом. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., введённый 1 июня 1922 г., систематизировал регулирование должностных преступлений. Статья 114 объединила получение взятки, посредничество, укрывательство и дачу взятки в единую конструкцию. Декрет ВЦИК и СНК от 9 октября 1922 г. ужесточил санкции и придал норме обратную силу. Законодатель установил равенство ответственности за дачу и получение взятки, усилив карательную направленность правоприменения [4].

Циркуляр Наркомюста № 97 1922 г., подписанный Д. И. Курским, придал расширительное толкование понятию взятки. В нормативную конструкцию включались незаконные выплаты, совместительство во взаимосвязанных учреждениях, «комиссионные» и иные формы материального вознаграждения. Подход усилил охват скрытых форм корыстного поведения и расширил пределы уголовно-правовой оценки. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г., введённый 22 ноября 1926 г., закрепил самостоятельные составы преступлений. Статья 117 устанавливала ответственность за получение незаконного вознаграждения за действия или бездействие по службе. Статья 118 регулировала дачу взятки и посредничество. Освобождение получателя не предусматривалось, для дающего и посредника допускалось освобождение при вымогательстве либо добровольном заявлении. Модель закрепила дифференциацию ролей и стимулировала раскрытие преступлений. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. в статьях 173 и 174 сохранил разграничение ответственности. В 1962 г. законодатель ввёл статью 174¹ о посредничестве, усилив структурную детализацию. В 1986 г. статья 173 получила дополнение особо квалифицирующими признаками: ответственное положение должностного лица, рецидив, особо крупный размер взятки. Конструкция продемонстрировала усложнение состава и усиление санкционной дифференциации [2].

Принятие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. закрепило современную конструкцию уголовно-правового регулирования. Глава 30 включает статьи 290 и 291, устанавливающие ответственность за получение и дачу взятки. Закон дифференцирует санкции по размеру незаконного вознаграждения и статусу субъекта. Конструкция содержит самостоятельный состав посредничества. Примечание к статье 291 предусматривает освобождение от ответственности при вымогательстве либо добровольном сообщении о преступлении, формируя стимулирующий механизм раскрытия [1].

Историческая динамика демонстрирует преемственность ключевых элементов правовой модели. Квалификация сохраняет связь вознаграждения с использова-

нием служебного положения и признаёт преступление оконченным с момента согласия принять предмет взятки. Размер незаконного вознаграждения и статус субъекта учитываются при определении степени общественной

опасности. Эволюция отражает поиск баланса между репрессивными и превентивными инструментами, подтверждая институционализацию уголовно-правовой системы противодействия взяточничеству.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.
2. Бредихин А. Л., Удадьцов А. А. Развитие уголовной ответственности за взяточничество в истории России // Юридическая наука: история и современность. — 2022. — №. 4. — С. 112–115.
3. Однодворцева Е. А. История развития российского законодательства об ответственности за должностные преступления // Криминологический журнал. — 2023. — №. 3. — С. 171–175.
4. Сафонова А. М. Исторический обзор законодательства об ответственности за взяточничество в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — №. 2–2. — С. 170–173.
5. Четина А. А., Корнилова Т. В. История развития законодательства об ответственности за взяточничество в России // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации. — 2022. — С. 174–180.

Уголовно-правовая характеристика мелкого взяточничества в Российской Федерации

Теплова Владислава Андреевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

В статье исследуется историко-правовая трансформация института уголовной ответственности за взяточничество в России с учётом эволюции нормативного регулирования и судебной практики. Проведён анализ состава мелкого взяточничества, закреплённого в статье 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, с опорой на разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 и положения Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Обоснована разграничительная функция стоимостного критерия 10 000 руб., раскрыты признаки объекта, предмета, субъекта и субъективной стороны преступления, а также условия освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: взяточничество, мелкое взяточничество, уголовная ответственность, должностное лицо.

Уголовно-правовая характеристика мелкого взяточничества основывается на анализе признаков состава, закреплённого в статье 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Норма включена в главу 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», что определяет родовую принадлежность посягательства к сфере публично-правовых отношений [1]. Толкование осуществляется с учётом разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», формирующего единый подход к квалификации [3].

Общий объект охватывает систему общественных отношений, защищаемых уголовным законом. Родовой объект связан с обеспечением законности функционирования государственной власти. Видовой объект выражает

интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Непосредственный объект образуют отношения, гарантирующие нормальное, беспристрастное и независимое осуществление должностных полномочий без незаконного материального воздействия. Структура объекта раскрывает направленность уголовно-правовой охраны и определяет пределы квалификации.

Предмет преступления характеризуется имущественной природой. Диспозиция статьи 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ закрепляет количественный критерий: стоимость передаваемого либо получаемого вознаграждения не превышает 10 000 руб. Стоимостной предел имеет императивное значение и выполняет разграничительную функцию по отношению к статьям 290 и 291 УК РФ. Превышение указанной суммы исключает квалификацию по статье 291.2. Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 предписывает

учитывать направленность умысла виновного. При намерении передать либо получить вознаграждение в значительном, крупном или особо крупном размере содеянное подлежит квалификации исходя из цели, даже при фактическом получении меньшей суммы.

В структуре предмета допускаются деньги в валюте Российской Федерации либо иностранной валюте, иное имущество, имущественные права, услуги имущественного характера. Денежная форма применяется наиболее часто. Судебная практика подтверждает возможность квалификации передачи наличных средств как мелкого взяточничества. Мировой судья судебного участка № 245 г. Москвы по делу № 1–4/2020 установил передачу 5 000 руб. сотруднику ДПС за непривлечение к административной ответственности по части 1 статьи 12.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, признав наличие состава преступления [4].

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» относит цифровую валюту к имуществу. Правовая квалификация допускает признание цифровой валюты предметом взятки при наличии денежной оценки. Стоимость подлежит определению на момент передачи. Отсутствие специальной методики оценки не препятствует уголовно-правовой квалификации, если цена устанавливается экспертным способом [2].

Объективная сторона включает альтернативные действия: получение либо дачу вознаграждения лично или через посредника. Получение означает принятие предмета за совершение действий или бездействие по службе. Под служебными действиями понимаются полномочия, входящие в компетенцию должностного лица, либо действия, осуществимые благодаря служебному положению. Конструкция состава имеет формальный характер. Преступление признаётся оконченным с момента принятия хотя бы части вознаграждения, вредные последствия значения не имеют.

Дача взятки выражается в передаче предмета должностному лицу за совершение конкретных служебных действий либо за общее покровительство. Оконченность наступает при передаче хотя бы части ценностей. Незавершённость передачи по независящим обстоятельствам образует покушение с применением части 3 статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации. Простое выражение намерения без начала передачи не формирует состава покушения.

Субъект дачи мелкой взятки имеет общий характер. Часть 1 статьи 20 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность для вменяемого лица, достигшего 16 лет. Перечень преступлений с пониженным возрастным пределом, закреплённый в части 2 статьи 20 УК РФ, коррупционные составы не содержит. Вменяемость предполагает способность осознавать фактический характер и общественную опасность поведения либо руководить действиями.

Субъект получения носит специальный характер. Примечание к статье 285 УК РФ относит к должностным лицам тех, кто постоянно, временно либо по специальному полномочию осуществляет функции представителя власти либо выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, Вооружённых Силах Российской Федерации и иных воинских формированиях. К полномочиям представителя власти относится принятие обязательных решений и применение мер принуждения. Организационно-распорядительные функции выражаются в управлении персоналом, распределении обязанностей и принятии юридически значимых решений. Административно-хозяйственные функции связаны с распоряжением имуществом и материальными ресурсами. Судебная практика относит к таким полномочиям выставление экзаменационной оценки преподавателем либо выдачу медицинской справки врачом при наличии служебных оснований.

Субъект получения мелкой взятки охватывает иностранное должностное лицо и должностное лицо публичной международной организации. Часть 2 статьи 291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации закрепляет квалифицированный состав при наличии неснятой и непогашенной судимости за преступления, предусмотренные статьями 290, 291, 291.1 либо 291.2 УК РФ. Конструкция формирует специальный рецидив. Признак учитывается независимо от процессуальной роли лица в эпизоде.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Лицо осознаёт незаконность передачи либо получения вознаграждения и желает совершения действий. При получении обязательным внутренним побуждением выступает корыстная заинтересованность. При даче мотив может выражаться в стремлении избежать ответственности, ускорить административную процедуру либо получить незаконное преимущество. Намерение фактически исполнить обещанное правового значения не имеет. Достаточно осознания получения вознаграждения за использование служебного положения [5].

Разграничение состава по статье 291.2 и преступлений, предусмотренных статьями 290 и 291 УК РФ, осуществляется по размеру предмета и направленности умысла. Превышение 10 000 руб. влечёт квалификацию по общим нормам о получении либо даче взятки. Посредничество образует самостоятельный состав по статье 291.1 УК РФ. Содействие передаче по поручению квалифицируется как пособничество со ссылкой на часть 5 статьи 33 УК РФ. Провокация взятки подпадает под статью 304 УК РФ, поскольку отсутствует цель получения служебного преимущества.

Примечание к статье 291.2 УК РФ закрепляет специальные основания освобождения лица, передавшего вознаграждение. Освобождение возможно при активном

способствовании раскрытию и расследованию, при вымогательстве либо при добровольном сообщении в орган, уполномоченный возбудить уголовное дело. Добровольность предполагает отсутствие процессуального принуждения. Активное содействие выражается в предоставлении сведений, изобличающих получателя, и помощи в фиксации доказательств [6].

Статья 291.2 УК РФ реализует количественную дифференциацию ответственности. Стоимостной предел 10 000 руб. снижает санкцию по сравнению с общими составами. Формальный характер конструкции подтверждает, что

даже минимальное имущественное вознаграждение нарушает принцип законности функционирования публичной власти. Квалификация требует установления объекта посягательства, имущественной природы предмета, специального статуса субъекта получения, прямого умысла и соблюдения стоимостного критерия. Комплексное применение норм Общей и Особенной частей УК РФ с учётом разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 обеспечивает единообразие правоприменения и разграничение со смежными коррупционными составами.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — ст. 2954.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 N 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. — № 173. — 06.08.2020.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 20.01.2026).
4. Приговор мирового судьи судебного участка № 245 г. Москва по делу № 1–4/2020 г. // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.01.2026).
5. Алафьев М. М. Дифференциация уголовной ответственности за мелкое взяточничество // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2022. — №. 3 (97). — С. 48–55.
6. Алафьев М. М. Квалифицирующий признак мелкого взяточничества (ч. 2 ст. 291.2 УК РФ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2023. — №. 2 (98). — С. 116–123.

Проблемы применения правил внутреннего распорядка в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы и направления их совершенствования

Харисов Роман Рашитович, заместитель начальника
ФКУ ИК-33 УФСИН России по Республике Хакасия (г. Абакан)

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее — ПВР ИУ) выступают ключевым нормативным правовым актом, определяющим порядок организации режима в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Данные правила не только устанавливают общие требования режима, но и детально регламентируют отдельные его элементы. Кроме того, нормы ПВР ИУ обеспечивают реализацию предусмотренных УИК РФ [1] средств исправления осужденных, а также гарантируют осуществление их прав и свобод и исполнение возложенных обязанностей в полном объеме.

Функционирование исправительных учреждений УИС осуществляется в соответствии с ПВР ИУ, утвержденными приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 04 июля 2022 года № 110 [2]. Указанные правила являются обязательными для исполнения сотрудниками учре-

ждений, осужденными, а также иными лицами, находящимися на территории ИУ или осуществляющими в них трудовую деятельность. Следует подчеркнуть, что эффективная реализация норм ПВР ИУ имеет принципиальное значение для поддержания установленного порядка отбывания наказания и достижения целей наказания, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Ковалев О. Г. И Александров А. Ю. отмечают, что ПВР ИУ представляют собой важный инструмент выполнения задач, возложенных на уголовно-исполнительную систему, в том числе обеспечения личной безопасности сотрудников, осужденных и иных лиц, а также соблюдения законности в деятельности исправительных учреждений [3]. Данная позиция представляется обоснованной, поскольку значительное количество положений ПВР ИУ направлено именно на предупреждение угроз безопасности и поддержание правопорядка, что подтверждается, на-

пример, регламентацией порядка проведения обысков и досмотров.

Особого внимания заслуживают вопросы реализации прав осужденных, исполнения ими установленных обязанностей и запретов. Указанные элементы находятся в тесной взаимосвязи: соблюдение осужденными возложенных обязанностей и ограничений способствует поддержанию надлежащего режима в учреждении, что, в свою очередь, положительно влияет на уровень безопасности. Вместе с тем администрация исправительного учреждения обязана обеспечивать реализацию прав осужденных, что также оказывает непосредственное влияние на стабильность оперативно-режимной обстановки.

Кулакова Н. Г. в своей работе отмечает, что правила, принятые в 2022 году, в большей степени ориентированы на учет личностных аспектов осужденных, нежели исключительно на организационные вопросы. В отличие от ПВР ИУ 2016 года, где основное внимание уделялось вопросам приема, размещения осужденных, распорядка дня и привлечения к труду, действующая редакция содержит расширенные и обновленные положения, направленные на защиту прав и законных интересов осужденных [4].

С данным выводом следует согласиться, поскольку современные ПВР ИУ, с учетом внесенных изменений и дополнений, отражают тенденцию гуманизации исполнения наказания. Это проявляется в расширении перечня прав осужденных, увеличении возможностей получения платных дополнительных услуг, расширении объема медицинской помощи, а также в более детальной регламентации материально-бытового обеспечения различных категорий осужденных. Отдельного внимания заслуживают изменения, касающиеся порядка проведения обысков в исправительных учреждениях, которые ранее вызывали значительное количество жалоб со стороны осужденных.

Таким образом, действующие ПВР ИУ существенно переработали порядок реализации прав осужденных. При наличии соответствующих материальных и организационных ресурсов в учреждениях уголовно-исполнительной системы данные права, как правило, обеспечиваются в полном объеме, однако отдельные из них могут реализовываться с временной задержкой, например, право на телефонные переговоры. Несмотря на комплексный характер нормативного регулирования, в практической деятельности исправительных учреждений нередко возникают случаи несоблюдения либо нарушения требований ПВР ИУ, что негативно отражается на общей обстановке в учреждениях. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть основные причины подобных нарушений и возможные пути их устранения.

Ковалев О. Г. и Александров А. Ю. утверждают, что одной из ключевых проблем является неукомплектованность кадрового состава, прежде всего среди сотрудников младшего начальствующего состава подразделений режима и надзора [3]. Дефицит персонала приводит к формальному или неполному исполнению требований ПВР ИУ. В наибольшей степени это отражается на проведении обысковых

и досмотровых мероприятий в отношении осужденных, сотрудников и иных лиц, посещающих учреждения. Недостаточный контроль в данной сфере способствует проникновению на территорию ИУ запрещенных предметов, что создает предпосылки для совершения осужденными противоправных деяний. Кроме того, кадровый дефицит осложняет реализацию иных режимных мероприятий, включая прием осужденных и их вывод на работы.

Проблема некомплекта кадров обусловлена рядом факторов, среди которых можно выделить ненормированный характер службы, повышенную опасность условий труда и несоразмерный уровень денежного содержания. По данным официальной статистики, в уголовно-исполнительной системе наблюдается значительная нехватка сотрудников, при этом в отдельных территориальных органах уровень неукомплектованности превышает 40 процентов [5].

В этой связи представляется необходимым принятие мер, направленных на повышение уровня денежного довольствия сотрудников УИС, увеличение компенсаций за ненормированный рабочий график, а также более рациональное распределение служебной нагрузки. Реализация указанных мер позволит снизить количество нарушений требований ПВР ИУ, уменьшить число должностных правонарушений и повысить привлекательность службы в уголовно-исполнительной системе.

Не менее важной причиной нарушения норм ПВР ИУ является высокий уровень криминальной зараженности отдельных категорий осужденных, выражающийся в их сознательном игнорировании требований законодательства и законных распоряжений сотрудников учреждений. Как правило, подобное поведение характерно для осужденных отрицательной направленности, ранее неоднократно отбывавших наказание в виде лишения свободы.

Несмотря на применение предусмотренных законом дисциплинарных мер, такие осужденные продолжают совершать противоправные действия и вовлекать в них других лиц, что негативно сказывается на оперативно-режимной обстановке и может приводить к тяжким последствиям, включая массовые беспорядки, дезорганизацию деятельности учреждений, посягательства на жизнь сотрудников и групповые побег.

Поведение осужденных отрицательной направленности свидетельствует о низкой эффективности применяемых к ним средств исправления и их уверенности в безнаказанности. В подобных ситуациях целесообразно усиление контроля за данной категорией осужденных со стороны всех подразделений учреждения, проведение систематической индивидуально-профилактической работы, принятие мер по разобщению криминальных группировок, а при необходимости — изменение условий отбывания наказания либо перевод в иное исправительное учреждение. Дополнительно возможно расширение перечня правоограничений при постановке на профилактический учет, включая ограничение видов свиданий, предоставление исключительно телефонных переговоров и запрет на передвижение без конвоя или сопровождения.

Литература:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198.
2. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс]: приказ Министерства Юстиции РФ от 04.07.2022 № 110 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 07.02.2026 г.)
3. Александров А. Ю., Ковалев О. Г. Современные факторы, влияющие на организацию режима в исправительных учреждениях (на примере правил внутреннего распорядка ИУ и ИЦ) // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 96–5. — С. 126–128.
4. Кулакова Н. Г., Литаврина М. Г. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений 2016–2022 гг.: в связи с чем внесены изменения и принят новый правовой акт? // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж, 20 октября 2022 года. — Воронеж: Воронежский институт ФСИН России, 2022. — С. 307–309.
5. ТАСС «Некомплект личного состава во ФСИН» [Электронный ресурс] // URL: <https://tass.ru/obschestvo/23374803> (дата обращения: 07.02.2026).

Актуальные проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления

Чиванов Сергей Викторович, студент магистратуры

Кировский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются современные проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления в России. Исследуются проблемы правовой регламентации кадрового обеспечения муниципальной службы, сложности в определении его существующих дефиниций, применяемых методиках анализа и оценки показателей, недостатки предложенных в научной литературе направлений решения существующих на практике муниципалитетов проблем кадрового обеспечения с учетом специфики их территорий.

Ключевые слова: кадровая политика, кадровое обеспечение, муниципальная служба, правовое регулирование кадрового обеспечения муниципалитетов, методы, способы и инструменты оценки эффективности кадрового обеспечения, проблемы кадрового обеспечения муниципалитетов.

Actual problems of staffing of local self-government bodies

Chivanov Sergey Viktorovich, master's student

Kirov branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article deals with the modern problems of personnel support of local self-government bodies in Russia. The problems of legal regulation of personnel support of municipal service, difficulties in defining its existing definitions, applied methods of analysis and evaluation of indicators, shortcomings of the directions of solving the problems of personnel support of municipalities in practice, taking into account the specifics of their territories are studied.

Keywords: personnel policy, personnel support, municipal service, legal regulation of personnel support of municipalities, methods, ways and tools for assessing the effectiveness of personnel support, problems of personnel support of municipalities.

С момента официального выделения муниципальной власти в качестве самостоятельной ветви публичного выражения воли народа и предоставления ей широких полномочий для решения вопросов местного значения прошло уже более 30 лет. Тем не менее, выделение народо-властия в качестве отдельного самостоятельного института в соответствии со статьей 12 Конституции России [1] за прошедшие три десятилетия не привело к решению про-

блем повышения эффективности социального управления и не обеспечило достижение его основной цели — обеспечения высокого качества и уровня жизни населения.

Отвечая на вопрос о причинах, по которым муниципальная власть за три десятилетия своего законного существования и накопления управленческого опыта не трансформировалась из публично-правового феномена в эффективный народный менеджмент, можно утвер-

ждать, что существует ряд объективных факторов, среди которых ключевым является кадровое обеспечение органов местной власти.

На первый взгляд, разграничение муниципальной власти от государственной, передача в управление местного бюджета и наделение правотворческими функциями должны были расширить возможности муниципалитетов в обеспечении социально-экономического развития территорий, однако эффективная реализация конституционных принципов самоорганизации, самообеспечения и самоконтроля местной власти невозможна без наличия эффективного управленческого ресурса, который представлен высококвалифицированными кадрами.

Не акцентируя внимание на общепризнанной значимости кадров, которая проявляется в прямой зависимости результатов функционирования социальной организации от эффективности профессиональной деятельности ее сотрудников, следует отметить, что это в равной мере относится и к органам муниципальной власти. Иными словами, результативность деятельности муниципалитетов, а следовательно, развитие территорий и повышение благосостояния населения в значительной степени определяется работой муниципальных служащих.

Основы регламентации работы муниципальных кадров установлены федеральным законом «О муниципальной службе в Российской Федерации» [4], который определяет основные права и обязанности муниципальных служащих, устанавливает ограничения и запреты, связанные с муниципальной службой, определяет требования к служебному поведению. Законом также регламентируется порядок поступления на службу, ее прохождения и прекращения, особенности трудового режима, перечень основных социальных гарантий, принципы оплаты труда, механизмы поощрения и дисциплинарной ответственности. Нашло свое отражение в законе и содержание работы с муниципальными кадрами — от разработки нормативных документов, ведения кадрового делопроизводства, работы с кадровым составом и резервом, до аттестации, профессионального обучения и развития, организации аттестации и консультационной деятельности кадровых служб.

С точки зрения правовой регламентации может показаться, что закрепление базисов кадрового обеспечения органов местной власти в законе решает большинство проблем, связанных с привлечением специалистов высокой квалификации на муниципальную службу и организацией их профессиональной деятельности, что, в свою очередь, должно повысить эффективность функционирования органов местной власти, однако практика работы муниципалитетов свидетельствуют о совершенно ином состоянии кадровой системы.

Анализ научных работ современных исследователей, посвященных теоретическим и практическим аспектам кадрового обеспечения органов местного самоуправления, позволил выявить комплекс существующих как теоретических, так и практических трудностей.

История становления института муниципальной службы, отраженная в научных исследованиях, демонстрирует, что формирование системы управления муниципальными кадрами рассматривается как полноценный комплекс специальных работ лишь с конца XX века, тем не менее, первые зачатки осознания необходимости обеспечения местных территорий высококвалифицированными специалистами восходят к древности. В настоящее время не раскрываются элементы существующей в определенный исторический период кадровой политики государства в отношении прообразов муниципальных служащих, их обучения, развития, проверки знаний, квалификационных и иных требований, слабоизученным является и процессы назначения и снятия с должностей, которые и заложили не только основы формирования института муниципальной службы, но и пронесли через время проблемы ее функционирования.

В настоящее время регулирование правового обеспечения кадровой политики органов местного управления основывается на основных положениях федеральных законов «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3], «О муниципальной службе в Российской Федерации» [4], «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [5] и «О противодействии коррупции» [2], но указанные законы не являются исчерпывающими.

Отраслевые нормы трудового, гражданского, административного и уголовного законодательства, которые также формируют поле регулирования кадрового обеспечения органов местного самоуправления, практически не подлежат исследованию. Законодательное регулирование не рассматривается как целостная система; правовые документы изучаются поверхностно, фрагментарно или в отдельных группах, что препятствует их восприятию как единого целого и создает дефекты в правоприменении.

Анализ современных научных работ, посвященных определению сущности и содержания кадрового обеспечения органов местного самоуправления, не позволил сформировать концептуального представления о данном понятии из-за значительной дифференциации представленных определений. Часто авторы отождествляют понятия кадрового обеспечения и кадровой политики органов местного самоуправления, однако эти термины не являются равнозначными, учитывая многоаспектность и широту последнего.

В ходе исследования вопросов анализа эффективности кадрового обеспечения в контексте результативности деятельности органов муниципальной власти мы пришли к выводу, что в настоящее время исследователи не выделяют единой методики оценки, позволяющей всесторонне проанализировать влияние кадровой обеспеченности муниципалитетов на эффективность работы органов власти. Оценка, проводимая по существующим методикам, либо ставит под сомнение объективность полученных результатов из-за ограниченности круга показателей, либо осложнена трудностями получения информации для ана-

лиза, либо затруднена из-за сложности выполнения необходимых расчетов.

Исследование современных работ, в которых анализируется современное состояние кадрового обеспечения органов местного самоуправления в России, с одной стороны, указало на разрозненность применяемых способов оценки, отсутствие единого набора параметров, отражающих реальное состояние обеспеченности кадрами муниципальной службы, сложность численной идентификации отдельных критериальных признаков профессионализма и компетентности служащих, с другой на невозможность реального определения потребностей в кадрах и их уровне квалификации без привязки к конкретным значениям эффективности их деятельности и результативности работы органа местной власти.

В современных исследованиях выделяется широкий круг проблем кадрового обеспечения органов местного самоуправления, связанных с основными базисами системы кадрового обеспечения муниципальной службы. Наиболее часто упоминаются такие проблемы, как несовершенство законодательного регулирования муниципальной кадровой политики, низкая результативность в определении реальных потребностей в кадрах, неэффективность систем подготовки, обучения, переподготовки и повышения квалификации, формальность и недостаточная регламентация процедур аттестации, неэффективная работа с кадровым резервом и отсутствие перспектив карьерного роста. Отмечаются также проблемы низкой мотивационной составляющей системы вознаграждений и премирования, проблемы старения кадрового состава, имиджа, престижа и статуса муниципальной службы.

С выводами исследователей о существующей проблематике кадрового обеспечения органов местного самоуправления нельзя не согласиться, все названные проблемы достаточно остро ощущаются на практике работы. Однако в научном кругу малую изученность получили частные проблемы кадрового обеспечения конкретных российских территорий — с особыми климатическими и геологическими условиями расположения, муниципальных образований с существенным оттоком населения, моноспециализаций, вновь присоединившихся и других. Кадровое обеспечение муницип-

пальной службы в таких образованиях осложнено в том числе проблемами дефицита и миграционного оттока кадров, низкой конкуренцией на рынке труда, труднодоступностью определенных технологий обучения, сомнительными возможностями карьерного роста и воздействием иных факторов, которые считаем необходимым учитывать и изучать.

Исследование современных направлений совершенствования и развития кадрового обеспечения органов местного самоуправления выявило, что в настоящее время существует множество потенциальных путей решения проблем, связанных с кадровой обеспеченностью муниципальной службы. Среди предложенных направлений можно выделить внедрение новейших технологий обучения муниципальных служащих, сотрудничество с образовательными учреждениями в области подготовки и переподготовки кадров, развитие системы ротации через повышение эффективности работы с кадровым резервом, совершенствование законодательных норм в сфере управления кадрами, улучшение систем оплаты труда и премиальных выплат, «омоложение» кадрового состава за счет привлечения молодых специалистов, а также повышение клиентоориентированности муниципальной службы, ее популяризация и укрепление престижа.

Безусловно, что предложенные в научном сообществе направления могут продемонстрировать высокую эффективность при их практической реализации. Однако попытки найти опытные результаты внедрения названных мероприятий и проектов оказались безуспешными в виду недоступности информации. Также вызывает сомнение возможность оценки эффективности их внедрения, что требует разработки конкретных показателей, учитывающих риски, прирост высококвалифицированных специалистов и конечную результативность деятельности муниципального органа власти в контексте улучшения социально-экономического состояния и качества жизни населения через повышение кадровой обеспеченности.

Требуется более глубокое изучение и поиск решений для специфических проблем регионов, не характерных для большинства муниципальных территорий, а также разработка проектов с указанием расходов, источников финансирования и ожидаемых выгод от их реализации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/12164203/> (Дата обращения: 10.05.2025).
2. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ; в ред. от 19.12.2023 № 605-ФЗ [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/12164203/> (Дата обращения: 10.05.2025).
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ; в ред. от 14.02.2024 № 10-ФЗ; с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024 [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/12136354/> (Дата обращения: 10.05.2025).
4. О муниципальной службе в Российской Федерации: федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ; в ред. от 12.12.2023 № 594-ФЗ [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/12152272/> (Дата обращения: 10.05.2025).

5. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ; ред. от 14.02.2024 № 17-ФЗ [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (Дата обращения: 10.05.2025).
6. Ахметчина, Е. С. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления в Российской Федерации / Е. С. Ахметчина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 39 (225). – С. 107–110.
7. Вергузь, О. С. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления и пути их решения / О. С. Вергузь. – Текст: непосредственный // Актуальные исследования. – 2021. – № 16 (43). – С. 82–84.
8. Ильичев, Д. А. Правовые особенности формирования кадровой политики в органах местного самоуправления / Д. А. Ильичев. — Текст: непосредственный // Актуальные исследования. — 2024. — № 8 (190). — С. 10–12.
9. Крутикова, В. В. Актуальные проблемы кадрового обеспечения в сфере муниципального управления / В. В. Крутикова, А. Д. Авинникова // Наука и образование. — 2022. — № 3. — Т.5 [Электронный ресурс]: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/5068> (Дата обращения: 11.05.2025).
10. Ряжская, Т. В. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления / Т. В. Ряжская, М. В. Жукова, А. Н. Карлов. – Текст: непосредственный // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 108–119.
11. Смагина, А. М. Проблемы кадровой политики в органах местного самоуправления / А. М. Смагина, Е. А. Мягкова // Наука и образование. – № 3. — Т.5 [Электронный ресурс]: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/5084> (дата обращения: 12.05.2025).
12. Спиридонов, К. В. Проблемы и пути совершенствования системы управления кадрами на муниципальной службе / К. В. Спиридонов. – Текст: непосредственный // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 24. – С. 67–75.
13. Фетисов, А. В. Актуальные проблемы кадрового обеспечения современной системы муниципального управления и пути их решения с учетом зарубежного опыта мотивации муниципальных служащих / А. В. Фетисов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 3 (398). – С. 210–213.
14. Шабалина, Т. А. Проблемы кадрового обеспечения муниципального образования / Т. А. Шабалина. — Текст: непосредственный // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2021. — № 1–2(71). — С. 215–218.
15. Щурилов, А. В. Проблемы формирования эффективного кадрового потенциала (на примере Администрации муниципального образования город Ковров Владимирской области) / А. В. Щурилов. — Текст: непосредственный // Вестник Академии права и управления. — 2021. — № 4. — С. 170–174.

Проблема процессуального статуса прокурора в гражданском судопроизводстве по Судебным уставам 1864 года

Шебырева Татьяна Васильевна, студент магистратуры
Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов

В статье автор исследует процессуальный статус прокурора по Судебным уставам 1864 года, который представлял собой компромиссный, переходный институт. Он отражал попытку законодателя совместить либеральные основы судебной реформы с традиционной для Российской империи идеей сильного государственного контроля. Основная проблема заключалась в органичном вписывании фигуры «законного представителя публичного интереса» в строгую составительскую процессуальную форму, что порождало противоречия в полномочиях, неопределенность основания для участия и дискуссии о целесообразности такого участия в целом.

Ключевые слова: прокурор, заключение по гражданскому делу, судебная реформа 1864 г.

Судебная реформа 1864 года, отраженная в Уставе гражданского судопроизводства и Учреждении судебных установлений, кардинально трансформировала российский гражданский процесс. Внедрение принципов состязательности, формального равенства сторон, устности и гласности предполагало и кардинальный пересмотр роли государства в разрешении частноправовых споров.

В этой связи особо актуализируется определение места прокуратуры в гражданском процессе. Как отме-

чает О. И. Золотова, на сегодняшний день институт участия прокурора в гражданском судопроизводстве с точки зрения историко-юридического изучения недостаточно исследован [7, с. 99]. Указанное может быть обусловлено значительным сокращением роли прокурора и, следовательно, государства в гражданском процессе, а также его низкой эффективности в рамках данного вида судопроизводства. Большинство научных исследований, посвященных данной теме, сосредоточено на узких аспектах

исторического развития участия органов прокуратуры в гражданском процессе, однако целостная научная доктрина по указанному вопросу до сих пор не сформирована.

Вместе с тем, исторически сложившаяся как «око государево», осуществляющее общий надзор, прокуратура должна была обрести новую процессуальную функцию, что в свою очередь породило фундаментальную проблему, суть которой заключалась в несовместимости традиционной охранительной миссии прокурора с принципом диспозитивности.

Процессуальный статус прокурора определялся совокупностью его прав и обязанностей, закрепленных в Уставе гражданского судопроизводства.

Наиболее известное и часто упоминаемое, в рамках правовой доктрины (например, в научных работах Е. А. Горячевой [4, с. 78], Т. Б. Гуляевой [5, с. 71], А. А. Захарян [6, с. 270]), полномочия прокурора закреплено в статьях 343–347 Устава гражданского судопроизводства, в соответствии с которыми на прокурора возлагалась обязанность по даче заключения в отношении строго очерченного круга дел. Данная процедура была детализирована: ограничивались сроки направления дела прокурору для формирования им заключения (статья 344), закреплялся устный характер изложения (статья 345), регламентировалась необходимость занесения в протокол (статья 346) [1]. Основной проблемой, растянувшейся на долгие годы после судебной реформы, стала неопределенная юридическая сила заключения прокурора, что в свою очередь создавало пространство для судебного усмотрения. Отсутствие четкой законодательной позиции в Уставе гражданского судопроизводства относительно роли и правового значения заключения прокурора по гражданским делам фактически обесценивало данную функцию и превращало ее в документальную формальность.

Рассматривая содержательную природу заключения прокурора, следует признать, что оно не принадлежит к категории доказательственных материалов в традиционном понимании. Анализ положений Устава гражданского судопроизводства в сочетании с доктринальными исследованиями по данному вопросу позволяет установить, что данный акт правового характера представлял собой авторитетную юридическую характеристику, формулируемую прокурором как носителем публичной власти. Фактически прокурорское заключение в рамках гражданского процесса выполняло функцию интерпретации происходящего события. Так, например, исследование социального статуса участников гражданского процесса (например, по категориям дел, связанных с защитой социально незащищенных слоев населения, по которым участие прокурора являлось обязательным) приобретало характер оценочного суждения, косвенно содержащих правовые нормы. Подобные оценки, будучи озвучены от имени государства, могли быть восприняты не просто как мнение, а как ориентир для квалификации, влияющий на вынесение судебного решения.

В контексте вынесения прокурорского значения значительную роль играл и административный авторитет органа прокуратуры как института. Сам факт оглашения заключения вносил в процесс значительное влияние органа публичной власти, что могло воздействовать на формирование внутреннего судебного убеждения. Игнорируя принцип равенства сторон в рамках гражданского процесса, заключение прокурора нередко строилось на категоричных формулировках [8, с. 59]. Практическая реализация закрепленной в Уставе гражданского судопроизводства норме о даче прокурорского заключения столкнулась с проблемой авторитетного толкования.

Устав гражданского судопроизводства не содержал норм, касающихся технического оформления заключения, в связи с чем его форма в части объема и структуры значительно различалась и иногда была сопоставима с мотивировочной частью судебного решения.

Еще одной проблемой являлось отсутствие четкой процессуальной привязки к стадии гражданского процесса для оглашения заключения. Неурегулированность данного вопроса со стороны законодателя в свою очередь порождала произвольные трактовки, что могло существенное нарушать общую логику процесса. Например, в случае, если заключение прокурора излагалось по завершении прений сторон, фактически последнее слово предоставлялось прокурору, лишая стороны возможности аргументированно отразить собственную позицию по его доводам.

Публично-правовой обязанностью, налагаемой на прокурора в рамках Устава уголовного судопроизводства, являлось преобразование гражданско-правового спора в уголовное преследование. В соответствии со статьей 110 Устава гражданского судопроизводства в случае, если при судебном производстве у мирового судьи возникают основания о подлоге документа, он обязан приостановить гражданское дело и направить указанный документ прокурору местного окружного суда. Обозначенное полномочие прокурора направлено на охрану чистоты предъявляемых в суде доказательств и неотвратимости уголовной ответственности за преступления против правосудия. Аналогичный, хотя и более обобщенный характер, имеет также норма статьи 8 Устава гражданского судопроизводства.

Анализ положений Устава гражданского судопроизводства демонстрирует, что прокурор не участвует в формировании предмета спора, представлении доказательств по существу дела либо не выступает посредником при заключении мировой сделки. Напротив, перечень его полномочий носит достаточно разрозненный характер и локализован в определенных точках, отличаясь фрагментарностью правового регулирования. Функциональный характер полномочий органов прокуратуры в гражданском процессе, как правило, направлен на защиту публичных интересов: разрешение кризиса доказательственной базы (статья 110), защита фискальных интересов и дел особой социальной важности, разрешение системных коллизий (статья 242), оценка действий судебной системы (статьи 1331–1336).

По указанным вопросам полномочия прокурора носят императивный характер, однако фактически его статус лишен диспозитивности, что делает его власть в контексте гражданского процесса усеченной, ситуационной.

Исследование неоднозначного положения прокурора в гражданском процессе по Судебным уставам 1864 года нашло свое отражение в отечественной доктрине. С учетом того, что фигура прокурора в гражданском процессе не содержала материального интереса, ряд ученых приходили к выводу о несостоятельности роли прокурора в гражданском судопроизводстве. Например, исследователь Е. В. Васьковский квалифицирует его положение в гражданском процессе как «процессуальную фикцию» [2]. Представляется, что в основе воззрений ученого лежит один из принципов римского права «*Nemo iudex sine actore*» («нет судьи без истца»), предполагающий, что движущей силой любого процесса, включая и гражданский, является конфликт субъективных прав. Пассивность прокурора в гражданском процессе после судебной реформы критикуется и А. Х. Гольмстенем [3, с. 165].

Включение органов прокуратуры в осуществление гражданского судопроизводства по Уставу гражданского судопроизводства 1864 года демонстрирует двойственность его правовой природы, которая одновременно следует и из противоречивых задач пореформенного правопорядка.

С одной стороны, необходимость присутствия прокурора в рамках гражданского процесса является логичным следствием масштабной судебной трансформации, происходящей в Российской империи. Прокурор являлся важной фигурой всей системы государственного управления, исключение которой не представлялось возможным. В рамках гражданского судопроизвод-

ства были сохранены надзорные функции прокуратуры, направленные на постоянный мониторинг соблюдения нормативных предписаний и исполнения закона; факт его «присутствия» в гражданском процессе одновременно выполнял превентивную функцию, направленную на сдерживание нарушений, которые потенциально могли бы возникнуть (например, со стороны судебных органов).

Кроме того, содержательное понимание института прокуратуры в период после проведения судебной реформы 1864 года невозможно без учета политического контекста: в Российской империи сохранялось самодержавие. Несмотря на то, что проведенные Александром II Великие реформы имели либеральные признаки, их конечной целью не являлось и не могло являться лишение верховной власти рычагов влияния на правоприменительную деятельность. Провозглашение принципов судопроизводства в качестве правовых ориентиров российской юридической системы создавало риск формирования правового поля, свободного от прямого административного влияния со стороны государства, в связи с чем, роль прокуратуры значительно возрастала.

В то же время юридическая природа гражданского процесса, основанная на принципе диспозитивности и автономии воли сторон, вступала в содержательное противоречие с наличием органа публичной власти. Вмешательство прокурора в гражданский процесс создавало системный дисбаланс в состязательной модели, что в свою очередь ограничивало свободу распоряжения материальными и процессуальными правами сторон.

Таким образом, проведение судебной реформы 1864 года создало уникальную фигуру прокурора в гражданском процессе, сочетающую в себе охранительные функции и элементы стороны процесса.

Литература:

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1 — / изданные Государственной канцелярией. — 2-е издание, дополненное. — С.-Петербург: в типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. — 25 см. Режим доступа: <https://www.prilib.ru/item/372592>
2. Васьковский, Е. В. Учебник гражданского права / Е. В. Васьковский. — М.: Статут, 2025. — 382 с.
3. Гольмстен, А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / А. Х. Гольмстен. — Санкт-Петербург, 1913. — 411 с.
4. Горячева, Е. А. Роль судебной реформы 1864 года в становлении заключения прокурора в гражданских делах / Е. А. Горячева // Юридическая наука: история и современность. — 2018. — № 3. — С. 78–80.
5. Гуляева, Т. Б. Прокуратура в гражданском процессе в период действия Судебного Устава 1864 г. и до введения в действие Положения о судоустройстве РСФСР 1926 г. / Т. Б. Гуляева // Евразийский юридический журнал. — 2021. — № 9 (160). — С. 70–71.
6. Захарян, А. А. Судебная реформа 1864 года и функции прокуратуры / А. А. Захарян // Евразийский юридический журнал. — 2019. — № 6 (133). — С. 270–272.
7. Золотова, О. И. Эволюция института участия прокурора в гражданском процессе в России / О. И. Золотов // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы. — Нижний Новгород: Нижегородский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». — 2022. — С. 99–108.
8. Симонян, Р. З. К вопросу о решении проблемы повышения качества прокурорского надзора Российской империи в гражданском Суде во второй половине XIX — начале XX в. / Р. З. Симонян // Клио. — 2012. — № 1(61). — С. 59–60.

Судебная практика как фактор развития правового регулирования благоустройства территории муниципального образования

Ющенко Елена Владимировна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор исследует роль судебной практики в развитии правового регулирования благоустройства территории муниципального образования. На основе анализа определений Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции выявлены ключевые правовые позиции, влияющие на правоприменение и формирование единообразного понимания правовых норм.

Ключевые слова: судебная практика, благоустройство территории, муниципальное образование, Верховный Суд РФ, правила благоустройства, органы местного самоуправления.

Правовое регулирование благоустройства территорий муниципальных образований характеризуется многоуровневостью и наличием значительного количества коллизий между федеральными, региональными и местными нормативными актами. Как и в любой другой области права, правовые нормы, регулирующие благоустройство, не всегда однозначны и полны, и в таких случаях важную роль в развитии и уточнении правового регулирования играет судебная практика. Судебная практика, хотя и не является формальным источником права в российской правовой системе, оказывает существенное влияние на правоприменение и формирование единообразного понимания правовых норм.

Цель настоящей статьи: на основе анализа актуальной судебной практики выявить основные правовые позиции судов по вопросам благоустройства и определить их влияние на совершенствование муниципального нормотворчества.

В первую очередь судебная практика позволяет выявить пробелы в законодательстве и разрешить коллизии между нормативными актами. Зачастую в сфере благоустройства возникают коллизии между различными нормативными актами, например, между федеральным и муниципальным законодательством. Суды, рассматривая подобные дела, определяют приоритет применения той или иной нормы, что позволяет избежать противоречий и обеспечить законность и обоснованность принимаемых решений. В процессе рассмотрения дел суды могут выявлять пробелы и недостатки в действующем законодательстве, регулирующем благоустройство территорий. Эти выводы могут быть использованы органами местного самоуправления для внесения изменений и дополнений в нормативные правовые акты, направленных на устранение выявленных пробелов и повышение эффективности правового регулирования.

Так, в Определении Верховного Суда РФ от 25 сентября 2019 г. № 2-АПА19-8 было указано, что требования к уборке контейнерных площадок для накопления твердых коммунальных отходов относятся к требованиям по благоустройству территории и являются нормами, регулирующими порядок благоустройства, а не нормами, регламентирующими порядок обращения с твердыми ком-

мунальными отходами [1]. При этом, как было отмечено в Определении Верховного Суда РФ от 27 ноября 2019 г. № 56-АПА19-23, правила благоустройства не могут определять перечень способов осуществления сбора либо накопления твердых коммунальных отходов (если при этом не воспроизводятся дословно положения нормативных правовых актов, имеющих большую юридическую силу), поскольку правовое регулирование данных вопросов осуществляется Правительством РФ на основании Федерального закона «Об отходах производства и потребления» [2]. Разрешение вопроса о применении норм федерального и муниципального законодательства наблюдается и в Определении Верховного Суда РФ от 25 сентября 2019 г. № 69-АПА19-5 где было указано, что федеральные нормативные правовые акты, устанавливающие правила и нормы технического регулирования, регламентируют не отношения в сфере благоустройства, а вопросы, касающиеся эксплуатации, капитального ремонта и реконструкции объектов жилищно-коммунального хозяйства, обеспечения сохранности и содержания жилищного фонда, обеспечения санитарного состояния территорий населенных мест, жилых и гражданских зданий. Следовательно, указанные федеральные нормативные правовые акты и правила благоустройства регулируют разные отношения [3].

Такая практика Верховного Суда РФ, направленная на защиту самостоятельности органов местного самоуправления в определении требований к благоустройству и часто приводящая к пересмотру решений нижестоящих судов, признававших муниципальные правила благоустройства недействительными, вызвана необходимостью четкого разграничения предметов регулирования муниципальных и федеральных нормативных актов. Эта практика исходит из принципа самостоятельности муниципалитетов в решении вопросов местного значения, в частности в сфере благоустройства. Ключевая позиция Верховного Суда заключается в том, что муниципальные акты в сфере благоустройства не могут быть признаны противоречащими федеральным документам, если они регулируют различные отношения. Это обеспечивает баланс между едиными федеральными стандартами и возможностью учитывать местные

особенности при формировании комфортной городской среды.

Также суды, рассматривая конкретные споры, связанные с благоустройством, дают толкование существующим правовым нормам, разъясняя их смысл и содержание. Это позволяет устранить неясности и пробелы в законодательстве, обеспечивая более четкое и единообразное применение норм на практике. Например, суд может определить, какие именно действия входят в то или иное понятие, какие цели оно предполагает, что позволит более эффективно применять соответствующие нормативные акты. К примеру, в апелляционном определении Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 12.01.2022 по делу № 66а-68/2022 было отмечено, что благоустройство территорий осуществляется в рамках градостроительной деятельности и его целями являются обеспечение и повышение комфортности условий проживания граждан, поддержание и улучшение санитарного и эстетического состояния территорий, содержание территорий населенных пунктов и расположенных на таких территориях объектов. Для достижения данной цели в правилах благоустройства территории устанавливаются требования к благоустройству и элементам благоустройства, а также комплекс соответствующих мероприятий, осуществляемый в том числе, и собственниками и (или) иными законными владельцами зданий, строений, сооружений, земельных участков [4].

В ситуациях, когда законодательство не содержит прямого ответа на возникший вопрос, суд может сформулировать новый правовой принцип, который будет применяться в дальнейшем при разрешении аналогичных споров. Так, в Апелляционном определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.10.2021 № 44-АПА21-2 суд определил, что органы местного самоуправления не наделены полномочием устанавливать в правилах благоустройства территории муниципального образования абсолютный (недифференцированный) запрет на размещение нестационарных торговых объектов на земельных участках, относящихся к придомовой территории многоквартирного дома, если собственниками этих участков выражено согласие на размещение таких объектов и соблюдены обязательные требования, определенные законодательством Российской Федерации [5]. В Определении Верховного суда РФ по делу № А73-13544/2019 была рассмотрена спорная ситуация касательно вопросов содержания детской площадки, Верховный суд в свою очередь подтвердил обязанность управляющих организаций содержать объекты на придомовых территориях, даже если они не включены в общее имущество собственников [6].

Помимо рассмотренных примеров в сфере благоустройства часто возникают ситуации, когда установление признаков принадлежности к тому или иному понятию может быть затруднено ввиду отсутствия четких

признаков или оценочных критериев. Судебная практика помогает сформировать положения, позволяющие оценить соответствие конкретной ситуации этим понятиям, что упрощает применение соответствующих норм на практике. К примеру является ли рассматриваемая территория озелененной, если на ней отсутствует растительность (Решение Канавинского районного суда г. Нижний Новгород от 11 июля 2024 г. по делу № 12-280/20247 [7]) или оправдано ли решение о признании определенного транспортного средства брошенным или разукомплектованным, если оно не повреждено, но долгое время оставалось без движения (Решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 10 июля 2024 г. по делу № 2-3310/20248 [8]).

Судебная практика играет ключевую роль в развитии правового регулирования благоустройства территорий муниципальных образований. Она не только обеспечивает толкование и применение действующих норм права, но и способствует формированию новых правовых принципов, выявлению пробелов в законодательстве и разрешению коллизий между нормативными актами различного уровня. Систематический учет и анализ судебной практики необходимы для совершенствования правового регулирования благоустройства, повышения его эффективности, обеспечения формирования комфортной и безопасной среды для проживания граждан, а также для предотвращения и своевременного устранения нарушений законодательства в этой сфере. Для эффективного использования судебной практики в целях развития правового регулирования благоустройства необходимо наладить механизмы ее учета и анализа. Органам местного самоуправления следует регулярно отслеживать решения судов по делам, связанным с благоустройством, как на региональном, так и на федеральном уровне, изучать их аргументацию и обоснование. При разработке и принятии муниципальных нормативных правовых актов учитывать правовые позиции судов, сформулированные в судебных решениях, чтобы избежать противоречий и обеспечить их соответствие действующему законодательству.

Как неоднократно отмечал свою правовую позицию Конституционный Суд Российской Федерации, изложенную в постановлениях от 25 апреля 1995 года № 3-П, от 15 июля 1999 года № 11-П, от 11 ноября 2003 года № 16-П и от 21 января 2010 года № 1-П, правовая норма должна отвечать общеправовому критерию формальной определенности, вытекающему из принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии ясности, недвусмысленности нормы, ее единообразного понимания и применения всеми правоприменителями. Неопределенность правовой нормы ведет к ее неоднозначному пониманию и, следовательно, к возможности ее произвольного применения, а значит — к нарушению принципа равенства всех перед законом и судом [9].

Литература:

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2019 N 2-АПА19-8 // URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25092019-n-2-apa19-8/> (дата обращения: 11.02.2026).
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2019 N 56-АПА19-23 // URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27112019-n-56-apa19-23/> (дата обращения: 11.02.2026).
3. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2019 N 69-АПА19-5 // URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-25092019-n-69-apa19-5/> (дата обращения: 11.02.2026).
4. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 12.01.2022 по делу № 66а-68/2022 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=29236#XZl5qsUKoZTPu6QV> (дата обращения: 11.02.2026).
5. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.10.2021 N 44-АПА21-2 // URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-20102021-n-44-apa21-2/> (дата обращения: 11.02.2026).
6. Определение Верховного Суда РФ от 25.08.2020 N 303-ЭС20-11685 по делу N А73-13544/2019 // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25082020-n-303-es20-11685-po-delu-n-a73-135442019/> (дата обращения: 11.02.2026).
7. Решение Канавинского районного суда г. Нижнего Новгорода от 11 июля 2024 г. по делу № 12-280/2024 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UGrLB68yxSYz/> (дата обращения: 11.02.2026).
8. Решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 10 июля 2024 г. по делу № 2-3310/2024 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PC4D8AtGQRdM/> (дата обращения: 11.02.2026).
9. Постановления Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П; от 15.07.1999 № 11-П; от 11.11.2003 № 16-П; от 21.01.2010 № 1-П // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision23725.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 7 (610) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 25.02.2026. Дата выхода в свет: 04.03.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.